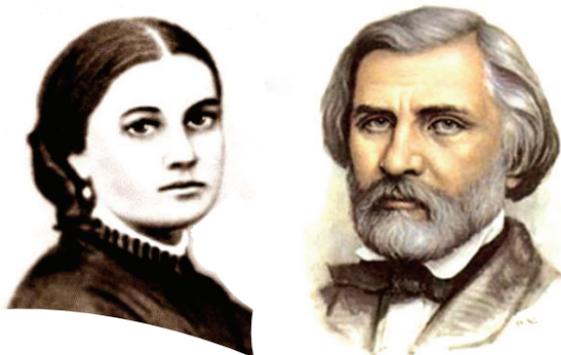
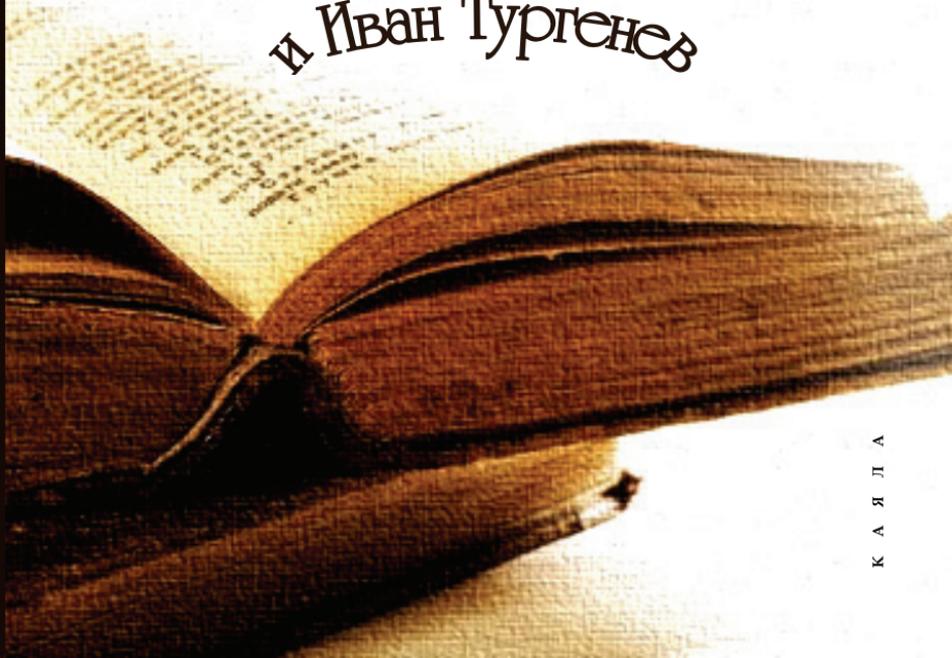

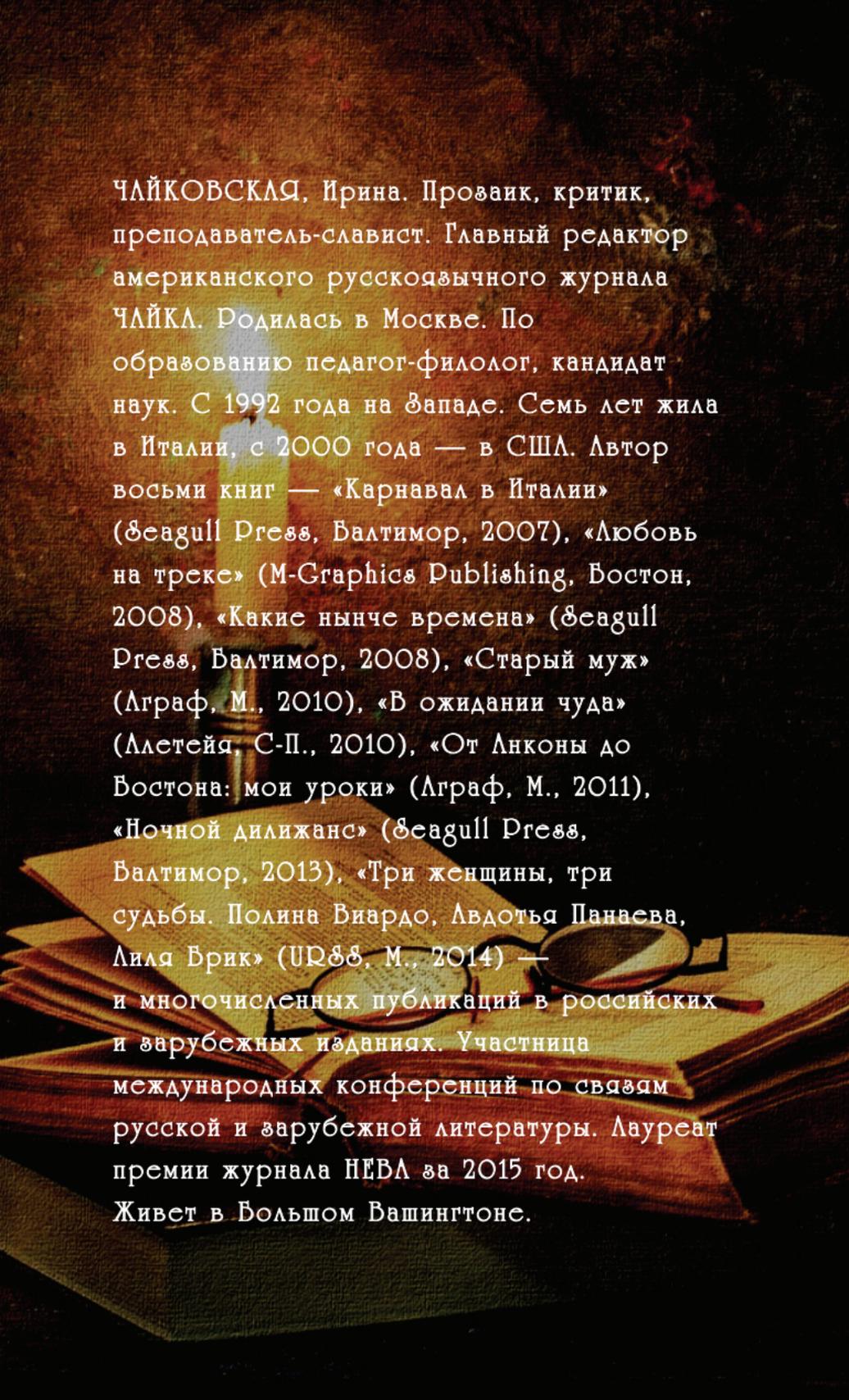
Ирина Чайковская Мария Маркович и Иван Тургенев

Ирина
ЧАЙКОВСКАЯ
Мария Маркович
и Иван Тургенев

КАЯЛА

ЧЛЙКОВСКАЯ, Ирина. Прозаик, критик, преподаватель-славист. Главный редактор американского русскоязычного журнала ЧЛЙКА. Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат наук. С 1992 года на Западе. Семь лет жила в Италии, с 2000 года — в США. Автор восьми книг — «Карнавал в Италии» (Seagull Press, Балтимор, 2007), «Любовь на треке» (M-Graphics Publishing, Бостон, 2008), «Какие нынче времена» (Seagull Press, Балтимор, 2008), «Старый муж» (Аграф, М., 2010), «В ожидании чуда» (Летейя, С-П., 2010), «От Анконы до Бостона: мои уроки» (Аграф, М., 2011), «Почной дилижанс» (Seagull Press, Балтимор, 2013), «Три женщины, три судьбы. Полина Виардо, Авдотья Панаева, Лиля Брик» (UR88, М., 2014) — и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Участница международных конференций по связям русской и зарубежной литературы. Лауреат премии журнала НЕВА за 2015 год. Живет в Большом Вашингтоне.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

КАЦЛА

Ирина
ЧАЙКОВСКАЯ

**МАРИЯ МАРКОВИЧ
И ИВАН ТУРГЕНЕВ**

КАЯЛА
Киев, 2017

УДК 821.161.2'06-94
ББК 84(4Укр)1-445
Ч15

Чайковская И.

Ч15 — Мария Маркович и Иван Тургенев, Киев: «ФОП Тетяна Ретівов», 2017. 224 с. — (Серия «Современная литература. Поэзия, проза, публицистика»).

В книге Ирины Чайковской говорится о двух «классиках» — Марии Маркович (1833–1907), в 25 лет ставшей известной украинской писательницей и взявшей себе литературный псевдоним Марко Вовчок, и Иване Тургеневе (1818–1883), корифее русской литературы. Не все знают, что Тургенев переводил «Народные украинские рассказы» Марко Вовчка и в течение пяти лет, с 1859 по 1864, их связывали непростые творческие и личные отношения. Об этих сложных отношениях, неожиданно и резко оборвавшихся по воле Марии, рассказывается на основе их переписки, а также писем, дневников и свидетельств современников. В книгу включены произведения Марко Вовчка, написанные как в период интенсивного общения с Тургеневым, так и после.

УДК 821.161. 2'06-94
ББК 84(4Укр)1-445

© И. Чайковская, 2017
© «Каяла» (Киев), 2017

Предисловие автора О Марии Маркович (Марко Вовчок)

Широко известная в середине XIX века писательница Мария Александровна Маркович (Марко Вовчок), в настоящее время довольно основательно забыта. Нет, на Украине ее помнят и знают. Там она числится в классиках.

Другое дело — Россия. А ведь Мария Маркович — русская, орловчанка. И если начало ее творчества связано с Украиной и украинским языком («Народные украинские рассказы», 1858, повесть «Институтка», 1860), то впоследствии Мария Маркович писала на русском языке и от украинской тематики отошла.

В этом коротком биографическом очерке мне хочется отбросить некоторые мифы, образовавшиеся вокруг жизни Марии Маркович. Сама писательница своей автобиографии не оставила и небылицы о себе не пресекала, только сетовала на их существование. Обычно перевирается даже год ее появления на свет. Вместо 1833 называется 1834. Не кончала она и Института, об учебе в котором говорится даже в наиболее авторитетной ее биографии, принадлежащей С.А. Венгеру, все ее образование ограничивается двумя годами «французского пансиона» в Харькове, который она так и не окончила.

Часто Марии приписываются украинские предки. И это тоже выдумки.

Она родилась в Орловской губернии в бедной дворянской семье, украинских корней не имеющей¹. Но Украина властно потянула ее к себе, когда в 1851 году² она вышла замуж за Афанасия Васильевича Марковича, собирателя малороссийского фольклора, этнографа, патриота и пропагандиста нарождающейся украинской культуры. Вот что писал о писательнице Тургенев, знавший о жизни Марии Маркович от нее самой: «Г-жа Мария Маркович, уроженка Орловской губернии, ставшая в замужестве малороссиянкой...» (письмо к издателю Этцелю, август 1875)³, и дальше: «Владея малороссийским языком лучше, чем кто-либо в ее эпоху, она кончила тем, что стала русским автором»⁴. Действительно, начав с рассказов из жизни крепостной украинской деревни, написанных на красочном и напевном малороссийском наречии, которым она овладела, собирая с мужем песни и сказания в пригородах Остра, Немирова, Чернигова,

¹ Мать писательницы, Прасковья Петровна Данилова, была из обедневших орловских дворян, отец же был военным, числился за Сибирским полком. В своей работе я высказываю догадки об его происхождении.

² Привожу дату замужества Марии Маркович по книге ее внука Бориса Лобач-Жученко. Получается, что замуж она вышла 18-ти лет. В воспоминаниях Н.А. Тучковой-Огаревой однако говорится, что, по рассказам самой ММ, она вышла замуж в 16 лет, то есть в 1849 году. Годом ее замужества называют также 1850.

³ См. Б. Б. Лобач-Жученко. О Марко Вовчок. Воспоминания, поиски, находки. Киев, «Худож-я лит-а», «Днипро», 1987, с. 69.

⁴ Там же, с. 71.

где на мелких должностях подвизался Афанасий Васильевич, Мария Маркович уже с начала 1860-х начинает писать рассказы и повести на русском языке.

Вышедшие в 1858 году «Украинские народные рассказы» писательницы вызывают положительные, даже восторженные отклики как со стороны русских писателей-демократов, так и среди украинского сообщества. С энтузиазмом приветствовал дебют Марко Вовчка Тарас Шевченко, считавший образцовым язык ее украинских рассказов и повестей¹.

С 1859 года Мария Маркович с мужем и сыном Богданом живут в Европе. В их первую поездку за рубеж Марию с маленьким Богданом сопровождает Тургенев (Афанасий Васильевич приедет к семье позже).

Тургенев опекает молодую женщину, помогает освоиться в жизни за границей. Между писателем и молодой женщиной завязывается роман, чему способствует его временное отдаление от Полины Виардо. Мария Маркович не любит мужа, он для нее человек, освободивший ее от гнета семьи, давший независимость². Между тем, Тургенев близок Маркович — они земляки, оба с Орловщины, оба пишут произведения о современной жизни, причем с уклоном в крестьянскую тему. Однако, если Тургенев придерживался умеренно либеральных взглядов, то Мария Маркович была гораздо радикальнее, она сочувство-

¹ См. И. С. Тургенев. Воспоминания о Шевченко. Дніпро, 1988, с. 392.

² См. Н.А. Тучкова-Огарева. Воспоминания 1848–1870. М., 1903, с. 160 («Она рассказала Герцену, что вышла замуж шестнадцати лет, без любви, только из желания независимости»).

вала национально-освободительному движению поляков и украинцев, стояла у истоков формирования украинской национальной идентичности и культуры.

За границей Мария Маркович установила связи с Герценом, уже основавшим Вольную русскую типографию. Мария была связницей между Лондоном и Россией, а также поставляла материалы для нелегальной герценовской газеты «Колокол». Тургенев был на 15 лет старше Марии, он испытывал к ней наполовину отцовские, наполовину любовные чувства: учил, наставлял, делился писательским и человеческим опытом, что видно из писем. По их переписке можно проследить, как развиваются и набирают силы их отношения. Но им не дано было перерасти в серьезное и стойкое чувство. Писатель хотел иметь Марию рядом с собой — как подругу, секретаря, утешителя, но полагал, что время его ушло, к тому же, у Марии Маркович были свои жизненные планы...

С 1860 года стремительно развивается ее роман с Александром Пассеком, молодым ученым-правоведом, озакончившим Московский университет и собиравшим за границей материалы об европейских тюрьмах. Александр был всего на три года младше Марии, но в этом дуэте руководила она, тем более, что ей приходилось лавировать между Пассеком, многочисленными поклонниками и Тургеневым. В 1864 году она решительно обрывает все связи с Тургеневым, что совпадает с периодом, когда от писателя отвернулись многие его знакомые из демократического лагеря, посчитав, что он изменил идеалам демократии, не откликнувшись на разгром польского восстания 1863—

1864 г. В случае Тургенева и Марии Маркович можно говорить о двух составляющих их разрыва — общественно-политической и личной.

Мария открыто живет с Александром Пассеком, порвавшим из-за нее с матерью, она помогает ему в работе, поддерживает в борьбе с болезнью. В 1866 году, в возрасте 30 лет, Александр умирает от чахотки на руках своей возлюбленной. Марии суждено везти его тело в свинцовом гробу на родину. Пройдет всего два года, и она повезет в Петербург еще один свинцовый гроб — с телом своего троюродного брата, ставшего близким для нее человеком, Дмитрия Писарева, утонувшего в Рижском заливе во время их совместного отдыха.

Душевное состояние Марии Маркович в это время прекрасно передал Николай Некрасов в посвященном ей стихотворении, начинавшемся словами: «Нерыдай так безумно над ним»...

Последующие годы Мария провела в Петербурге, сотрудничая с «Современником» и выпуская свой ставший популярным журнал «Переводы лучших иностранных писателей». Журнал давал средства к существованию не только самой Марии, но и женщинам-переводчицам, чьи переводы, отредактировав, она помещала в журнале. Журнал этот принес Марии Маркович тяжелые переживания, ее публично обвинили в плагиате, фактически началась травля писательницы.

Не удивительно, что во второй половине жизни она возненавидела свой литературный псевдоним Марко Вовчок. В письме к сыну Богдану писательница

с болью констатирует (февраль 1892 года): «Скажу тебе, что большей обиды и огорчения мне невозможно сделать, как вытаскивая снова на свет эту ненавистную мне кличку (Марко Вовчок, — *И. Ч.*). Я точно переживаю снова все гадости виденные, все страдания испытанные, когда встречаю случайно эту кличку. Да, запомни это: невозможно мне сделать больших обид и огорчения как способствуя тем или другим путем вывести опять эту кличку, заставить ее повторять — с похвалами или бранью — все равно... Так меня это расстроило, что я даже вот сейчас зарюмила¹, что конечно, не похвально» (24 февраля 1892)².

Или в другом письме: «Что касается до работы где-либо, то впечатления последних лет были таковы, что пропала всякая охота иметь дело с заправками и явилось желание бежать от них и от своих товарищей по работе. Столько тяжелого пришлось пережить, столько гадкого увидеть, что самая мысль опять войти в эту среду неприятна. Опять услышать эти подлые голоса и представить себе, хотя бы издали, все подлые улыбки, противно, — трудно выразить, до чего противно» (10 сентября 1887)³.

Писательница на долгие годы уходит в тень, живет частной жизнью далеко от столиц и литературных баталий. В 1878 году она выходит замуж за Михаила

¹ Слово-неологизм прекрасно передает душевное состояние писательницы, в котором спасение приносит только алкоголь.

² Марко Вовчок. Твори в шести томах. Державне Видавництво художньої літератури Київ – 1956. Т. 6, с. 478.

³ Там же, с. 471.

Демьяновича Лобач-Жученко, морского инженера, ровесника ее сына Богдана, и вместе с мужем выезжает на Северный Кавказ, в Ставрополь. У пары рождается сын Борис, Мария Александровна занимается его воспитанием¹. В 1906 году семья переезжает в Нальчик. В конце 1880-х гг. с Марией Маркович через ее сына Богдана, сосланного в Астрахань за народовольческую деятельность, связывается Чернышевский. Писательница, по его просьбе, сообщает ему сведения о Добролюбове, которого знала и с которым переписывалась в последний год его жизни (1861).

Умерла Мария Маркович под Нальчиком на хуторе Долинском в 1907 году. Незадолго до смерти она просит сына Богдана прислать ей слова и музыку революционной песни «Вы жертвою пали в борьбе роковой», а также «Русскую Марсельезу», русский текст которой был написан Петром Лавровым («Отречемся от старого мира»). Можно сказать, что до самого конца в этой женщине жил неукротимый боевой дух.

* * *

Три произведения Марии Маркович, помещенные в книге, говорят о разных сторонах ее дарования.

Рассказ-сказка «Лемеривна» (1860) насквозь пропитан фольклором и заставляет вспомнить такой факт

¹ В книге внука Марии Маркович Бориса Борисовича Лобач-Жученко утверждается, что Борис был не сыном, а внуком Марии Александровны — якобы она усыновила незаконного ребенка своего сына Богдана. См. Б.Б. Лобач-Жученко. О Марко Вовчок. Воспоминания, письма, находки. Киев, Худ. Лит-ра, «Днипро», 1987, с. 284–286.

из биографии автора: швейцарский композитор Эдуард Мертке записал от Марии Маркович 200 народных украинских песен — их слова и мелодию. Прочитав «Лемеривну», некоторые читатели решат, что Марко Вовчок была предшественницей романтических рассказов Горького. Возражать против этого не буду. Действительно гордая и неприступная казачка Лемеривна сильно напоминает цыганку Раду из раннего рассказа Горького, и погибают обе одинаково — от руки влюбленного в них юноши.

Повесть «Червонный король» удостоилась прямо противоположных оценок Герцена и Тургенева. Если Герцен считал повесть «гениальной», Тургенев числил ее в малоудачных. Как бы то ни было, в повести ярко отразилась еще одна черта писательницы — ее социальность. Два класса — господский и холопский — у Марии Маркович никогда не смешиваются, у них разная жизнь, разные интересы. Барская жизнь резко отлична от холопской. И вроде бы должна быть эта барская жизнь яркой, праздничной, веселой. Но посмотрите, как она пуста, не интересна, ничем не заполнена, как всякая мелочь может кардинально повлиять на ее ход. Повесть «Червонный король» (1860), как и многие рассказы Марко Вовчка, представляет собой сказ: дворовая девушка рассказывает о жизни двух молодых хозяек-барышень, в которой роковую роль сыграла не какая-то неведомая сила, а досада одной из «тетенок», решившей насолить своей сестрице. Получается, что романтическое название «Червонный король» служит прикрытием для рассказа о бессмысленности и случайности происшедшего.

И наконец очерк «Путешествие во внутрь страны. От Петербурга до Москвы» (1871) демонстрирует в писательнице талант зоркого журналиста и одновременно драматурга, ибо вся вещь, представляющая собой социально-бытовые сцены, построена на прямой речи персонажей. Все общественные слои, весь спектр тогдашних разговоров, споров, мнений — проходят перед читателем, давая ему возможность увидеть живых людей, от надутого барина до оборванца...

И хотя речь идет о далеких для нас 1870-х годах, к нашему удивлению, в репликах персонажей и в их повадках мы отыщем много хорошо знакомого, родного, точно схваченного писательницей.

Три вещи из большого наследия — малая толика, но читатели смогут составить по ним представление о творчестве ныне полузабытой писательницы, современницы и подруги Ивана Тургенева, Марии Маркович.

Ирина Чайковская
Ноябрь, 2014

Мария Маркович и Иван Тургенев: история отношений

(на материале переписки)

Эта работа посвящена истории взаимоотношений двух классиков — классика русской литературы Тургенева и украинской — Марии Маркович (Марко Вовчка). Мне представляется, что роль Марии Маркович в жизни Тургенева исследователями недооценивается. Между тем, в годы, предшествующие «баденскому периоду» в жизни писателя, эта женщина была для него человеком очень близким и дорогим. Об этом можно судить по интенсивности и эмоциональному накалу их переписки. Тургенев проявлял неподдельный интерес к ее творчеству, переводил ее рассказы и повести, но и к самой Марии при всем несходстве их жизненного опыта, взглядов и поведения — писатель был, по его собственному признанию, «привязан». Скорее всего, речь идет не только о привязанности, но и о влюбленности и даже о любовном романе. Разрыв их отношений в 1864 году, — инициатива которого исходила от нее, по всей видимости, был воспринят Тургеневым болезненно. Мне хотелось подробно, шаг за шагом проследить ход этих необычных отношений, их развитие и эмоциональную вершину и затем быстрый и такой неожиданный конец. Строчки писем, свидетельства современников говорят о многослойности и мно-

госторонности этого внезапно оборвавшегося романа. По мере сил я постаралась разобраться в его узлах и сплетениях...

Любимейший автобиографический герой Тургенева, Федор Лаврецкий из романа «Дворянское гнездо», потерпев крах в своих надеждах на обновление жизни, на женитьбу на полюбившейся ему юной девушке, с горечью восклицает: «Здравствуй, неизбежная старость! Догорай, бесполезная жизнь!» Между тем, Феде Лаврецкому едва перевалило за сорок (ему 43 года), самый расцвет для мужчины. Отметим для себя, что предмет «поздней любви» Лаврецкого (хотя ему всего-то 35) — молодая девушка, лет девятнадцати. Разница в возрасте между ними большая — примерно как между отцом и дочерью.

Тургеневский роман «Дворянское гнездо» дорисовывался летом 1859 года в Спасском. В это время у Тургенева уже шла активная переписка с его новой знакомой, Марией Александровной Маркович¹. Несколько раньше, в 1858 году, в переводе Тургенева вышли украинские рассказы Марии Александровны, взявшей себе псевдоним — «Марко Вовчок». Тогда же Мария Маркович вместе с мужем и маленьким сыном из провинциального Немирова приехала в Петербург, где произошло ее очное знакомство с Тургеневым. В 1859 году она с шестилетним Богданом в сопровож-

¹ В 72-м томе «Литературного наследства» были опубликованы 48 писем М. А. Маркович к И. С. Тургеневу за 1859–1864 гг. См. Крутикова Н. Е. Из парижского архива Тургенева (в 2 кн.). М., Наука, 1964. Только шесть писем Маркович из этой публикации были известны до этого.

дении знаменитого уже к тому времени писателя Тургенева пересекла русскую границу, направляясь в Германию, и Иван Сергеевич эту совместную поездку хорошо запомнил, вспоминал ее в письмах, а спутников своих проводил даже не до Берлина, как первоначально предполагалось, а до самого Дрездена.

Итак, переписка Тургенева и Марии Маркович начинается в 1859 году и обрывается — обрывается внезапно, так рвут отношения, когда не хотят затягивать и вдаваться в объяснения, — в 1864 году.

За спиной у двух корреспондентов к тому времени пять лет интенсивного общения, причем не только эпистолярного. Оглядев весь массив этой корреспонденции, можно сделать вывод о том, что начиналась она, как переписка старшего и младшей (Тургеневу в 1859 году 41 год, Марии Александровне — 26), учителя и ученицы, кончилась же в несколько иной диспозиции. Какой? Об этом дальше. Прежде чем конкретно говорить о содержании писем, набросаем штриховой портрет той, к которой Тургенев в своих письмах неизменно обращался «Любезнейшая Марья Александровна».

Кто она, эта «любезнейшая Марья Александровна», откуда взялась?

Мария Александровна Вилинская-Маркович

Развеем некоторые повторяющиеся мифы. Мария Александровна Вилинская родилась в 1833 году (часто указываемый 1834 год неверный). По происхождению она русская, росла в провинциальной дворянской се-

мье своей матери, так что все разговоры об ее украинских корнях являются домыслами. Место ее рождения село Екатерининское Орловской губернии, неподалеку от Ельца. Ее мать, Прасковья Петровна Данилова, рано вышла замуж за офицера Сибирского полка Александра Виленского. Виленский (впоследствии его фамилия преобразовалась в имени дочери в Вилинскую) был пришлый, «из студентов», поэтому не могла Маша в детстве жить в его имении, о чем читаем в некоторых источниках¹.

После ранней смерти мужа мать Маши выходит замуж вторично, брак оказался неудачным — муж, картежник и пьяница, скрылся, прокутив приданое жены и оставив ее с пятью детьми (включая двух его детей от другого брака). По поводу родного отца Марии Вилинской возникают вопросы. Да, пришлый, да, 15-летняя бесприданница Прасковья не имела с мужем-военным общего «гнезда». Но что кажется еще более странным, что он заболел (болезнь не называется) и умер в 1840 году не дожив до 40 лет в Туле, в больнице «общественного призрения»². Муж небогатой, но помещицы, дворянки, отец двух ее детей уми-

¹ Все эти сведения приводятся в книге Евгения Брандиса, который вместе с внуком Марии Маркович Борисом Борисовичем Лобач-Жученко отыскал место рождения писательницы и сведения об ее отце в метрической книге. См. Брандис Е. П. Сила молодая. Повесть о писательнице Марко Вовчок. Л., Детская литература, 1972 (для старшего возраста). См. также Б. Б. Лобач-Жученко. О Марко Вовчок. Воспоминания, письма, находки. Киев. Художеств. лит-а, «Днипро», 1987, с. 17.

² См. в указ. книге Б. Б. Лобач-Жученко, с. 17.

рает не в ее доме, а в больнице «для бедных», содержащейся на казенный счет. Есть о чем подумать... Фамилия Виленский (с географической отсылкой к Вильно) вызывает мысль о еврейском происхождении отца писательницы, мальчиков из еврейских семей забирали в кантонисты, часто насильственно крестили и давали фамилии по имени того места, откуда они родом...

Как бы то ни было, после смерти мужа мать отправила Машу в четырехгодичный Благородный женский пансион в Харькове, где ученье и общение пансионерок проходило исключительно на французском языке. Пансион, в котором требовалось беспрекословное послушанье, непокорная Вилинская бросила через два года, не доучившись и не получив свидетельства об окончании. Таким образом, ученье в «институте», которое приписывает ей статья в словаре Брокгауза и Ефрона — ее текст написал сам Семен Афанасьевич Венгеров, — это миф. Вся эта биографическая путаница объясняется только тем, что сама Вилинская-Маркович крайне неохотно говорила о себе и никогда не поправляла ошибочных сведений в своей биографии¹.

Из пансиона Мария приехала не домой, а к тетке, Катерине Петровне Мардовиной, в Орел. Здесь, в салоне Мардовиной, она познакомилась с Афанасием

¹ В письме к сыну Богдану: «...как безбожно обращались до сих пор с моими биографическими сведениями, помещали меня в институт (отроду в институте не была)... производили от орловских дворян и прочее и прочее».

Цит. По кн. Евгений Брандис, с. 7. Обратим внимание на то, что писательница не происходила «от орловских дворян». Скорее всего, здесь говорится об отце Марии, Александре Вилинском, чье происхождение неясно.

Васильевичем Марковичем, киевским студентом, высланным под надзор орловского губернатора вследствие своего участия в Кирилло-Мефодиевском братстве. Когда нужно было сделать выбор — богач Ергольский или бедный ссыльный, исправляющий мелкую должность в губернаторской канцелярии, 17-летняя Мария решительно выбрала последнего. В сохраненной сыном записке она писала суженому: «Пиши скорее, как сделать. Я не задумуюсь...». Она бежит из дома тетки, и они с Афанасием венчаются, о чем тетка узнает только через три дня.

Эта решительность — сделала как отрубил, взяв на себя тяжесть смелого до безрассудства поступка, — будет ей сопутствовать всю жизнь.

Афанасий Васильевич был украинский патриот, прошедший за свои взгляды через этап, допросы и заточение в крепости, впоследствии он продолжал находиться под секретным полицейским надзором. Афанасий, или Опанас, прекрасно говорил по-украински, знал множество народных украинских песен, занимался народной этнографией, собирал по деревням фольклор. Они с молодой женой уехали на Украину. Жили то в одном, то в другом живописном месте, в зависимости от работы Афанасия — в городке Остре Черниговской губернии, в Чернигове, Киеве, Немирове. Вместе с мужем Мария ходила по хатам, записывала народные песни¹, у Афанасия это было занятием для души. Мария Маркович не только овладела укра-

¹ Впоследствии от Марии Маркович швейцарский композитор Мертке запишет 200 украинских песен (!), их слова и мелодию. См. Марко Вовчок. Твори в шести томах. Державне видавництво Художньої літератури, Київ, 1956, т. 6, с. 433.

инским языком (тогда говорили малороссийским наречием), но стала писать на нем рассказы из народного украинского быта. В 1858 году при посредстве друга Афанасия Марковича, также участника Кирилло-Мефодиевского братства, критика и издателя Кулиша, жившего в Петербурге, в столице были опубликованы 12 рассказов «Народні оповідання» Марко Вовчка — такой она взяла себе псевдоним. Книгу заметили, через год ее перевел Тургенев¹, снабдив предисловием переводчика. Там он писал: «Малороссийская читающая публика давно уже познакомилась с «Народными рассказами» Марка Вовчка, и имя его стало дорогим, домашним для всех его соотечественников. Чувствовалась потребность сделать его таким же для великорусской публики...». Тургенев говорил дальше о своем желании сохранить в переводе «ту особую, наивную прелесть и поэтическую грацию, которою исполнены «Народные рассказы»².

Имя переводчика привлекало внимание. Вот свидетельство Герцена: «Рассказы эти... остановили нас именем переводчика. Прочитавши, мы поняли, почему величайший современный русский художник Иван Тургенев перевел их. В петербургских болотах, в московской пыли не растут такие дубравные цветы; тут все чисто и здорово, неистощенная земля, непочатое сердце, тут веет полем после весеннего дождя»³. Тургенев был польщен, он не ожидал от Герце-

¹ Тургенев переводил рассказы МВ по сделанному для него Афанасием Марковичем и Кулишем предварительному переводу.

² См. «Россия молодая» Е.П. Брандиса, с. 228.

³ Письма к Тургеневу М. А. Маркович. Вступит. статья Н. Е. Крутиковой, т. 2, с. 257.

на такой оценки: «величайший современный русский художник». Но и Мария Маркович удостоилась высокой похвалы. Впоследствии Тургенев переведет еще одну ее вещь, написанную по-украински, — повесть «Институтка» (1859–1861). Тургеневу повесть понравится. Однако в дальнейшем писательница от украинского языка и украинской тематики отойдет, будет писать на русском и на французском, переводить с французского и с польского. При этом все то, что было ею написано в ранней молодости по-украински, за кратчайший срок — всего-то пять лет с 1857 по 1862 год, — сделает ее классиком украинской литературы.

Евгений Брандис, обрывая свою книгу о жизни писательницы на моменте ее знакомства в Петербурге с Тарасом Шевченко, увидевшим в Марии свою ученицу и продолжательницу, так подведет итог этой жизни: «К 26 годам (то есть к 1859 году, — *И.Ч.*) М.А.Маркович достигла своего Монблана»¹. Мне однако кажется, что это далеко не так. Жизнь человека — это ведь не только творчество, принесшее признание, но еще и «жизнестроительство», куда входит обретение дружбы и любви, встречи, проблемные моменты, связанные с важными решениями, семья и дети, перемещения в пространстве... А все это в судьбе нашей героини имело место, всего было ей отмерено полной мерой и даже через край.

Судите сами.

Приехав в 1859 году в Германию, она активно пишет рассказы на русском и украинском, переписы-

¹ См. Е. Брандис. указ. соч., с. 238.

вается с Тургеневым и Герценом. Про переписку с Тургеневым буду говорить особо, что до Александра Герцена, то он был очарован Марией Маркович, два раза принимал у себя, приезжал в гости из Брюсселя. Скорее всего, кроме личной симпатии, которую он к ней испытывал, он видел в молодой женщине связницу и корреспондентку для «Колокола». Позднее их отношения испортились, причина была личная, об этом еще напишу.

В Петербурге Мария была в центре кружка «малороссов» («...служила украшением и средоточием небольшой группы малороссов, съютившейся тогда в Петербурге и восторгавшейся ее произведениями: они приветствовали в них — так же как в стихотворениях Шевченка — литературное возрождение своего края»¹). За границей вокруг нее вились молодые русские социал-демократы, а также поляки, мечтавшие о независимости своей родины. Круг молодых людей состоял в основном из влюбленных в Марию юношей. С одним из них, Александром Пассеком, у Маркович был продолжительный роман, завершившийся с его безвременной кончиной. Говоря о ней и Тургеневе, я обязательно коснусь этого сюжета.

Живя в Париже, Маркович сблизилась с издателем детского журнала Этцелем (псевдоним П.Ж. Сталь), владевшим эксклюзивным правом на издание Жюля Верна.

Он познакомил Марию с замечательным французским романистом, и Мария из рук самого Жюля

¹ И. С. Тургенев. Воспоминания о Шевченко. Дніпро, 1988, с. 392.

Верна получила исключительное право переводить его произведения. Чем она и занималась, когда в начале 1870-х годов издавала в России иллюстрированный журнал «Переводы лучших иностранных писателей». Мария сама содержала себя и ребенка, деньги зарабатывала литературным и издательским трудом, помощи ждать ей было не от кого (Афанасий Васильевич умер как раз в год ее возвращения из-за границы в 1867-м, впрочем, они с ним разъехались уже в 1860-м, хотя и переписывались до самой его смерти).

Вернувшись в 1867 году, со смертью Александра Пассека, в Россию и привезя его тело в свинцовом гробу для захоронения, Мария Маркович в течение двух последующих лет вместе со своим троюродным братом Дмитрием Писаревым сотрудничала в щедринско-некрасовских «Отечественных записках», вела в них отдел иностранной литературы.

Нужно сказать, что в 1861 году, во время своего путешествия в Италию, в Неаполе, Маркович встречает Добролюбова, приехавшего туда для лечения. И вплоть до самой его смерти от чахотки в 1862 году они с ним переписываются. Николай, а затем, по его просьбе, и Чернышевский, помогают ей в ее издательских делах и разборках с издателями. Много позже с нею свяжется Николай Гаврилович Чернышевский, находящийся в ссылке в Астрахани, куда ее сын Богдан будет также сослан за революционную деятельность, — попросит прислать письма Добролюбова, рассказать об общении с ним. Николай Гаврилович, когда-то приветствовавший появление писательницы, как оказалось, спустя много лет не изменил своего

к ней отношения, хотел переиздать ее сочинения. Вот его поздний отзыв о ней в письме к Богдану Марковичу: «...передайте, что я всегда очень любил ее, что я глубоко уважаю ее сочинения и считаю самой даровитой, и самую высокую — последнего времени...»¹. В письме к Богдану от 10 сентября 1887 года Мария Александровна пишет о своем непродолжительном общении с Добролюбовым (какие-нибудь месяц или два), во время которого «он обращал меня, что называется в свою веру... отзывы его о многих, которые пользуются «симпатиями русской публики», были более чем непочтительны. Особенно горько и язвительно осмеивал он Тургенева»². В том же году в письме к Н.Г.Чернышевскому Маркович просит о двух вещах. Первая связана с литературным псевдонимом Марко Вовчок, выбранным в юные годы. «Если Вы пожелаете привести что из моих воспоминаний в печати, то, прошу Вас, не выставляйте моего имени... мне одна мысль видеть опять это имя или, правильнее, кличку в печати невыразима тягостна...». И вторая — о своем нежелании предавать огласке ВСЕ услышанное от Добролюбова: «Если я правильно поняла, Вы желали, чтобы я написала все, что слышала от Ник(олая) Алекс(андровича). Я так и сделала, за исключением одного рассказа его, который не считаю вправе передать...»³.

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864. Из парижского архива Тургенева (в 2-х кн.) Вступит. статья и комментарии Н. Е. Крутиковой, серия «Литературное наследство». Из неизданной переписки, М., Наука, 1964, с.253.

² Марко Вовчок. Твори в шести томах (Собр. соч. в 6 томах), т. 6, с. 471.

³ Там же. т. 6, с. 472, письмо 1887 года.

В свете того, о чем Мария Александровна писала в письме к сыну, правдоподобно предположение, что рассказ этот связан с Иваном Тургеневым... Но к этой теме я еще вернусь.

«Я гибель приносила милым», — скажет о себе Анна Ахматова. Что-то похожее могла бы сказать про себя и Мария Маркович. Во всяком случае, критик Дмитрий Писарев погиб всего через год после ее приезда и почти у нее на глазах — утонул в Рижском заливе в районе Дубулт, куда они с Марией и пятнадцатилетним Богданом поехали на отдых летом 1868 года. Писарев был не последней любовью Марии Маркович, но его смерть на фоне того, что уже было пережито с Александром Пассеком, чей свинцовый гроб ей также выпало сопровождать на родину, воспринималась ею тяжело. И рыдала она над его могилой безутешно. Именно ей, Марии Маркович, посвящены стихи Некрасова на кончину Писарева «Не рыдай так безумно над ним», написанные 7 августа 1868 г.¹

Литературную деятельность Марии Маркович прервет неожиданный случай: ее обвинили в плагиате, вернее в присвоении чужого труда; оскорбленная писательница уезжает из Петербурга, поселяется в провинции. В 1878 году она вторично выходит замуж, — за морского офицера Михаила Лобач-Жученко. Ей в это время 45 лет, мужу 27. У пары рождается сын Борис².

¹ Некрасов писал в письме к Маркович: «Только Вам, Мария Александровна, решаюсь покуда дать это стихотворение». Радуга. Альманах Пушкинского дома, ПБ, 922, с. 226.

² Б. Б. Лобач-Жученко в своей книге «О Марко Вовчок» приводит доказательства того, что Борис был не сыном, а внуком М.А. См. указ. соч., с. 5.

А дальше — судьба ведет Марию в места совсем в ту пору глухие, на Ставрополье, где служит муж, а после его отставки — в Карачаево-Черкесию, в богом забытый город Нальчик. Местом ее успокоения станет маленький хутор Долинский под Нальчиком, расположенный в Терской области. Она уйдет в 77-летнем возрасте, уже в новом веке, в промежутке между двумя революциями. До конца жизни будет сочувствовать революционным настроениям, за год до смерти в письме к сыну Богдану (от 17 ноября 1906) будет просить прислать ей слова и музыку «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и «Русской марсельезы» («Отречемся от старого мира» на слова Петра Лаврова)¹. Муж переживет ее всего на восемь лет.

Знакомство и первые шаги

Итак, личное знакомство Ивана Тургенева с Марией Маркович произошло в 1859 году в Петербурге. Вот его первое впечатление от встречи в письме к Василию Боткину от 10/22 февраля 1859 года:

«...г-жа Маркович (писавшая малороссийские рассказы под именем Марка Вовчка), премилая женщина, которая так ВЫГЛЯДИТ (как говорят петербуржцы) — как будто не ведает, какую рукою берется перо»².

Из этого отзыва следует, что Мария выглядит как женщина, а не как «писатель», читай: синий чулок. Как же писательница выглядела в свои молодые годы?

¹ Марко Вовчок. Твори в шести томах..., т. 6, с. 527.

² См. Брандис Е. П. Сила молодая, с. 253.

В нашем распоряжении имеется только один портрет и совсем мало описаний. Младший брат Дмитрий вспоминал, что она короной укладывала золотистые косы, Лесков, знавший ее в Орле, вспоминал чудесные каштановые косы и серые глаза.

Вот еще один отрывок из письма Тургенева к И.В. Павлову (февраль 1859): «Сама г-жа Маркович весьма замечательная, оригинальная и самородная натура (ей лет 25)...»¹. Здесь, как видим, нет описания внешности, есть только впечатление от личности, но у писателя, как правило, одно переплавляется с другим. Он же, Тургенев, в статье о Шевченко назвал Марию «украшением и средоточием» группы малороссов. Здесь оценка явно эстетическая.

И еще один ранний тургеньевский отзыв о М.А. из письма к Анненкову от 1860 года: «Это прекрасное, умное и поэтическое существо...»². Оборвем на этом цитату, вторая ее половина нам еще пригодится.

Глядя на портрет Марии Александровны, можно сказать, что она типичная украинская дивчина — круглолицая, с ясным и приветливым взором, такая, какую у нее изображены героини-крестьянки, например, гордая красавица Лемеривна из одноименного рассказа: «Лемеривна сидела между другими девушками и вместе с ними пела песни звучным и свежим голосом, сама свежа и спокойна, и уста улыбались, и лицо разрумянилось, и хорошие очи ясно глядели на всех».

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, вступит. статья, с. 253–254.

² Там же, вступит. статья, с. 257.

По контрасту приведу отзыв о Марии Маркович ее младшей современницы, изменчивой и капризной подруги Достоевского Аполлинаруи Суловой, в чьем парижском Дневнике есть кое-что о встрече с «известной писательницей». В отзыве Аполлинаруи — в то время ей 24 года, Маркович 31 — звучит неприкрытая женская ревность, а возможно, и неосознанная зависть, выразившаяся в нежелании признать другую женщину хоть немного привлекательной. (О портретах М.А.): «Неудачными я нашла в этих портретах только позу, драпированную в какой-то плащ, что не шло к некрасивой ее физиономии»¹. Трудно сказать, о каких портретах идет речь, их у Маркович крайне мало, удивляет безапелляционно резкая оценка внешности: «некрасивая физиономия». Не оценив внешности Марьи Александровны, Аполлинаруя, как кажется, ошиблась и в определении ее характера: «Видно, что это женщина рассудительная, хладнокровная, увлекаться она не будет»².

Вообще-то и Тургенев, по воспоминаниям Тучковой-Огаревой, говорил, что Мария Маркович «некрасива», но для него это не было недостатком, тем более, что, говоря словами той же мемуаристки, «ее серые большие глаза были недурны, в них светился ум, малороссийский юмор, вдобавок она была стройна и умела одеваться со вкусом»³.

¹ А. П. Сулова. Годы близости с Достоевским. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1928, с. 85.

² А.П. Сулова. Там же, с. 84.

³ Б. Б. Лобач Жученко. О Марко Вовчок, с. 115.

Приведу здесь описание внешности Марианны Синецкой, героини романа Тургенева «Новь», чьим прототипом, как кажется, могла быть Мария Маркович¹: «В сравнении с теткой Марианна могла казаться почти “дурнушкой”. Лицо она имела круглое, нос большой, орлиный, серые, тоже большие и очень светлые глаза, тонкие брови, тонкие губы. Она стригла свои русые густые волосы и смотрела букой. Но от всего ее существа веяло чем-то сильным и смелым, чем-то стремительным и страстным». Не могу не затронуть дневниковых записей Аполлинаруии Сусловой, касающихся Марии Маркович. Как кажется, автор вступительной статьи и комментатор (Долинин А. С.) ошибается, говоря о «высокомерном» приеме, оказанном Марией Аполлинаруии Сусловой. Судя по ее собственному Дневнику, высокомерия, желанья показать свое «величие» в поведении хозяйки Суслова не заметила. Маркович одобрила показанные ей отрывки повестей Аполлинаруии (по общему признанию, весьма слабых), уделила ей много времени и внимания. Меня заинтересовало упоминание Сусловой о матери писательницы, с которой Аполлинаруия познакомилась, не застав

¹ В комментариях к роману Н. Ф. Будановой в качестве прототипа Марианны названа Анна Николаевна Энгельгардт (1838–1903), жена профессора-народника Энгельгардта, которая «стригла волосы» и «носила очки». Кстати, тургеневская героиня, хоть и острижена в кружок, очков не носит).

В качестве еще одного прототипа указана Луиза Виардо, старшая дочь четы Виардо, портившая жизнь всей семье... На наш взгляд, в Марианне в гораздо большей степени воплотились некоторые черты внешности и характера Марии Маркович.

Марию Александровну дома. Колкая Аполлиналия Сулова не преминула заметить, что Прасковья Петровна «старалась дать (ей) почувствовать, что вчера Тургенев ждал ее дочь целых два часа и все-таки уехал не дождавшись».

Мне однако важнее было само упоминание о матери, приехавшей «на подмогу» к дочери. Об этом визите, продлившемся все лето и осень 1864 года, есть упоминание в книге Б. Б. Лобач-Жученко¹. До приезда Прасковьи Петровны Богдан, сын Марковичей, жил в швейцарском городке Веве у русского путешественника и математика Е. Р. Циммермана. Ученый обучал девятилетнего Богдана вместе с тремя своими племянниками математике. Как отмечает Борис Лобач-Жученко, это стоило немалых денег. Есть ли упоминание о визите матери в письмах?

Оказывается, есть.

В 6-м томе писем Маркович нахожу ее письмо к мужу, написанное в октябре («жовтень») 1863 года: «Отже прошу тебе дуже, постарайсь, щоб вона якнайхутче (поскорее, — *И. Ч*) виїхала до мене. Да нехай зараз бы виїхала і нехай зараз бы написала, що і як і коли буде»². И чуть ниже: «Бувай здоров та напиши, будь ласка, що ж то мама, чи вона ж при іде к празнику, чи ще ні. Коли б же хутенько» (побыстрее, — *И. Ч*).³

По-видимому, как раз в октябре-ноябре Афанасий выслал за границу деньги, в которых семья нуждалась

¹ Там же, с. 169.

² Твори Марко Вовчка в 6 томах, т. 6, с. 418.

³ Там же, с. 419.

(«Дуже їх треба тут»)¹, и Прасковья Петровна выехала к дочери. На Рождество она была с ними, и в мае 1864 года, когда ее увидела Сулова, еще оставалась за границей (уехала осенью). Итак, мать приехала к дочери, чтобы помочь с хозяйством — главным образом, с подрастающим Богданом. Как раз в это время Мария Маркович решила на открытые отношения с Александром Пассеком — поселилась с ним в одном доме.

В том же 1864 году резко обрывается ее общение с Тургеневым, прекращается их переписка.

В то же время обращает на себя внимание, что переписка с мужем у нее продолжается. Он в курсе ее дел (далеко не всех) и даже высылает деньги «на Богдана». Нет, не случайно Тургенев заметил в одном из писем, что Мария Маркович «не без хитрости».

Но вернемся к Тургеневу. После трех лет знакомства он так формулирует свое мнение о характере своей приятельницы: «(Вы) столь же постоянны в ваших привязанностях, сколь непостоянны в общем ходе жизни»². Вообще есть у меня подозрение, что, работая в год знакомства с Маркович над романом «Накануне» (1859), Тургенев воплотил некоторые черты ее характера в Елене Стаховой.

Во всяком случае, у них многое совпадает:

«Стоило человеку потерять ее уважение, — а суд произносила она скоро, часто слишком скоро — и уж он переставал существовать для нее».

¹ Там же, с. 420.

² Переписка И. С. Тургенева в 2-х т., М. Худ. лит-ра, 1986, том 2, с. 204.

«Все впечатления резко ложились в ее душу; не легко давалась ей жизнь».

«Подруг у ней не было».

«... с шестнадцатилетнего возраста она стала почти совсем независима».

Но, как я уже писала, еще больше сходства у МА с Марианной из романа «Новь» (1877), написанного, когда отношения писателя и его молодой приятельницы уже много лет как прервались¹. Но это, как мы понимаем, ничего не значит. Очень похож портрет: круглое лицо, большие и очень светлые глаза, тонкие брови и губы, стремительность и страстность в поведении... Совпадают у них и такие определяющие черты характера, как стремление к независимости и «не робкий нрав».

А теперь, сделав это отступление, перейдем непосредственно к нашей теме.

С какой целью Мария Маркович с сыном и мужем (он выехал вслед за ними) предприняла свой заграничный вояж? Судя по письмам, где говорится о предписании врачей проводить время в том или ином месте, она ехала за границу лечиться. Да и известно, что без направления врача выехать в то время за рубеж было нельзя. Но, кроме этой (все же побочной) причины, были и другие, о которых говорит сын

¹ По некоторым данным, Маркович и Тургенев встречались в Париже в 1873 и 1877 гг. (см. Переписка И. С. Тургенева в 2-х т., том 2, М. Худож. лит-а, 1986, вступит. статья к переписке с М.А. Маркович, с. 178). Внук Марии Александровны в книге «О Марко Вовчок» пишет, что она посещала Париж в 1870, 1873, 1874 и 1877-м годах...

писательницы в своих воспоминаниях: «Тургенев убеждал Марко Вовчка и ее мужа посмотреть, как живут за границей. Было обещано знакомство с Герценом, который сильно заинтересовался новым автором и высоко ценил его талант...»¹. Полагаю, что сыграли свою роль обе приманки. Молодая женщина рвалась увидеть ранее невиданное, поучаствовать в жизни. Будучи радикально настроенной, находясь в дружбе с украинцами и поляками, она, скорей всего, думала о деятельной помощи национально-освободительному движению. К тому же, обоих — Тургенева и Марию Маркович — привлекала возможность совместного долгого путешествия. Из Кенигсберга Тургенев проводил Маркович с сыном до самого Дрездена и лишь затем направился в Берлин и из него в Париж.

Мы не знаем, какие разговоры вели Тургенев и писательница во время утомительных переездов на дилижансе и остановок в придорожных гостиницах. Но путь этот запечатлелся в их памяти. Через полтора месяца, 10/22 июля 1859 года, Тургенев пишет: « ... я должен сказать, что с великим удовольствием примусь за продолжение тех длинных, длинных и хороших разговоров, которые происходили между нами во время нашего путешествия. Особенно остался у меня в памяти один разговор в маленькой каретке, между Ковно и границей, в тихую теплую весеннюю ночь. Я не помню, о чем, собственно, мы толковали, но по-

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, вступит. статья, с. 256.

этическое ощущение сохранилось у меня в душе от этой ночи. Я знаю, что это путешествие нас сблизило, и очень этому рад»¹.

Что могло привлечь Тургенева в его спутнице? Молодость, талант, красота, какая-то особая манера вести себя, спокойная, полная чувства собственного достоинства. Думаю, что Тургенев был влюблен. Мария в начале их знакомства, хотя и выступает как писательница, автор ставших известными украинских, а затем и русских народных рассказов², хотя она и умна, и самобытна, но ей не хватает знаний, она мало что видела, живя в глуши. Все ее образование — два года Благородного женского пансиона мадам Мортелли в Харькове. Она прекрасно говорит по-французски, но ее чтение, скорей всего, хаотическое, случайное, ею не занимались, ее образования никто не направлял.

Думается мне, что именно с этим связано ее недовольство собой, о котором пишет Тургенев в письме Анненкову в конце мая 1860-го года. Начало этого письма я уже приводила: «Это прекрасное, умное, чистое и поэтическое существо...», а далее следует: «но зараженное страстью к самоистреблению: просто так себя обрабатывает, что клочья летят!»³. К чему еще это может относиться? К неудачному замужеству? Брак и в самом деле скоро распадется, уже через год Афанасий Васильевич уедет на родину, жена за ним не

¹ Там же, т. 2, с. 263.

² Марко Вовчок. «Рассказы из народного русского быта», 1859.

³ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчок), т. 2, с. 257.

последует, они с Богданом останутся за границей¹. Но переписываться будут, причем письма к нему Мария будет писать только по-украински. В их расставании сыграли роль несколько моментов. Главным, как кажется, было отсутствие настоящего чувства у Марии. Афанасий Васильевич по-своему ее очень любил, но чувства патриотические брали в нем верх над любовными. Он видел, что Мария, удаляясь от него, уходит и от украинского языка, и от исключительно украинской тематики. Это ему как человеку, целью которого было показать, что украинская нация и украинский язык существуют, не должно было нравиться. К Марии проявлял симпатии Тургенев, в его тени Афанасий Васильевич терялся, не понимал своей роли. Мария Александровна на первых порах лечилась, брала ванны, ей нужно было посещать курорты. По-видимому, из-за этого Мария и муж вдвоем с Богданом жили в разных городах. Существовали серьезные материальные проблемы. Денег взять было негде. Единственным источником доходов Марии Маркович было ее писание, за которое журналы платили. Но гонораров ненадолго хватало. По некоторым письмам понимаешь, что Тургенев, случалось, оплачивал счета Марии, отказывался в ее пользу от гонораров за перевод, помогал ей пристраивать рассказы и повести в русских журналах. Таким образом она могла содержать себя, сына и мужа, который не находил за грани-

¹ В Воспоминаниях Натальи Тучковой-Огаревой ошибочно говорится, что муж Марии Маркович «Собирался обратно в Россию с нежно любимым ребенком». См. Н.А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., Гослитиздат, 1952, с. 162–163.

цей дела, «кормившее» бы семью. Последней каплей в истории распада этого брака стала внезапно вспыхнувшая любовь Марии Маркович и Александра Пассека. Но об этом — в своем месте.

Явление Марии Маркович в Петербург было триумфальным. Кружок малороссов, объединившихся вокруг Тараса Шевченко, а также демократические слои русских читателей и критиков приветствовали в ней «Марка Вовчка», создавшего украинские народно-поэтические рассказы, антикрепостнические по своему пафосу. Ее любили и как писательницу, и как прелестную милую женщину. Атмосфера, ее окружавшая, весьма походит на ту, что сопровождала появление Анны Ахматовой в салонах Петербурга. Свои тогдашние — очень специфические — чувства Ахматова описала в поздних стихах:

Передо мной, безродной, неумелой,
Открылись неожиданные двери,
И выходили люди и кричали:
«Она пришла сама, она пришла сама!»
А я на них глядела с изумленьем
И думала: «Они с ума сошли!»
И чем сильнее они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить,
И тем сильнее хотелось пробудиться,
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я, — но длилась пытка счастьем.
(О десятих годах. И никакого розового детства, 1955)

Расплата, и очень тяжелая, действительно пришла, и в случае Ахматовой, и в случае ее предшественницы, Марии Маркович. Если говорить о последней, то ей выпало видеть гибель двух своих возлюбленных, а затем везти гробы с их телами в места погребения. Но продолжу. Если попытаться восстановить те чувства, которые могла испытывать прибывшая из провинции и не привыкшая к «славе» молодая женщина, оказавшаяся в столице в центре восхищенного внимания, то, как кажется, главным среди них будет такое: это не обо мне, я этого не достойна... Чтобы стать хотя бы отчасти достойной похвал, в первую очередь, нужно было «в просвещении стать с веком наравне». И в этом важном деле ее путеводителем и «образователем» с первых шагов стал Иван Тургенев.

Учитель и ученица

Тургенев с самого начала настаивал, чтобы Мария изучала языки. Сам он, кроме древних, в совершенстве владел французским, немецким, знал английский и итальянский. Уже в первом письме из Дрездена (примерно 14 / 26 мая 1859) Мария пишет Тургеневу о начале занятий немецким языком. «Он (Рейхель, — И. Ч.) нашел мне учителя; урок будет стоить 5 грошей»¹.

О том, как интенсивно взялась «ученица» за овладение языками, можно судить по письму их общему знакомому, литератору М. Я. Макарову, написанному ею из Гейдельберга спустя несколько месяцев: «Четы-

¹ Письма к Тургеневу М. А. Маркович т. 2, с. 265.

ре раза в неделю у меня уроки английские, два раза итальянские, а немецкие три раза брать буду»¹. Впоследствии Мария овладела всеми этими языками, впридачу она изучила польский, начала на нем читать и с него переводить. В первых письмах — из Германии — Мария как примерная ученица (она и в самом деле пока только осваивает новый для нее мир) отчитывается перед Тургеневым — о своем лечении (начала лечиться по системе петербургского доктора Шипулинского), о распорядке дня (рано встает, много гуляет), уроках, прочитанных книгах («Записки княгини Дашковой» и «Прерванные рассказы» Искандера), она просит рассказать о Герцене, которого Тургенев навещал в Лондоне, говорит о своей работе («работа нехороша и пуста что-то»). Тургенев откликается на каждую тему, причем глубоко, вдумчиво. Пишет о Герцене: «он бодр и крепок — внутренняя грусть меньше его точит, чем прежде: теперь у него есть деятельность (здесь явный намек на Вольную русскую типографию). Дает советы как писатель с опытом писателю начинающему: «... дело не клеится; это бывает от двух причин: или усталости и нерасположения — или оттого, что человек вступил (иногда незаметно для самого себя) в новую эпоху развития — и еще не находит новых слов — а старые не годятся». И присовокупляет к этому: «Дай вам Бог идти вперед спокойно и правильно...»².

Тургенев считает своим долгом давать Марии советы относительно чтения. Конечно, это, в первую

¹ Марко Вовчок. Твори в 6 томах, т. 6, с. 527.

² Письма к Тургеневу М.А. Маркович, т. 2, с. 271 (сноски 11 и 12).

очередь, Пушкин. Рекомендует он прочитать и Баратынского, томик которого, по-видимому, по его просьбе, пришлет ей из Петербурга Павел Анненков¹. Ученица, совсем недавно вступившая на писательское поприще, нуждается в советах и критике коллег. Тургенев ее не щадит. О повести «Червонный король», которую Герцен назвал «гениальной вещью», он пишет резко: «...она не додумана — точно Вы и тут спешите — притом язык ее слишком небрежен и испорчен малороссиянизмами»².

С другой стороны, ее «отчет» о времяпрепровождении ему нравится: «Вы читаете, гуляете, учитесь — и, вероятно, работаете — все это очень хорошо и похвально»³. Есть еще одна — подводная — тема в их переписке, спрятанная не столь глубоко, но на поверхность почти не выходящая (вернее, она прорывается иногда словно ненароком, мы будем указывать эти случаи). Это тема складывающихся между молодой женщиной и писателем отношений, пока неясно каких. Мария слегка поддразнивает:

«Шевченко мне пишет, что его не выпускают из Петербурга и спрашивает: уж не повеситься ли? Каменецкий пишет тоже, что ему хочется С МОСТУ ДА В ВОДУ... а из Твери К(улиш) писал ему, что еще сам не знает, куда поедет»⁴.

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, с. 281, сноска 7.

² Переписка И. С. Тургенева в 2-х т., М., Художественная литература, 1986, т. 2, с. 188.

³ Переписка И. С. Тургенева в 2-х т., том 2, с. 182.

⁴ Там же, с. 271.

Смысл этого отрывка непосвященным непонятен, но Тургенев — посвященный. Ясно ему и то, почему Мария пишет ему о своих поклонниках, оставленных ею в Петербурге. «Впрочем, успокойтесь! — отечески утешает он свою корреспондентку. — Шевченко не повесится, — Кулиш не застрелится, — Костомаров (ошибочно назван Костомаров вместо Каменецкого, — *И.Ч.*)... может быть, бросится в воду, — но повторяю, что же делать? — Он жил Вами и для Вас; Вы теперь далеко — жизнь пошла серая, плоская, мелкая, скучная...».

И далее следует философский пассаж, завершающийся рассуждением о молодости: «В сущности всякому человеку более или менее плохо; в молодости этого не чувствуешь — оттого молодость и кажется таким прекрасным возрастом»¹. В год написания письма Тургеневу только 41 год, не так много, но его корреспондентке всего 26, она моложе на 15 лет, к тому же Тургенев рано начал ощущать тяжесть возраста. Есть ли у него какие-то планы, связанные с Марией Маркович? Скажу так: есть, но неотчетливые. Она ему приятна, это бесспорно. Но его страшит всякая перемена, страшит ее молодость: «... Вы молоды. Самая Ваша тоска, Ваша задумчивость, Ваша скука — молоды. Мы, например, с Вами во многом сходимся: одна только беда: Вы молоды — а я стар. Вы еще вносите новые суммы, а я уже подвожу итоги. Я не жалею на это: всему свой черед, «Благословен и тьмы приход»².

¹ Там же, с. 182.

² Там же, с. 182 (сноска 3).

Итак, Тургенев говорит молодой женщине: «мы с Вами во многом сходимся» — это чего-то да стоит. Со всем рядом с этим: мы с вами могли бы поладить», чуть дальше: вы мне нравитесь. В этом контексте понятно, почему после этих слов сказано: «одна только беда». Беда для чего? Для развития отношений, для дальнейших планов...

Тургенев одинок, беспомощен, его отношения с замужней мадам Виардо непонятны, как раз в этот период, за два года до того, у пары Виардо родился младший сын Поль, чьим отцом, возможно, был Тургенев. В последующие после рождения мальчика годы Тургенев как бы демонстративно отходит от Полины, уж не для того ли, чтобы отвлечь Луи Виардо и досужих сплетников от всяких подозрений? Как бы то ни было, на взгляд окружающих Тургенев свободен. Мария Маркович пока еще связана браком, но легко заметить, что брак этот трещит по всем швам. Странновато, что 41-летний Тургенев говорит о конце жизни, но подобные мысли стали его посещать рано. Собственно, те же мысли настигают «alter ago» Ивана Тургенева — Федора Лаврецкого при виде молодежи, шумящей в доме Калитиных: «Здравствуй, одинокая старость!». Однако интонация письма и его продолжение заставляют думать, что эти мысли предварительные, еще не устоявшиеся. Тургенев еще не определился в отношении своей молодой очаровательной землячки. В конце письма Иван Сергеевич снова выступает в роли учителя, человека, наставляющего того, кто идет за ним: «Я все это только к тому сказал, что мне весело думать, что Вам еще много остается

вперед; дай бог, чтобы Вы вполне воспользовались собственной жизнью. Не многим это удается»¹.

Далее следуют практический совет посетить Саксонскую Швейцарию вместе с мужем, Афанасием Васильевичем, похвалы Богдану («добрейшее сердце», «будет художником»), отчет о работе над переводом «Институтки». На прощание Тургенев шлет приветы всем дрезденским знакомым, целует Богдана и крепко жмет руку Марии.

В следующих письмах из Германии за 1859 год (а переписка весной-летом идет полным ходом, жаль, что не все письма сохранились!) Мария сообщает своему адресату, что побывала в Саксонской Швейцарии и очарована. Причем достала те стихи, что слышала в чтении Тургенева, когда они вместе приехали в Дрезден к М.К. Рейхель. Скорее всего, это были стихи Пушкина, о котором она пишет дальше, да и Тургенев советовал ей его читать: «это самая полезная, самая здоровая пища для нашего брата, литератора; когда мы свидимся — мы вместе будем читать его»².

Мария отчитывается и о своих музыкальных впечатлениях, хорошо понимая, как важно Тургеневу, связанному «мистической связью» с певицей Полиной Виардо, знать об этой стороне ее натуры. Конечно, ему приятно будет услышать, что Мария два раза была «в Академии пения, была в католической церкви и была в театре, когда давали «Фрейшиц» (опера Вебера

¹ Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 2, с. 182.

² Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, с. 274.

«Вольный стрелок», — И. Ч.) и, если б опять давали его, она опять бы пошла.

Тургенев учит свою корреспондентку не бояться изучать жизнь, людей вокруг, Мария к советам прислушивается: «Иногда вспомню ваши наставления и прямо иду в эту толпу»¹.

Есть в их отношениях и такой деликатный момент: Тургенев помогает Маркович (во всяком случае, поначалу) материально. «Посланный вам счет не так страшен, как вы полагаете — и по приезде моем в Париж (дней через 10) все это уладится», — пишет он ей из Англии в 1860 году, когда встает вопрос об отъезде ее мужа в Россию².

От своего опытного и авторитетного учителя корреспондентка часто получает выволочки по поводу оформления своих писем.

И в самом деле, письма Маркович к Тургеневу необычны, все они примерно до 1862 года лишены обращения и начинаются с какой-нибудь незначущей фразы, типа «Без меня пришло ваше письмо» или «Через неделю мы едем из Швальбаха в Англию, на Вайт». Только в более поздних письмах появляется обращение «Иван Сергеевич» или даже «Милый Иван Сергеевич».

Но это ее стиль, так она пишет всем. То же касается указаний даты и места, она явно в плохих отношениях с календарем, недаром в одном из писем Тургенев указывает ей на путаницу в датах старого и нового

¹ Там же.

² Там же, с. 286, сноска 5.

стиля¹... Иван Сергеевич, уехавший в Россию и с нетерпением ожидающий там писем из Европы, недоволен: «Ей-же-ей, говоря библейским языком, нельзя писать такие письма, какие Вы пишете, любезнейшая Марья Александровна! Без обозначения числа, года, места — и всего-то какие-нибудь пять-шесть строчек, точно свободной минуты нет у Вас! Право, это огорчительно — и Вам надобно отделаться от этой дурной привычки»².

Но тут мы забежали вперед. В 1859–1860 — у Тургенева и Марко Вовчок идет оживленная переписка, они постоянно окликают друг друга, рефреном звучит «когда мы свидимся».

Похоже, что свидание стало для наших корреспондентов «заколдованным» пунктом» (что будет повторяться и позже). Оба его хотят, о нем пишут, но по вине Тургенева (по определению Генри Джеймса, русский писатель — «человек задержки») оно никак не может осуществиться. Она в этом смысле особенно настойчива: «... только скажите тогда, где вы будете и не помешает ли вашим работам и занятиям посещение»³. В следующем письме от 15/27 июля 1859: «...напишите ж мне, где вас ждать или встречать где?»⁴. В следующем письме от 23 июля/4 августа того же года: «Мы выезжаем из Швальбаха в Аахен

¹ Там же, т. 2, с. 282.

² Переписка И.С. Тургенева в двух томах, том 2, с. 188.

³ Там же, с. 188.

⁴ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, с. 274.

в воскресенье вечером, а сегодня четверг. Скажите, там ли ждать вас или где? Уведомьте, чтоб не разминуться. Сколько ждать надо и где, я подожду»¹.

Тургенев в письме от 20 июля/1 августа 1859 пишет корреспондентке, что задуманная ими поездка по Рейну пока откладывается, но он непременно хочет с нею увидеться. Вот конец этого письма: «Я выезжаю отсюда 15авг./3 сент. назад в Россию и где бы вы ни были, непременно к вам поеду»².

Между тем, семья Марковичей в 20-х числах августа по новому стилю, как и планировалось, выезжает в Лондон — формальной причиной поездки была необходимость для Марии пить лечебные воды на острове Уайт, — и примерно 24–27 августа 1859 года Герцен наконец знакомится с Марко Вовчком, о котором много слышал и писал. Мария Александровна ему понравилась, понравилась настолько, что он спустя месяц приехал ее навестить в Остенде³. Именно ей Герцен думает прочитать главу, названную впоследствии «Кружение сердца». Он также рассчитывает на ее помощь в отправке материалов для «Колокола»⁴.

До отъезда Тургенева в Россию Марковичи были уже на месте, и Мария вновь находится в состоянии ожидания.

¹ Там же, с. 274–275.

² Там же, с. 275.

³ Там же, с. 277, сноска 1.

⁴ Там же, т. 1, с. 257.

«Мы остаемся в Остенде (следует адрес, — И.Ч). Если вы не раздумали приехать, скажите мне, когда вы приедете. Можно бы приготовить для вас комнаты...»¹. О комнате простодушно-лукавая Мария говорит, что она немного напоминает ту, что была по Ковенской дороге. Конечно, она помнит, что Тургенев в не столь давнем письме как раз вспоминал местечко между Ковно и границей, где они так хорошо разговаривали... Еще через десять дней: «Мы вас ждем. Если вас не страшит убожество Hotel de l'Agneau, приезжайте прямо»².

И вот наконец получен ответ от Тургенева:

«Бейте меня, ругайте меня, топчите меня ногами, милая Марья Александровна: я безобразный, гнусный человек — я не приеду в Остенде, я прямо скачу в Берлин, а оттуда в Штеттин на пароход... — а там в Петербург, в Москву и в деревню — куда мне непременно нужно попасть к 20-у сентября нашего стиля!»³.

Тургенев, скажем так, сильно преувеличивает необходимость оказаться в деревне в назначенный срок. Зачем ему приезжать в Спасское к точно определенному числу? Он сам хозяин своему времени. В Спасское он едет на неопределенный срок, дописывать роман «Накануне», который завершит в конце октября 1859 года.

Зачем нужно было обещать Марии Маркович, что приедет, причем «непременно»?

¹ Там же, т. 2, с. 277.

² Там же, т. 2, с. 278.

³ Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 2, с. 185.

«Я уж и счет потерял, в который раз я вас обманываю — я красен, как рак, от стыда в это мгновенье». Понятно, что все это в шутку, не вразравду, писатель не считает подобное нарушение обещания преступлением. Далее следует его предложение: «Приезжайте на зиму в Петербург. Можно будет устроить жизнь лучше прошлогодней». То есть: я не приехал, так приезжайте вы. И, между прочим, у Марковичей мелькает такая мысль: ехать в Россию, в Петербург. Но потом что-то в их планах меняется. Мария едет в Швейцарию — Лозанна, Берн. Я не уверена, что она едет туда с мужем, возможно, с компанией русской и польской молодежи, учащейся в Гейдельберге. Очень может быть, что Богдан едет с нею¹. С некоторых пор они с мужем начинают жить на два дома, муж с сыном в Гейдельберге, она — в Швальбахе, пьет там воду и лечится.

Похоже, что мечта о встрече с Тургеневым становится для нее своего рода манией.

Она упорно ждет этой встречи и торопит ее.

Почему эта встреча так для нее важна?

Мне кажется, нельзя упускать из виду следующее. В октябре 1859 года, как раз когда Тургенев находился в России, Мария встретит человека, сразу в нее влюбившегося и затем ставшего ее избранником на не-

¹ В книге Бориса Лобач-Жученко этот период расценивается как погоня МА за Александром Пассеком. 23-летний Александр влюбился в Марию с первого взгляда. Он пишет ей любовные письма. К сожалению, их содержание известно нам только по книге Б. Б. Лобач-Жученко (с. 122). В томе переписки М.А. Маркович они отсутствуют...

сколько лет¹. Это Александр Пассек. У нас нет в руках их переписки, весь роман с трудом восстанавливается по скудным и смутным отголоскам². Осенью 1859-го — зимой 1860-го роман только намечается, Мария стоит на пороге расставания с мужем. Вокруг нее много молодых людей, русских, украинцев, поляков. Это студенты Гейдельбергского университета, собирающиеся у Пассеков и в других «русских» домах. Как быть? К кому прислониться? Тургенев для нее важен и как возможный «претендент», и просто как близкий человек, которому небезразлична ее судьба.

Встреча

Весной 1860 года Тургенев сообщает в письме свой парижский адрес. Мария в это время в Лозанне, она бомбардирует Тургенева письмами: за две недели мая три коротких письма — все с корректировкой даты своего приезда. Наконец, 16/28 мая записочка

¹ В письме к Герцену в конце октября 1859 года Мария пишет о посещении дома Пассеков — Татьяна Петровна Пассек, была «двоюродной племянницей» Герцена, изображенной им в «Былом и думах» под именем «корчевская кузина». Вот это место: «Вчера мы были у Т.П. Она все о вас говорила. Сыновья ее умны и тихи. Видно, что им всем вместе живется хорошо» (Публикация В. А. Тумановой. Литературное наследство. т. 62-28. Письма М.А. Маркович (Марко Вовчок) — А. И. Герцену, с. 302.

² Отрывки из их любовной переписки приводит внук Марии Александровны, см. Б. Б. Лобач-Жученко. О Марко Вовчок. Воспоминания, поиски, находки. Киев, Худ. Лит-а, «Днипро», 1987.

в два предложения из Парижа: «Я приехала сегодня. Скажите, когда вам можно прийти, — я буду ждать»¹.

Это кульминация их отношений. Муж еще здесь, он пока что не уехал в Россию, но живут они отдельно, он в Гейдельберге с Богданом, она в Швальбахе. В Париж приехала она одна. Приехала, по всей видимости, для того чтобы прояснить свои отношения с Тургеневым.

О том, что их встреча (встречи?) в Париже произошла и, вероятно, была весьма эмоциональной, мы можем судить по косвенным признакам. Герцен, которому Мария Маркович очень понравилась и который не прочь был подразнить младшего по годам «старого друга», пишет в начале мая 1860 года из Фулема: «Ты сделался Дон-Жуанам — тебя надобно искать в Байроне». Дело в том, что парижский отель, где жил Тургенев, назывался Ваугоп². Герцен, по-видимому, знал об общении Тургенева с Маркович на территории отеля — отсюда и каламбурная шутка.

Следующая по хронологии записка Марии Маркович (около 12/24 июня 1860) в контексте их отношений звучит как призыв на любовное свидание:

«Во вторник утром я приеду в Соден».

М. Маркович

Что такое Соден? Зеленый и уютный курортный город в Пруссии, расположенный в провинции Гессен-Нассау, близ Франкфурта-на-Майне. Тургенев прохо-

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчок) (1859–1864), т. 2, с. 279.

² Переписка Тургенева в 2-х т., М., Худ-я лит-а, 1986, т. 1, с. 199.

дил там профилактический курс водолечения — писатель с юности боялся мочекаменной болезни, от которой скончался его отец.

Итак, Мария Маркович утром во вторник, 14 июня по ст. с., приехала к Тургеневу, отдыхающему и принимающему процедуры в Содене, а вечером уехала в его сопровождении назад, о чем мы знаем по его письму графине Елизавете Егоровне Ламберт. Иван Сергеевич пишет графине, что заехал в Висбаден нечаянно, «проводжая одну даму в Швальбах»¹. Через три дня в письме к тому же адресату он снова вспоминает посещение Швальбаха: «Я (как уже вам писал) ездил в Швальбах с одной знакомой прекрасной женщиной (той самой, которая пишет под именем Марко Вовчок), и я вам в подробности расскажу эту поездку»². Зачем Тургенев делится с Ламберт подробностями о поездке с «прекрасной женщиной»? Вероятно, ему очень хочется рассказать об этом кому-нибудь, а замужняя графиня, будучи почти его ровесницей, была для этого случая подходящей конфиденткой. К тому же, имя Марко Вовчок вряд ли что-то говорило аристократке, мало интересующейся явлениями современной литературы. Феномен неудержимой жажды поделиться чем-то тебя переполняющим, хотя и очень личным, описан Чеховым в «Даме с собачкой». Там Гуров говорит клубному знакомому: «Если бы вы знали, с какой очаровательной женщиной я по-

¹ Письма к Тургеневу М. А. Маркович (Марко Вовчка) (1859–1864) т. 2, с.280.

² Там же, с. 280.

знакомился в Ялте». И неважно, что знакомый отозвался на эту реплику фразой, что осетрина (в ресторане) была с душком, главное произошло: герой облегчил себе душу, выплеснув эмоцию. Добавлю, что Тургенев рассказывает графине Ламберт не о дне, проведенном с «прекрасной женщиной» в Содене, а о том, как он проводил ее до дома.

Самой Марии Александровне Тургенев пишет в тот же день: «Поездка наша оставила во мне самое приятное впечатление, и я чувствую, что узы дружества, которые нас связали с прошлого года, еще крепче стянулись»¹. Известно, что Тургенев еще раз навестил Маркович в Швальбахе в конце июня 1860-го. Апогеем их новых отношений стала совместная поездка по Рейну 6–7 июля (по ст. ст.) того же года. Напомню: Марии Маркович в это время 27 лет, она замужем, ее муж живет отдельно, в Гейдельберге, вместе с сыном. У нее много поклонников. Один из них — недавно появившийся на горизонте Александр Пассек, — по видимому, ей очень нравится. Что до Тургенева — ему к этому моменту 42 года, — то роман с ним ведет в никуда, как и все романы Ивана Сергеевича, за исключением главного лирического сюжета его жизни. Но она еще этого не понимает.

Поехав на воды в Соден, Тургенев изменил своему первоначальному плану встретиться с Герценом. В письме от 22 мая/3 июня 1860 года он очень невнятно объясняет Александру Ивановичу причину изменения своих планов, обещая приехать на остров Уайт в авгу-

¹ Там же, с. 280.

сте и вместе с Анненковым¹. Насмешливый Герцен, как кажется, чувствует «лирические мотивы» этого решения. Вот его реакция: «А rgoros, меня здесь спрашивали, зачем ты поехал в Соден. Я на это сказал, что доктора в Париже тебе рекомендовали пить настоящую содовую воду. Но был побежден тем, кому сказал, — ибо он изъявил сомнение»². В августе Тургенев действительно поехал на Уайт, он снял в Вентноре домик на берегу моря. Герцен в то же время снял дачу на морском побережье в Борнемоусе. Картинкой со схематичным изображением этих двух географических пунктов Тургенев сопровождает свое письмо Марии Маркович от 1(13) августа 1860 года. В нем звучит трубный глас — приезжайте! «Погода, как нарочно, чудная — и что за прелесть этот остров — этого пересказать нельзя. Деревья, цветы, скалы, запахи свежеего сена и моря — словом — роскошь!»

Иван Сергеевич правильно угадал, что Герцен будет приглашать «милую Марию Александровну» к себе, так как у него «пропасть свободных комнат». Но у Герцена шумно, много людей. Мимоходом Тургенев замечает, что у него есть «гуляющая комната», за которую он платит, но которая ему не нужна. Далее следует: «Неужели я Вас не увижу?.. Жму Вам крепко руку и говорю: приезжайте. Достаньте только денег на переезд, а об остальном не заботьтесь»³. Для «бедной», живущей на гонорары Марии Маркович предложение бесплатного крова и стола на английском курорте —

¹ Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 1, с. 201.

² Там же, с. 203.

³ Там же, с. 190.

могло быть подарком. Но... она не едет. Еще до того, только собираясь в дорогу, Тургенев писал ей в письме от 9/2 июля 1860-го с шутливой угрозой: «...еду на остров Уайт — и наперед Вам говорю, что век Вам не прощу, если Вы туда не приедете»¹. На угрозу, хоть и шуточную, и как хорошо видно, отражающую градус тургеневского нетерпения, Мария Александровна отвечает в письме, написанном чужой рукой. Она больна и диктует ответ Тургеневу их общему знакомому Н. Макарову. Что же она отвечает? «Когда приеду на остров Вайт, и приеду ли, еще не знаю; но если не приеду, то прощать или не прощать меня не за что; я бы хотела очень приехать». Удивительное дело: здесь бывшая послушная ученица выговаривает учителю, мало того, выговаривает в присутствии третьего лица: прощать меня не за что. Обратим внимание на нежелание корреспондентки понимать стоящую за словом эмоцию. Ее понимание демонстративно простодушно.

Письмо Тургеневу получилось отчасти зашифрованным, во всяком случае, Макаров, случайно приехавший во время болезни Маркович и писавший под ее диктовку, в нем явно не все понял. В письме звучит настойчивая констатация *status quo*. «В Швальбахе живу все так же, как и прежде. Часто бывает дождь. Я все такая же, как и была... Новых знакомых никаких нет». Среди этих фраз, подтверждающих неизменность и одинаковость жизни, вдруг проскальзывает

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, сноска 1, с. 280.

«шифровка»: «NN видела»¹. Кто этот NN? Обозначение впервые употребил Тургенев, спрашивая в предыдущем письме: «посетил ли Вас NN?». По догадке комментатора, к которой я присоединяюсь, скорее всего, этими буквами корреспонденты обозначают Александра Пассека.

Небольшое отступление — о Пассеках

В «Былом и думах» Александра Герцена можно найти довольно обширный раздел, посвященный семье его университетского товарища Вадима Пассека (гл. 6). Герцен пишет: «Это была семья героев». Отец Вадима Василий Пассек был за неизвестные провинности сослан Павлом Первым в Сибирь. Он женился, находясь в Шлиссельбургской крепости, на дочери одного из офицеров гарнизона. В 1824 году, получив разрешение вернуться, Пассеки оказываются в столице, но им не на что жить — их имение отнято. Старик-отец умирает, подросшие сыновья и дочери становятся кормильцами матери. «Семья была разорена, замучена и вместе с тем полна того величия, которое кладет несчастье не на каждого страдальца, а на чело тех, которые умели вынести».

О Вадиме Пассеке, приставшем к их университетской пятерке, Герцен пишет с восхищением: «... человек, родившийся в Сибири и притом в семье сосланной, имеет уже то преимущество перед нами, что не боится

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864. т. 2, с. 280, см. также сноску 3, с. 280.

Сибири... Вадим, по наследству, ненавидел ото всей души самовластье...». Вадиму Пассеку суждено было стать мужем еще одного персонажа «Былого и дум», «корчевской кухни» Герцена. Так Александр Иванович величал в своем мемуаре горячо любимую «двоюродную племянницу» («тетушку-племянницу»), Татьяну Петровну Кучину, внучку старшего брата его отца.

Отношения, отраженные в мемуаре, — ранняя юношеская влюбленность в девушку, старшую по возрасту (всего на два года), нашли продолжение в дальнейшей жизни. Герцен познакомил с Татьяной своего друга Вадима, затем был шафером на их свадьбе. Дороги Герцена и Пассека разошлись. Александр попал в ссылку, принялся за писательство и публицистику, занял критическую позицию в отношении власти. Вадим Пассек увлекся историей и этнографией, историческим краеведением, сблизился со славянофилами... В 1842 году, совсем молодым (в 34 года) он умирает от чахотки. В 1859 году его вдова Татьяна Петровна Пассек с сыном Владимиром, а также с племянником Ипполитом выезжают за границу. Они едут вслед старшему Пассеку, Александру, который в Германии собирает материалы для своей диссертации о европейских тюрьмах (в целях улучшения положения в российских).

В Гейдельберге, где поселилась их семья, происходит встреча Александра и Марии Маркович. Мария — человек не просто скрытный, а гипертрофированно скрытный. Вот что пишет она в письме к А. Герцену о своем первом впечатлении от визита к Пассекам: (в постскриптуме письма) «Вчера мы бы-

ли у Т. П. Она все о вас говорила. Сыновья ее умны и тихи. Видно, что им всем вместе живется хорошо... вы, впрочем, лучше меня их знаете»¹. Письмо написано в октябре 1859 года. Маркович лукавит, говоря, что Герцен лучше нее знает семью Пассек. Татьяну Петровну он не видел приблизительно с 1842 года, со смерти Вадима Пассека, то есть 17 лет, сыновей же ее в их сознательном возрасте не видел вообще. Когда же Герцен познакомится с ними, он окажется намного критичнее Марии Александровны. Но прежде чем привести его мнение о детях Татьяны Петровны Пассек, скажу, что «искра» между молодыми людьми — Марией и Александром — пробежала сразу же. В книге внука Марии Маркович цитируется письмо, написанное старшим Пассеком из Гейдельберга через неделю после того, как молодая писательница посетила их семью в Дрездене. В письме, вспоминая, как Мария пришла проститься с ними на железную дорогу в момент, когда поезд уже тронулся, Александр пишет: «...я на мгновение увидел Вас... но даже взоры наши не встретились... Благодарю всем сердцем за те светлые минуты, которые Вы мне дали»².

Каким в ту пору был Александр Пассек? В Воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой, побывавшей в Гейдельберге как раз в период начала романа между Марией Маркович и старшим сыном Татьяны Петровны, то есть в 1860 году, говорится о нем так:

¹ Туманова В. А. Лит-е наследство. Пражская коллекция, Том 62_28, www.imli.ru/litnaslec, М. А. Маркович (Марко Вовчок) — Герцену, с. 302.

² Б.Б. Лобач-Жученко. О Марко Вовчок, с. 122.

«Старший, Александр, красивый, привлекательной наружности, напоминал отца, по словам ТП»¹. Любовь, вспыхнувшую между Марией и Александром, Наталья Алексеевна описывает в мелодраматических тонах, целиком становясь на сторону матери, обожавшей сына и всячески препятствовавшей его сближению с «разлучницей», замужней женщиной с ребенком на руках: «...Александр, страстно увлеченный одной особой, Маркович, вдруг отдалился от матери, которая передавала мне ежедневно свои страдания и опасения за любимого сына, за ее дорогого Сашу. Последний оставил навсегда прежде любимую мать и уехал в Париж с предметом своей страсти...». О «госпоже Маркович» Тучкова-Огарева впрямую не высказывается, зато опять же с мелодраматическим пафосом передает перипетии чужой жизни: «Господин Маркович казался очень озабочен и печален; на добродушном лице его читалось глубокое уныние: он собирался обратно в Россию с нежно любимым ребенком и старался склонить жену к возвращению на родину, но она была непоколебима...»². Насчет «горячо любимого ребенка» Наталья Алексеевна переборщила. Мария Маркович действительно осталась за границей, в то время как муж ее уехал в Россию, но семилетний Богдан был при ней.

К сюжету отъезда мужа мы еще вернемся. Продолжая об Александре Пассеке, могу сказать, что о

¹ Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. М., Гослитиздат, 1952, с. 162–163.

² Там же.

нем осталось очень мало свидетельств. Его письма к младшему брату, приводимые в книге Бориса Лобач-Жученко, говорят об осознании им своей трагической обреченности вследствие болезни (чахотки) и о переполняющей его любви и благодарности к Марии Маркович, на чьи деньги он практически жил и лечился последний год своей жизни... Вот кусочек из его письма к брату Владимиру от 14/26 февраля 1866 из Парижа: «Здоровье плохо. Надо лечиться и лечиться всеми возможными средствами... но фондов нет. Имевшиеся, при всей экономии, давно исчезли, и вот целую зиму держусь и лечусь единственно благодаря работам МА без всякой подмоги с моей стороны...»¹. Его можно только пожалеть. Герцен, в 1860-м году приехавший в Париж, — навестить свою младшую дочь Ольгу, увиделся с Татьяной Петровной и ее сыновьями. В той Татьяне Петровне, которую он встретил спустя годы, родной души он не нашел, они резко расходились по политическим и религиозным убеждениям. С сыновьями получилось и того хуже.

У Татьяны Петровны родилась не слишком удачная мысль женить Александра (а не удастся — то Владимира) на старшей дочери Герцена Наталье (Тате). Александр Иванович с самого начала принял это намерение в штыки (все «женихи» Таты ему не нравились, не с отцовской ли ревностью мы имеем тут дело?). Думаю, что раздражение против этого намерения ТП, в которое она посвятила приятельницу Герцена Марию Рейхель, сказалось на герценовской

¹ Б.Б. Лобач-Жученко. О Марко Вовчок, с. 184.

характеристике старшего и младшего Пассеков в письме к Марии Каспаровне: «Дети ее (Татьяны Петровны Пассек, — *И. Ч.*) — пустейшие люди. (И вы-то мечтали, чтобы Тату выдать за одного из них!) Праздность, отсутствие интересов, тощенький развратец покончили их слабые натуры...»¹. Сыновей Татьяны Петровны Герцен видел недолго и всего один раз в Париже, его вывод о них представляется чисто внешним и чересчур раздраженным. Сама Татьяна Петровна, однако, поддержала главное «обвинение» Герцена — отсутствие в ее детях силы и мужественности: «Я виновата перед вами, — пишет она в письме к сыну Александру, — не развила в вас мужества и терпения, не понимала его цены и важности в жизни. Думала: понадобятся — будут. И старалась только отклонить от вас всякое горе, скрыть все тяжелое. Нет, с детства надобно ставить лицом к лицу с невзгодами, учить мужественно смотреть в глаза несчастью, неудачам и долгу жертвовать всем...» (из письма Александру Пассеку, 1860–1861)². Ключевым выступает здесь слово «долг». Татьяна Петровна полагала, что сын поддался пагубной страсти в ущерб «долгу» — долгу перед карьерой, будущим, ею, наконец. Не видела она одного: кончина сына была уже не за горами, а любовь и заботы Марии Маркович скрасили последний год его жизни.

¹ Т. П. Пассек. Из дальних лет. Воспоминания, т. 1–2. М. Худ-я лит-а, 1963. Вступит. статья, подготовка текста и примечания А.И. Дубовикова, т. 1, с. 20 (во вступит. статье).

² Там же, с. 20.

Зададимся вопросом: как ощущала себя сама Мария Маркович в роли возлюбленной, помощницы, сиделки слабого чахоточного юноши? Поневоле приходит на ум болезненный женственный Нежданов из тургеневской «Нови», не способный поддержать Марианну, стать ей опорой. О Соломине, с которым в конце романа Марианна Синецкая — его героиня — остается, автор говорит так: «...на него можно было положиться, как на каменную стену... Он не выдаст, мало того: он поймет и поддержит». В 1860–1861 гг., когда Мария Маркович должна была определить свою судьбу, такого мужчины рядом с ней не было. Муж? Афанасий Васильевич, о котором есть в ее письмах к адресатам-мужчинам неизменное упоминание: «Афанасий Васильевич очень вам кланяется», именно в это время (1860) собирался в дорогу, на родину.

Скорей всего, он понимал, что они с Марией «не состыковываются», она человек другого пошиба и полета. Это не должно было ему нравиться, также как ее писание на русском языке (он понуждал ее писать украински), ее окружение, состоящее из интернациональной команды молодых поклонников, ее переписка и встречи с Тургеневым... Были ли у него подозрения насчет «тайной» страсти Марии и Пассека, мы не знаем... К тому же, если жена за границей писала и получала за это — пусть весьма нерегулярные — гонорары из русских и французских журналов, то он, не владея языками, никакого дела в Европе не имел. Можно сказать, что «кормильцем семьи» в это время была Мария. Такая ситуация вряд ли понравится любому мужчине. Основательному, самолюбивому Афа-

насию Васильевичу — тем более. Однако, как следует из последующей переписки супругов, отъезд Афанасия не был окончательным разрывом, не сопровождался ссорой и обрывом отношений. И здесь приходится удивляться женской ловкости и даже хитрости Марии, сумевшей в непростой и даже двусмысленной для нее ситуации сохранить нормальные отношения с мужем.

В 1861 году, уже в отсутствии мужа, Мария Александровна с сыном отправляется в Италию в компании своего «гражданского мужа» Александра Пассека — это их первое совместное путешествие, оно вызвало бурю негодования в среде, близкой к Татьяне Петровне Пассек. Незадолго до этой поездки Мария пишет Афанасию Васильевичу: «Я вже кілька раз тобі писала, що хотілось бы вже мені звідси поїхати в Італію, що іде Ешевський туди, і коли б гроші, я б з ним побралась. Та ще грошей нема...»¹. Степан Васильевич Ешевский — общий знакомый по Гейдельбергу, человек женатый, профессор Казанского и Московского университетов, собиравший материалы для диссертации по истории. Понятно, что Мария в письме к мужу прикрывается его именем. Он действительно был в Риме, когда туда приехали влюбленные, но узнал об их приезде «неожиданно», что явствует из его письма к жене².

Тема «грошей», вернее их отсутствия, постоянно возникает в письмах жены к уехавшему мужу. Афана-

¹ Марко Вовчок. Твори в шести томах, т. 6, с.393.

² Б. Б. Лобач-Жученко. О Марко Вовчок, с. 147.

сий Васильевич, по-видимому, считал своим долгом высылать деньги на сына. И Мария Маркович их брала: «Спасибі тобі, що пишеш — висилаеш гроші. Дуже їх треба тут» (1863)¹. Причиной невозвращения из-за границы называются тоже «гроши»: «Хто се сказав, что я не хочу їхати? Я казала, що хочу, що треба, та не можу, бо грошей нема тепер» (1865)².

Нет, при всей наивности и простодушии, была она «не без хитрости», как заметил Тургенев, но заметил тоже далеко не сразу...

И, завершая главку об Александре Пассеке, скажу вот о чем. Отсутствие сведений о нем в большой степени связано с пробелом в переписке Марии Маркович. Письма к Александру или уничтожены, или еще ждут своего часа для обнародования (думаю, что первое вернее). Кое-что мы могли бы узнать от Татьяны Петровны Пассек, по общему признанию, обожавшей Александра. Но она в своей многостраничной работе о Герцене «Из дальних лет» не упоминает ни сына, ни своей неофициальной «невестки». По-видимому, те несколько лет, что ее сын прожил с Марией Маркович, Татьяна Петровна с ним не переписывалась и не общалась. Правда, она подсылала к сыну «лазутчика», брата Володю. Владимир Пассек жил около двух месяцев в Париже вместе с Марией и Александром в снимаемом ими доме, было это за год до смерти старшего брата, в 1865-м. Вот отрывок из письма-отчета Владимира Пассека, адресованного матери:

¹ Марко Вовчок. Твори в шести томах, т. 6, с. 420.

² Там же, с. 435.

«С Бритей (Александром, — *И.Ч.*) они довольно хороши, иногда немножко ссорятся, а иногда даже смешно смотреть, точно ей 15, а ему 18 лет, такие нежности подпускают. Потеха!»¹. Картинка, нарисованная Володей, говорит о взаимной любви Марии и Александра. Такие отношения свойственны влюбленным, включая то, что они «немножко ссорятся». Хотела ли Марья Александровна выйти замуж за Александра Пассека? По всей видимости, нет. И конечно, главной причиной была его болезнь.

Впрочем, в ее письме, датированном 1863-м годом и предположительно адресованном Александру² (она в это время в Петербурге по своим издательским делам), приводятся другие причины. И первая причина — муж, Афанасий Васильевич: «Мне замуж идти помешает уж Афанасий Васильевич, которому это будет хуже смерти». Вторая: «... а потом, мое сердце, будешь ли ты счастлив со мной, как с женой?» Третья причина: «Время ли думать о себе? Трудно-трудно ведь оторваться от своего уголка, когда его заведешь, и трудиться для незнакомых, когда есть так знакомое и свое, родное...»³. Все три причины не очень основательны при том условии, что муж станет поддержкой, а не обузой. Поддержать любимую больной, плохо устроенный Александр Пассек не мог. Поддержкой

¹ Б. Б. Лобач-Жученко. О Марко Вовчок, с. 182.

² Поддерживаю предположение Евгения Брандиса и Бориса Лобач-Жученко, считавших адресатом письма Ал. Пассека и датировавших его концом поездки Маркович в Петербург, январем 1863 года.

³ Б. Б. Лобач-Жученко. О Марко Вовчок, с. 172–173.

для него была она. Содержала его материально, но не только. Мария писала под диктовку и затем готовила к печати статьи своего возлюбленного.

В письме к Татьяне Петровне, написанном ею после смерти Александра, по приезде в Россию, Мария просит у его матери позволения напечатать статьи ее сына: «Я бы привела в тот порядок, как он желал, — я привыкла к этому, потому что столько лет была его секретарем и корректором, и Он говорил, что без меня работать бы не мог — значит, был мною доволен»¹. Ей же, матери Александра Пассека, в 1866 году напишет она строки, говорящие о силе ее любви к умершему: «Есть люди, которые смели говорить, что он оторвал меня, повредил моему таланту, пусть говорят. Я благоговяю его, моего единственного и верного друга, за каждое слово, за каждый взгляд, за каждый совет и желание»². Не известно, отвечала ли на письма Марии Татьяна Петровна. По стилю ее поведения похоже, что нет. Видимо, ревнивое ее сердце не могло простить сыну измены, а разлучнице — той высокого накала любви, которую та вызвала в ее Саше.

В поисках решения.

«Мне с вами надо говорить и вас видеть»

Марианна Синецкая, героиня «Нови», оказавшись в трудноразрешимой ситуации, обращается за советом к Соломину. Тургенев пишет: «Решительно,

¹ Марко Вовчок. Твори в шести томах, т. 6, с. . 442.

² Б.Б. Лобач-Жученко. Марко Вовчок на Кавказе. «Эльбрус», Нальчик, 1976, с. 33.

надо попросить совета у этого человека, — думалось Марианне, — он непременно скажет что-нибудь полезное». По-видимому, для Марии Маркович таким человеком, который мог бы ей сказать «что-то полезное», был сам Тургенев.

В 1860-м Мария Александровна оказывается на распутье. Еще не уехал муж, но уже собирается в дорогу, и она не знает, ехать ли ей с ним или остаться с сыном за границей. У нее развиваются отношения с Александром Пассеком, но встречаются они тайно, урывками, под зорким взглядом его матери и под ее жалобы знакомым на «бесстыжее» поведение замужней дамы, соблаздившей невинного юношу.

Нужно ли идти навстречу этой любви? По своему характеру, Мария человек решительных и необратимых поступков. Ушла из Харьковского пансиона, не доучившись и не получив диплома, вышла замуж за Афанасия Марковича, бедного, поднадзорного, обрекла себя на кочевье и мизерную зарплату мужа... Уехала с Украины в Петербург, не имея там близких, потом из Петербурга за границу. Правда, в этом случае ее с сыном сопровождал Тургенев, а потом и слегка опекал.

Похоже, решения принимались спонтанно, под влиянием минуты. В письме за 1860-й год, обращенном к Ивану Сергеевичу Аксакову, Мария пишет по поводу известий об обнаружении заговорщических кружков в Киевской и Черниговской губерниях: «Хорошо услышать было, что есть люди, что любят неблагоприятно. Благоразумие мне — как очень важная ко-

рыстолюбивая госпожа...»¹. Понятно, что это о «политике», и все же импульсивный, неблагоприятный, нерасчетливый характер в авторе этого письма обнаруживается. В такой ситуации человеку, женщине, всегда нужно с кем-то посоветоваться. И, наверное, не зря в ее тогдашних письмах к Ивану Тургеневу постоянно возникают строчки о желании «увидеться», «поговорить». Тургенев в Вентноре, отдыхает на Уайте, она пишет ему из Швальбаха: «Мне с вами надо поговорить». И в самом конце письма: «Мне с вами надо говорить и вас видеть»². Похоже, желание видеть Тургенева снова становится навязчивой манией. В следующем письме из Швальбаха, буквально через день, опять как заклинание: «Мне надо вас видеть и надо с вами говорить».

И дальше, в ответ на критику Тургенева, что «никогда ничего не предвидит», расписывает все варианты возможной встречи: «Если бы вы уезжали неожиданно, скоро, телеграфируйте мне и скажите, где вы остановитесь — я туда приеду... и если где по дороге остановитесь, скажите, — я туда приеду»... «Если я скоро в Россию, то постараюсь приехать в Париж увидеться с вами и говорить»³.

Из последнего предложения следует, что Мария пока не решила, оставаться ли ей за границей или ехать с мужем в Россию. Тургенев, еще находящийся на Уайте, в ответ на это письмо уведомляет корреспон-

¹ Марко Вовчок. Твори в шести томах, т. 6, с. 381.

² Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, том 2, с. 282.

³ Там же, с. 282–283.

дентку о своем расписании: он уезжает из Лондона в Париж, где проведет три дня в том же отеле Вугон, который ей хорошо знаком. Тургенев доволен, он шутит, он легонько посмеивается над Марьей Александровной, сравнивает ее со Сфинксом: «Сохраняю Ваше предусмотрительное письмо, как нечто необыкновенно фантастическое: можно дать тому большие деньги, кто в состоянии понять из него, что Вы сами намерены делать — и чего желаете от другого»¹. Кончается письмо фразой: «Шутки в сторону, я очень желаю Вас видеть, хотя уже почти потерял на это надежду»².

Они встретились в Париже в сентябре 1860-го. Мария Маркович находит в Тургеневе влюбленного, конфиденнта, советчика. Думаю, что она советуется с ним насчет мужа, Богдана, по поводу своей работы... Скорей всего, она не говорит ему всего о своих отношениях с Пассеком. Похоже, что Тургеневу она становится необходима. Сужу по одной из сохранившихся записок той поры. Она датирована приблизительно сентябрем-декабром 1860-го. Тургенев пишет: «Любезная Мария Александровна — мы едем отсюда в 12 часов — в Фонтенбло — но если даже Вы не хотите ехать с нами, мне н у ж н о Вас видеть — приходите ко мне в 11 1/2 часов — вечерять, я только к полуночи вернусь и не могу быть у Вас»³. Не знаю, кто из знакомых Тургенева, кроме Маркович, мог бы откликнуться на этот призыв.

¹ Переписка Тургенева в 2-х томах, т. 2, с. 190.

² Там же, с. 190.

³ Там же, с. 194.

Миссия Тургенева: «выпугай (ее) из мира дрянных сплетен, двойных lovesей, кокетства и лжи» (А.Герцен)

В Париже Мария Маркович встречается не только с Тургеневым, но и с влюбленным в нее Александром Пассеком. Зимой 1860–1861-го Мария пишет Тургеневу необычную записку. Как правило, она избегает обращения, начинает свои письма словно с середины, с той мысли, которая в данный момент ее волнует, а тут вдруг: «Милый Иван Сергеевич». Не просто Иван Сергеевич и даже не дорогой, а «милый». Типичное начало для любовного письма. При дальнейшем чтении обнаруживается, что эта записка от обиженной женщины, Тургенев обещал приехать — и обманул: «Милый Иван Сергеевич, когда вы перестанете обещать и своими обещаниями обманывать? Я вас ждала целый день и не дождалась, хотя ваше «непременно» было подчеркнуто». Конец записки опять обескураживает своей вроде бы нелогичностью: «Суди вас бог, а я завтра утром приду к вам»¹.

Смысл концовки, как я его понимаю, можно выразить так: какой бы вы ни были, а я все равно вас люблю и к вам приду. Три разных интонации — любовная, обвинительная и «оправдательная». Легко понять Тургенева, который не мог разобраться в этой женщине, терялся перед ее поступками... В самом конце лета 1860 года, перед отъездом из Парижа, пи-

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, с. 287.

сатель получает телеграмму на имя Маркович (она просила своих корреспондентов писать на адрес Тургенева). В письме он сообщает, что тотчас отправил эту телеграмму по ее парижскому адресу. Дальше любопытно. Иван Сергеевич интересуется содержанием этого послания и продолжает: «Если вы, вследствие этой телеграммы, уезжаете в Ирландию или в Португалию, или если вы поселяетесь на какой-нибудь башне — дайте мне знать — ибо меня это беспокоит»¹.

Тургенев как в воду смотрел. Через полгода, в конце февраля 1861-го, и вполне неожиданно для него, Мария Александровна отбудет в Италию вместе со своим возлюбленным Александром Пассеком.

Это будет открытый вызов обществу. Впрочем, русские «светские дамы», проживающие за границей, Марию Маркович давно уже не любили, относились к ней с завистливым недружелюбием. Дочь живописца и скульптора Федора Толстого Екатерина Юнге (их семья жила в то время за границей), откликнулась в своем дневнике на «побег» Марии и Александра следующей записью: «Всему этому виновата Маркович! Она совершенно увлекла старшего Пассека. И что в этой женщине, что все ею так увлечены? Наружностью простая баба, отпечаток чего-то «*compin*»², противные белые глаза с белыми бровями и ресницами, плоское лицо, в обществе молчит, никак ее не разговоришь, отвечает только «да» и «нет»... А все мужчи-

¹ Там же, с. 286, комментарий к сноске 3.

² Заурядного (*фр.*).

ны сходят по ней с ума: Тургенев лежит у ее ног, Герцен приехал к ней в Бельгию, где его чуть не схватили, Кулиш ради нее разошелся с женою.

Пассек увлечен до того, что бросил свои занятия, свою карьеру, исхудал весь и уезжает с ней, несмотря на то, что брат стал только поправляться после болезни. А мать захворала с горя. Маркович умеет так сделать, что ее поклонники во всем заступаются за нее: она бросила мужа, прекрасного человека, — говорят: он ее не достоин», бросила ребенка, держала его, как собаку, в кухне, — говорят: ее душа слишком возвышена, чтобы удовлетвориться мелочью жизни». Как меня возмущает эта женщина! Где же справедливость, когда такие творения живут на земле, чтобы портить жизнь другим»¹. Это восклицание — где же справедливость? — перекликается с похожим сальериевским вопросом: где ж правота...? и скрывает под собой ту же банальную зависть.

Похоже, что подобное отношение к себе Мария Маркович встречала на протяжении всей своей жизни. Она вызывала раздражение, зависть, неприязнь — особенно у особ женского пола. И переживалось это ею тяжело. В итоге, как известно, она прервала свою литературные занятия и уехала в провинцию. Но до этих событий еще далеко. В письме Тургеневу из Рима она как ни в чем не бывало пишет о красоте города, о своих римских впечатлениях. Несколько раз упоминает Ешевского.

¹ Е. Ф. Юнге. Воспоминания. М., 1914, с. 286–287.

Мы помним, что профессор Ешевский, семейный человек с женой и детьми, был своего рода прикрытием для Марии Маркович, когда она писала мужу о своем желании посетить Италию вместе с ним. Вот и сейчас он выступает в этой роли — ей не хочется называть Пассека. Между тем, Степан Васильевич Ешевский приехал в Рим задолго до Марии и Александра — для лечения, уедет он тоже раньше, приезд влюбленных в Рим был для него неожиданностью¹. Имя Пассека возникает в самом конце письма Маркович, но опять в компании с Ешевским и под литерой П.: «P.S. Е(шевский) и П(ассек) вам говорят поклониться. Я тут никого больше из русских не знаю...»². В последней фразе тоже ощущается желание «запутать следы». Однако новость, по-видимому, стараниями Татьяны Петровны, уже разлетелась. Тогда же, в феврале 1861-го, Тургенев получает письмо от Герцена из Лондона. Вся последняя часть этого письма посвящена Марии Маркович: «Засим прощай. — Марья Александровна велела прислать письмо на твое имя. Я недоволен ее письмами. Не доволен ею, — и это не так, как ты иногда с женщинами капризничаешь и ломаешься, а недоволен серьезно. Имей она себе десять интриг, мне дела нет — и конечно, я не брошу камня. Но общая фальшивость — дело иное. Ты на нее имеешь влияние (вероятно, она на тебя большее), — если хочешь быть

¹ См. Б. Б. Лобач — Жученко. О Марко Вовчок, с. 147. Цитируется письмо Ешевского к жене: «Я совершенно неожиданно нашел записку от нее (Марии Маркович, — И. С.)...».

² Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, с. 288.

ей полезен, поставь ее на ноги и выпутай из мира дрянных сплетен, двойных любвей, кокетства и лжи. Само собою разумеется, что это strictement (строго — фр.) между нами. Ведь Ж. Санд не оттого великая писательница, что много пакостей делала»¹.

Комментарий к этому месту письма гласит: «Речь идет о М. А. Маркович (Марко Вовчок), с которой Тургенев находился в дружеских отношениях. Друзей беспокоило сближение ее с молодым А. В. Пассеком и обилие других поклонников»². Необходимы пояснения. Герцен, как видно по тону письма, сердится. Он, по его словам, реагирует не столько на интригу (роман Маркович с Пассеком, вышедший на поверхность во время их совместной поездки в Рим), сколько на «общую фальшивость» ситуации. Тут трудно что-то возразить: на поверхности Маркович действительно «крутила романы» со всеми. Муж только-только уехал, а она уже с другим, просит Герцена посылать ей письма на адрес Тургенева, значит, частенько у него бывает (недаром автор письма пишет о ее влиянии на писателя), да и сам Герцен, как мы помним, поддался ее чарам (как в свое время Кулиш, Тарас Шевченко, Белозерский...), именно ей хотел прочесть заветные, никому не читанные главы «Былого и дум» «Круженье сердца» — о трагедии, случившейся в его семье. Весть о ее предстоящем путешествии в Италию Тургенев получил от самой Маркович, что явствует из его письма к ней, написанного в день ее отъезда, 17 февраля/1 марта 1861 года.

¹ Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 1, с. 209.

² См. там же, сноска 5 на с. 209.

Внук Марии Маркович пытается в своей книге сгладить ситуацию. Он пишет, что Герцен узнал о развитии отношений Маркович с Пассеком из писем Тургенева и «занял мудрую тактичную позицию»¹. Оба утверждения вызывают удивление. О герценовской позиции, далекой от «тактичной», можно судить по цитированному письму. Герцен в нем не на шутку рассержен. А по поводу того, что источником сведений о «романе» для Герцена был Тургенев, можно только руками развести. Для самого Тургенева это известие было «громом с ясного неба», да и не в его правилах было делиться такими вещами с кем бы то ни было. Он сам был одним из «поклонников» Марии Маркович, чтобы не сказать больше; посему предположение Б.Б. Лобач-Жученко мне кажется не соответствующим действительности.

Была ли поездка в Италию, определившая судьбу Марии Маркович на несколько лет, счастливой? И да, и нет. Во всяком случае, супруги Ешевские могли бы сказать на этот счет нечто прямо противоположное. Так, Ешевский пишет жене из Рима 6/18 марта 1861-го: «С Марией Александровной я вижусь на минуту иногда по вечерам: день совершенно занят. Она теперь, кажется, совершенна счастлива...»². Между тем, сама Мария в письме к жене Ешевского, Юлии, пишет о пребывании в Риме так: «Я пробыла в Риме шесть недель... Вы, моя милая Юлия Петровна, все спрашиваете, как мне, что со мной. Так знайте, что мне очень

¹ Б. Б. Лобач-Жученко. О Марко Вовчок. с. 148.

² Там же, с. 149.

грустно, и я за это время перевидела и пережила горькие дни»¹. Можно связать эту грусть с осознанием «фальшивости» своего положения. Мария не Авдотья Панаева, она человек уже нового времени, когда «гражданский брак» становится частью жизни разночинной интеллигенции. Дело, скорей всего, в другом. Ей волей-неволей приходится лгать — мужу, ждущему ее возвращения, тому же Тургеневу... Возможно, ее мучит неотвратимость ее поступка...

В день отъезда Маркович (17 февраля / 1 марта 1861) в Италию писатель пишет ей письмо. Сообщает, что г-жа Пассек просит его приехать, чтобы поговорить о в а ж н о м деле, и он догадывается, о каком. Дальше Тургенев как человек любящий Марию и переживающий еще и свою любовную драму, связанную с ней, пытается ее успокоить (ее или себя?): «Вы хорошо сделали, что поехали... Будем думать, что хорошо, так как теперь этого уже вернуть нельзя». Дальше следуют довольно странные советы, советы влюбленного, не желающего верить очевидности, словно Мария Александровна поехала в Рим исключительно с экскурсионно-познавательной целью, словно это не ее первое открытое появление на людях с возлюбленным: «Постарайтесь, по крайней мере, извлечь всевозможную пользу из Вашего пребывания в Риме: не м л е й т е, сидя по часам о бок с Вашими, впрочем, милейшими приятелями; смотрите во все глаза, учитесь, ходите по церквам и галереям». И дальше опять странно: «Рим — удивительный город: он до некото-

¹ Там же, с. 152.

рой степени может все заменить: общество, счастье — и даже любовь». Нет, не верит, не хочет верить Тургенев, что у Марии с Пассеком что-то настоящее, а при отсутствии настоящего чувства — его может заменить Рим, пребывание в нем. Скорей всего, Мария говорила Тургеневу, что едет не с одним Пассеком, а еще и с Ешевским — отсюда в тургеневском письме не «приятель», а «приятели». Впрочем, в конце этого «смутного», написанного в смятенье чувств послания Тургенев упоминает и Пассека как «спутника» Марии: «Поклонитесь от меня Ешевскому и Вашему спутнику, Александру Вадимовичу»¹.

Через три дня, 20 февраля (4 марта) 1861-го, Тургенев снова пишет в Рим и винится перед Маркович в написании «свирепого» письма, написанного им «третьего дня»: «Не сердитесь на меня и напишите мне словечко». Что за «свирепое» письмо? Б.Б. Лобач-Жученко утверждает, что Тургенев написал Марии (не сохранившееся) «свирепое письмо» под влиянием разговора с Татьяной Петровной Пассек. Здесь не все сходится. О предстоящей встрече с «г-жой Пассек» Иван Сергеевич пишет уже в первом письме к отбывшей в Рим Маркович: «Смутно предчувствую, о чем сия дама будет со мной беседовать — но от меня она немного толку добьется — и, вероятно, почувствует ко мне антипатию. Господь с ней!»². Совсем не похоже, чтобы Тургенев испытывал на себе влияние Татьяны Пассек. Можно допустить, что писатель получил 18-го

¹ Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 2, с. 195.

² Там же.

февраля письмо Герцена, написанное 17-го февраля (через нарочного) и под его влиянием в своем новом послании к беглянке устроил ей «свирепую» выволочку. Но как-то даты уж очень примыкают друг к другу, все же, скорей всего, Тургенев в письме от 18 февраля («третьего дня», то есть за два дня до 20-го) выражал свое отношение к происшедшему.

В «примирительном» письме, написанном по прошествии еще двух дней, 20 февраля, он пишет, что «пересолил с намерением». И дальше, поясняя: «Но основание моего письма справедливо — и, поразмыслив о нем, Вы сами убедитесь, что Вам нельзя продолжать идти по той же дорожке». Опять против воли вырываются у Тургенева слова слишком большого эмоционального градуса. Получается, что Мария Маркович «сбилась с пути», «пошла по плохой дорожке». Иван Сергеевич пытается смикшировать свое осуждение: «А впрочем, у каждого свой ум в голове»¹. О том, что Тургенев взволнован ситуацией, свидетельствует интенсивность, с какой он пишет письма — подряд три дня, 17, 18 и 20 февраля (одновременно он пересылает ей письма ее мужа, Афанасия Марковича, полученные на свой адрес).

Мария Маркович, получив «свирепое» тургеновское письмо от 18 февраля², обиделась: «Вы слишком

¹ Там же, с. 196.

² В комментариях сказано, что Маркович отвечает на письмо Тургенева от 17 февраля/1 марта 1861 года. (Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, с. 290). Скорей всего, это не так. Именно следующее не дошедшее до нас письмо

скоро обвиняете. Как же вы можете в один день так перемениться?» Действительно, в письме от 17 февр./1 марта обвинений не было, хотя тургеневское «одобрение», как мы помним, было весьма своеобразным...

Она подозревает, что на Тургенева надавили, вспоминает, что много раз слышала о нем: «Он не злой человек, но его все можно заставить сделать». Мария спрашивает напрямую: «... скажите вы мне, правда ли это»¹. Напомним читателю, что, по нашему мнению, Тургенев выражал свое — скорректированное — мнение относительно происшедшего. Но если раньше Мария вела себя в основном как послушная ученица, принимающая замечания и «выволочки» учителя, то с этого момента в их отношениях наметился новый этап. Ученица взбунтовалась. Ученица сама встала на учительскую кафедру.

Бунт ученицы

«Бунт», конечно, сильно сказано. Но в ответ на обидное для нее письмо Тургенева Мария переходит в наступление: «Помните, вы как-то сказали: «Что такое добрый честный человек? Что такое злодей? Что правда-неправда? В сущности, все одинаково». А я думаю, что есть разница и, право, большая — не надо же

Тургенева от 18 февраля носило «обвинительный характер». На него можно было отозваться словами «Вы слишком скоро обвиняете».

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, с. 290.

смешивать и говорить так за то, что всегда вас выслушивали и во всем вам верили». Грамматически последнее предложение получилось неуклюжим — «говорить так за то», но смысл его вполне ясен: Мария просит не платить ей за ее «веру» ложными сентенциями и — подразумевается — ложным осуждением. И в довершение она сообщает, что покажет тургеневское письмо А(лександр) В(адимовичу): «Он истинно добрый и истинно честный человек — он так и ответит мне»¹. Каково было читать Тургеневу, что Мария Маркович собирается отдать на суд Александра Пассека его, тургеневское, письмо к ней!

Ответ Тургенева на это письмо не сохранился, по видимому, был он неровным, нервным, об этом можно судить по новому «выговору», который Мария Маркович делает своему наставнику-поклоннику: «У меня нет таких друзей, которые бы говорили нехорошо о Вас, разве Вы этого не знаете?.. Если я говорила об А.В., что он добрый и честный человек, зачем Вы приняли, что я хотела этим сказать, что Вы нехороший?» Она заключает свою вторую строгую отповедь так: «Принимайте мои слова так, как говорятся мои слова — без намеков и искренно» (1 квітня (апреля) 1861)².

В этом письме впервые за время переписки Мария пишет слово Вы с большой буквы. Трудно сказать, в чем здесь причина: возможно, в желании показать Тургеневу возникшее между ними расстояние...

¹ Там же, с. 290.

² Марко Вовчок. Твори в шести томах, том 6, с. 399.

Весной 1861 года Мария Маркович шлет Тургеневу крошечные записки из Италии. В них много вопросов — о его здоровье, о его дочери, собравшейся в тот год замуж, но замуж тогда не вышедшей, об общих знакомых, о том, когда он едет в Россию — и мало о ней самой. В них не упоминается имя Пассека. Одно из своих коротких писем она подписывает «Всегда вам преданная Мария Маркович». Из Рима Мария с сыном и Пассеком едут в Неаполь. Оттуда — снова короткая записка Тургеневу, уже майская (от 4/6 мая 1861) — ответ на неизвестное нам письмо. Вот ее конец: «Вы пишете, что вы мне преданы и всегда будете; должно быть, я вам больше, чем вы мне, а уж что навсегда, то навсегда»¹.

Тургенев отвечает уже из России, куда уехал в самом конце апреля 1861, — уехал в «деревню» дописывать главный роман своей жизни «Отцы и дети». В письме из Спасского он опять, по старой памяти, отчитывает свою неприлежную ученицу: «Господи боже мой — или — боже мій милій! как говорят г-да хохлы — что Вы за неисправимая женщина — любезная Марья Александровна! Можно ли из Италии в Россию писать записку в 5 строк, из которых, вдобавок, ничего не узнаешь путного... Ни слова о том, куда Вы намерены ехать из Рима, где думаете провести лето — вернетесь ли в Париж за Вашими вещами, что делают Ваши спутники, есть ли у Вас еще спутники и т. д». (курсив мой, — И. Ч.).

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, с.292.

Не нужно быть прорицателем, чтобы понять, что последний вопрос волнует Тургенева больше всего. После выволочки следует драгоценная похвала: «Однако в Вашей записочке есть хорошее слово — Вы говорите, что преданы мне **н а в с е г д а**. Это много значит, но я Вам верю, хотя Вы — не без хитрости, как сами знаете»¹.

Письмо это чрезвычайно важно — и в следующей главке я продолжу его цитировать. Здесь же скажу вот о чем. После неожиданного отъезда Марии с ее тайным возлюбленным, роман с которым, уже давно длящийся, она скрывала от Ивана Сергеевича, естественно было предположить, что она «не без хитрости». Тургенев, как мы знаем, предрекал быстрый конец этому увлечению. Вот и сейчас он допытывается, одна ли она или все еще со своими «сопровождающими».

По письмам Марии можно было предположить, что ее сопровождают двое — Пассек и Ешевский. Конечно, писатель жаждет услышать, что «сопровождающих» больше нет, они испарились — и Мария одна. В этой надежде он пребывает еще по одной причине. «Преданная вам навсегда» — некая клятва верности. Намек на то, что новые отношения временные, а старые останутся навсегда. Одна беда: как говорил Баратынский, стихи которого Тургенев рекомендовал Марии Маркович, «не властны мы в самих себе»; желание дать клятву часто свидетельствует о неуверенности, о стремлении оградить себя от возможностей, которые предоставляют жизнь и свобода.

¹ Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 2, с. 199.

В итоге клятвы нарушаются. Вот и в данном случае, слова «преданная вам навсегда» станут прологом к полному разрыву отношений, который произойдет меньше чем через три года.

Рефлексия Тургенева: как понять все то, что было?

Уехав в Россию, на временном и пространственном расстоянии от случившихся событий, Иван Сергеевич может проанализировать весь ход своих взаимоотношений с Марией Маркович. О такой попытке свидетельствует большое письмо из Спасского от 22 мая /3 июня 1861 года. В России — буча: еще зимой, 19 февраля, того же года объявлен царский манифест о даровании крепостным свободы, страна бурлит. Тургенев не может быть в стороне от этих событий, они касаются его непосредственно, однако, и личные дела его не отпускают. В деревенском одиночестве он размышляет о своей жизни, о женщинах ему близких. Да, Полина Виардо. Но именно в это время певица от него отдаляется. Она занята своей карьерой, которая подходит к концу и должна найти достойное завершение, общается с Гектором Берлиозом, поет в концертах. Так получается, что именно Мария Маркович восполнила вакуум в личной жизни писателя в годы, предшествующие окончательному переселению Тургенева вслед за семьей Виардо в Баден-Баден (1864).

А теперь обратимся к его письму из Спасского: «Что я Вам предан — это несомненно, но кроме этого

чувства, во мне есть другое, довольно странное, которое иногда заставляет меня желать Вас иметь возле себя — как в моей маленькой парижской комнате — помните?». Здесь стоит остановиться. Чувство, которое заставляет желать иметь возле себя другое существо, — как оно называется? Думаю, что любой мне подскажет. Как однако неказисто, косноязычно выразился писатель. Почти так же, как когда говорил о русском языке: «Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан...». То, что трудно выразить, — трудно формулируется и косноязычно звучит. Но продолжу цитирование: «Когда мне приходят в голову наши тогдашние беседы — я не могу не сознаться, что Вы странное существо — и что Вас разобрать очень трудно». О чем это? Неужели писатель вспоминает «беседы», то есть слова, реплики, мысли? Да нет, конечно. Под беседами подразумевается все что угодно — времяпрепровождение в маленькой холостяцкой парижской комнатке, куда, как мы помним, однажды Тургенев звал Марию запиской в половине двенадцатого ночи. Этот вывод укрепляется следующим предложением: «По крайней мере — мне до сих пор не ясно, как понять все то, что было, под какую рубрику все это отнести?»

Конечно же, не философские беседы тогда велись между ними. Тургенев не в состоянии понять, как после того, что было между ними тогда в Париже, Мария могла предпочесть ему какого-то незначущего юнца, ничем себя не проявившего... Ему по-прежнему трудно поверить в искренность любви Марии Маркович к Пас-

секу. И завершается эта тема так: «При свидании я Вам сообщу, на каком предположении я остановился — как на самом вероятном — хотя мало лестном для меня»¹.

Почему Тургенев хочет сообщить свои соображения «при свидании»? да потому как затронута слишком интимная область, к тому же, он не хочет травмировать Марию. Написанное запоминается, его топором не вырубешь.

Можно попробовать докопаться до тургеневского «предположения». Тургеневу могло прийти в голову, что он слишком «стар» для Марии, что она предпочла ему «молодого». В пользу этого соображения говорит еще один пассаж письма, расположенный ближе к концу. Вот он: «Здесь весна очень запоздала — и вдруг вспыхнула — как порох — всяческой зеленью, цветами и травами. Этого за границей не увидишь. *Но худо — толкаться стариком с каким-то окисленным сердцем в груди — под этими золотистыми липами... Что делать! Скоро еще хуже будет*»² (курсив мой, — И. Ч.).

Напомню читателю, что Тургеневу в это время 43 года, Марии Маркович — 28. Тургенев находится в расцвете творческих сил, он признан соотечественниками, пользуется авторитетом на Западе, впереди у него вершина — роман «Отцы и дети». И однако свои 43 года — что за возраст для мужчины? — он считает, как и его герой Федор Лаврецкий, — старостью. И

¹ Переписка И.С.Тургенева в двух томах, т. 2, с. 199.

² Там же, с. 200.

по-видимому, это не рисовка. Потеря первоначального — яркого и чистого — восприятия мира для писателя признак «окисления сердца».

Рефлексия по поводу отношений с Марией Маркович находит продолжение в середине письма. Рассказывая о своих планах — окончить роман, устроить свои отношения с мужиками, съездить с дочкой и ее компаньонкой в Северную Италию и вернуться к середине сентября в Париж, — Тургенев просит того же и от своего адресата: «Я бы Вам был благодарен, если бы и Вы сообщили мне свой план». Далее следует очень важное для нас замечание: «Но ведь Вы не зависите от себя... а от чего или от кого Вы зависите — это для меня тайна»¹. Удивительно, писатель-психолог, знаток в особенности женской души, Тургенев отказывается понимать, чем руководствуется в своих поступках Мария Маркович. Можно это отнести — как, по всей видимости, относил сам Тургенев, — к разнице поколений. Кроме того, писатель видел у своей корреспондентки «непостоянство в общем ходе жизни» при постоянстве привязанностей, о чем он напишет ей в письме из Спасского, но уже летом следующего года².

Со своей стороны, я могу сказать, что Мария Александровна не была вполне чистосердечно в письмах к Ивану Сергеевичу. В своих отношениях с ним она оставляла «зазор» для возможных «корректиро-

¹ Там же, с. 199.

² Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 2, с. 204.

вок»¹. Потому многое из первостепенного для нее в данный момент в свои письма не включала и наоборот: кое-что, не главное, выдвигала на первое место. Отсюда у ее корреспондента возникала неверная фокусировка, на основе которой трудно было сделать какие-либо выводы об ее истинной жизни и о побудительных мотивах ее поступков. Кончается это письмо примечательно: «Прощайте — постарайтесь написать немного подельнее... Жму Вам руку — и делаю еще что-то, на что Вы, бывало, никогда не отвечали». Полагаю, что Иван Сергеевич на прощание целовал Марию «в уста сахарные»². Далее следует: «Поцелуйте Богдана, о котором Вы мне ни слова не сказали — и поклонитесь — если есть кому кланяться.

Ваш Ив. Тургенев»³.

Поклонитесь — если есть кому кланяться. Тургенев по-прежнему пребывает в уверенности (и Мария не спешит его разуверить!), что происшедшее — случайный поворот, каприз взбалмошной натуры, что «спутники» Марии Маркович недолговечны; он ждет момента, когда они испарятся, для него важно, что Мария «навсегда» привязана только к нему. Эти

¹ В письмах к Тургеневу из Италии и позднее из Парижа 1861-го года М.М. называет много мужских имен, ничем не выделяя Пасека или упоминая его вскользь.

² «Целую Вас — «во уста сахарныя» — на бумаге это Вас не рассердит» (из письма Тургенева М. А. Маркович от 16/28 сентября 1862 из Баден-Бадена. Переписка И. С. Тургенева в 2-х томах, т. 2, с. 207).

³ Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 2, с. 200.

строчки одновременно свидетельствуют и о том, что Тургенев отказывается понимать свою корреспондентку. Она для него — человек «вне обычной логики», чей «общий ход жизни» ему непостижим.

Противоречия.
Национальный вопрос.
Добролюбов

Уже раньше Тургенев посмеивался над дружбой Марии Маркович с поляками. В ее друзьях числились Эд. Желиговский (Антоний Сова), С.И. Сераковский, Т. Шуазель, Сохновский, П. Круневич. Мария сочувствовала польскому национально-освободительному движению. Она выучила польский язык, начала читать по-польски, впоследствии переводила книги польских авторов. Прочитав в письме, что ехала она в Гейдельберг и назад «все с ПОЛЯКАМИ и с ПОЛЬКАМИ»¹, Тургенев отозвался на это так: «Не предавайтесь слишком влиянию польского элемента»². В его майском письме из Спасского есть похожая, но более развернутая, вполне невинная насмешка над украинцами, или малороссами, как их тогда называли: «Видел я в Петербурге Белозерского (редактор украинского журнала «Основы», бывший член Кирилло-Мефодиевского братства, — *И. Ч.*) и др... Мне дали

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, с.279.

² Там же, с. 281, примеч. 5.

4 № «Основ», из которых я мог заключить, что выше малороссийского племени нет ничего в мире — и что в особенности мы, великороссы, дрянь и ничтожество. А мы, великороссы, поглаживаем себе бороду, посмеиваемся и думаем: пускай дети тешатся, пока еще молоды. Вырастут — поумнеют. А теперь они еще от собственных слов пьянеют. И журнал у них на такой славной бумаге — и Шевченко такой великий поэт... Тешьтесь, тешьтесь, милые дети¹.

Требуются пояснения. Тургенев ничего не имел против малороссов. Мы знаем, что он общался с Шевченко, в 1876-м году написал о нем воспоминания². Он перевел на русский язык народные украинские рассказы Марко Вовчок. Однако ему претило всякое ложное возвеличивание. Украинская литература только зарождалась, она не обладала еще таким богатством, как русская, — отсюда насмешка над «великим поэтом» Шевченко, чье величие, конечно же, меркнет на фоне таких гениев поэзии, как Пушкин. Характерно, что схожее чувство в отношении Шевченко испытывал Иосиф Бродский³. Но у Бродского это вылилось в желчные ядовитые стихи, у Тургенева же тон легкий, вовсе не ядовитый. Та серьезность, с которой относятся к нарождающейся украинской культуре ее адепты, кажется ему преувеличенной, «детской». К тому же «пиетет» перед своим у нацио-

¹ Переписка Тургенева в двух томах, т. 2, с. 199.

² И.С. Тургенев. Воспоминания о Шевченко. Дніпро, 1988.

³ См. его «На независимость Украины» (1994).

налистов любого народа обычно сопровождается неприятием чужого и чужих, хотя бы и близких по языку и крови. Другое дело, что имперская власть мешала проявлению украинской самобытности и культуры — арестовывала и преследовала их носителей, закрывала национальные журналы. Многие из украинских приятелей и знакомых Марко Вовчок (включая ее мужа) отбыли суровое наказание за участие в тайном Кирилло-Мефодиевском братстве, имевшем целью национальное и социальное раскрепощение Малороссии.

Будучи русской по рождению, Марко Вовчок всей душой сочувствовала украинцам и полякам. Недаром она собирала в украинских селах песни и сказания, выучилась говорить и писать по-украински так, что ее язык Шевченко считал образцовым¹. Тургенев же в своих выводах относительно украинской культуры был осторожен и взвешен, он отмечал, что свой дневник Тарас Григорьевич вел на русском языке, что «даже несколько огорчало его соотчичей». Там же, в очерке

о Шевченко, он писал применительно к себе и к русской либеральной интеллигенции: «...талант его привлекал нас своею оригинальностью и силой, хотя едва ли кто-либо из нас признавал за ним то громадное,

¹ «Однажды на мой вопрос: какого автора мне следует читать, чтобы поскорее выучиться малороссийскому языку? — он (Тарас Шевченко, — *И. Ч.*) с живостью отвечал: «Марко Вовчок! Он один владеет нашей речью!» И. С. Тургенев. Воспоминания о Шевченко, с. 392.

чуть не мировое значение, которое, не обинуясь, при-
давали ему находившиеся в Петербурге малороссы»¹.

Нет, Тургенев не спешил вслед за Герценом и Мари-
ей Маркович поддержать притязания поляков и ук-
раинцев. При этом он не выражал свои мнения в офи-
циальной печати, так что с полным правом мог
написать Герцену в ходе польского восстания 1863 го-
да: «...Ни одного — ни обидного, ни эмоционального
слова не вышло из моих уст насчет поляков — хотя бы
уже потому, что я еще не потерял всякого понимания
«трагического». Теперь никому не до смеха»².

Свои расхождения с Марией Маркович по укра-
инско-польскому вопросу Тургенев видел, но относил-
ся к ним с улыбкой.

В письме из Спасского летом 1862 года он спра-
шивает в приписке: «Небось все по-польски вы читаете?»
Дальше следует: «Здесь я встретился с одним ма-
лороссом, который рад нас, русских, зубами разор-
вать — и от поляков в восторге. Вот Вы бы порадо-
вались!»³. Мария не оставляет без ответа этот пассаж:
«...а тут все русские умываются утром с мыслью раз-
громить того или другого. Шум такой большой, крик
такой громкий со всех сторон, а немного добра — по
крошечку»⁴. В сущности, хотя Тургенев и Маркович
болеют за разные лагеря, у них нет серьезных расхож-
дений во взглядах. Мария понимает, что Тургенев це-

¹ И. С. Тургенев. Воспоминания о Шевченко, с. 392.

² Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 1, с. 242.

³ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–
1864, т. 2, с. 302, сноска 3.

⁴ Там же, с. 301.

нит украинскую и польскую культуру, с интересом относится к ее носителям. Ему только претит, когда эти носители ненавидят подряд всех русских...

Еще одним раздражающим моментом в отношениях Тургенева и Марии Маркович неожиданно стал Добролюбов. Мария Александровна случайно встретила его в Неаполе. Николай приехал туда лечиться от злой чахотки, побороть которую не смогла и Италия. В письме к Тургеневу от 6/18 мая 1861 года Мария пишет, что видит Добролюбова каждый день: «Он хороший какой человек и как не думает о том, что он вот как хорош и об этом не напоминает никому». Нужно было быть очень простодушной, чтобы написать это Тургеневу, у которого с Добролюбовым были свои счеты. Затем корреспондентка пишет в таком же ключе о Некрасове, до недавних пор бывшем ближайшим другом Тургенева, их отношения испортились — формально из-за Добролюбова: «Я слыхала о Некрасове прежде, что Некрасов человек нехороший, пропащий, и все не верилось, что человек кажется нехорош так, кто так говорит, как он, и теперь слышу другое, хорошее о нем. Меня долго еще смущало то, что он с вами разошелся по вине, говорили, да могло быть просто недоразумение. Часто это бывает и часто непоправимо. Что вы мне на все это скажете?»¹. Не знаем, что отвечал на это Тургенев. Сближение Марии Александровны с Добролюбовым не должно было его радовать. Здесь, хотя и

¹ Там же, с. 292.

не совсем к месту, сделаю одно замечание. Обычно, говоря о противоречиях между Тургеневым и Добролюбовым, вспоминают блестящую, политически острую добролюбовскую рецензию на роман «Накануне», которой якобы испугался писатель. При этом почему-то не учитывается, что Тургенев писал роман не о революции и революционерах. Его герой — Инсаров — борется за освобождение родины от турецкого гнета, то есть он борец за национальное освобождение. Уже одно это различие давало повод Тургеневу не принимать трактовку Добролюбова, чье понимание тургеневского произведения как предвестника революции не только противоречило воззрениям самого автора, но и походило на своеобразный политический «донос» на него. На последней, кстати говоря, указывал Тургеневу цензор «Современника» в приватном письме к нему.

Мария Маркович, между тем, благодаря Добролюбову, вышла на Чернышевского. Николай Гаврилович взял ее повесть для печатания в «Современнике» («Жили да были три сестры», 1861) и помог договориться с книгоиздателем об издании «Новых повестей и рассказов» Марко Вовчок (1861, издательство Кожанчикова). Летом 1861-го Мария сообщает Тургеневу из Парижа: «Мои дела поправились, как говорится, потому что за них взялся Чернышевский. Я его никогда не видала, но по всему, он дол-

жен быть совсем хороший человек»¹. В позднем письме сыну (от 10 вересня (сентября, — И.Ч.) 1887 года в Астрахань, где сосланный народоволец Богдан Маркович общался с Чернышевским, Мария Александровна пишет о Добролюбове, с которым встречалась недолго — «какие-нибудь месяц или два»: «Он обращал меня, что называется, в свою веру... Предупреждаю, что отзывы его о многих, которые пользуются «симпатиями русской публики», были более чем непочтительны. Особенно горько и язвительно осмеивал он Тургенева»².

Если мы возьмем письмо Марии Маркович, адресованное Николаю Добролюбову и написанное в августе 1861 года, то там о Тургеневе не говорится ни слова. Зато в конце есть примечательный постскриптим: «P.S. Т. хороший человек». Под Т., конечно, подразумевается Тургенев. Есть у меня одна догадка. В письме к Николаю Чернышевскому в Астрахань в сентябре 1887 года в ответ на его просьбу «написать все, что слышала от Ник(олая) Алекс(андровича)»³. Мария Маркович писала: «Я так и сделала, за исключением одного рассказа его, который не считаю вправе передать»⁴. Моя догадка состоит в том, что рассказ Добролюбова, который Мария не хотела предавать огласке, касался Тургенева. Добролюбов, Чернышевский,

¹ Там же, с. 294.

² Твори Марко Вовчок в шести томах, т. 6, с. 471.

³ Добролюбова.

⁴ Твори Марко Вовчок в шести томах, т. 6, с. 472.

позднее Некрасов несомненно вошли в жизнь Марии Маркович, ее мировоззрению были гораздо ближе разночинцы-демократы, чем либеральный дворянин, «постепеновец» Тургенев.

И однако для Марии Александровны Тургенев оставался «хорошим человеком», наряду с Добролюбовым, Чернышевским и Некрасовым. Его память она не хотела чернить, передавая чужие рассказы, пусть даже и добролюбовские. И опорой в этом ей могло послужить только чуткое сердце да тонкое понимание людей.

Еще о Добролюбове. Внук писательницы Борис Борисович Лобач-Жученко цитирует воспоминания Чернышевского 1884–1888 года: «Открытым заявлением ненависти Тургенева к Добролюбову, был, как известно, роман «Отцы и дети». Далее автор пишет, что в разговоре с М.А. Маркович (Марко Вовчок) Тургенев после некоторого запирательства должен был сознаться, «что действительно он желал мстить Добролюбову, когда писал свой роман»¹. Если обратимся непосредственно к воспоминаниям Чернышевского, окажется, что слова Марии Маркович пересказывает ему какой-то тургеневский приятель... Сведения явно дошли до Чернышевского через вторые руки — лично с Маркович он не общался. В письмах она, как мы знаем, не передавала Чернышевскому ни слов Тургенева о Добролюбове, ни Добролюбова о Тургеневе. Судя по переписке, тургенев-

¹ Б. Б. Лобач-Жученко. О Марко-Вовчок, с. 153.

ский роман ей понравился, и особенно понравился именно Базаров. Она читала роман и присутствовала на его авторском чтении, устроенном Тургеневым осенью 1861-го, по возвращении из России.

В письме от 27 сент./9 окт. 1861 года Маркович сообщает Добролюбову: «Тургенев сюда (в Париж, — И. Ч.) приехал, я его выдаю часто и читала новую его повесть «Отцы и дети». Лучше всех лиц в ней Базаров, хоть и нигилист»¹. Такая оценка героя плохо вяжется со словами о «мести» Тургенева Добролюбову с помощью романа.

Но как бы то ни было, отношения Тургенева с Маркович в это время уже далеко не так идиллически, как в начале их знакомства. В их общественных взглядах обнаруживаются расхождения.

Учитель и ученица меняются местами

Летом 1861-го года, вернувшись в Париж после путешествия по Италии с Александром Пассеком, Мария Маркович отвечает на письмо Тургенева, с весны уехавшего в Россию — дописывать «Отцов и детей». В письме Иван Сергеевич выражает свое удовольствие по поводу ее слов «преданная вам навсегда», он верит им, хотя она «и не без хитрости». В ответ Мария пишет: «Отчего же вам и не верить, что

¹ Марко Вовчок. Твори в шести томах, том 6, с. 411.

я вам предана, когда это правда. Я вам предана всегда и верно. Вы для меня лучше многих, многих людей, но видно, я не за то люблю вас, потому что бывало время, когда вы казались хуже, и я тогда вас все так же любила. А вы, пожалуйста, будьте лучше»¹. «Предана всегда и верно», «люблю вас», «все так же любила» — думаю, что читать это письмо Тургеневу было приятно, тем более что написано оно было «беглянкой», чьи «похождения» были на устах у русского Парижа. Но есть здесь и еще кое-что. Мария призывает писателя, бывшего совсем недавно для нее учителем, авторитетом: «...пожалуйста, будьте лучше». Правда, дальше следует вполне ученический отчет: «Я теперь много работаю и много читаю. Вчера кончила Буало — вы не сердитесь. Теперь у меня еще история Тьера. И много еще книг»². Фраза о Буало «вы не сердитесь» не вполне понятна. Возможно, Тургенев не лестно отзывался о французском теоретике-классицисте, рассуждающем о поэзии. Нам важно, что Мария, несмотря на это «не сердитесь», книгу прочла.

После истории с Пассеком (которая на самом деле продолжается), Тургенев никак не может представить истинный облик своей корреспондентки. Правдива ли она с ним?

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, т. 2, с. 293.

² Там же, с. 294.

В ответ на не дошедшее до нас письмо Ивана Сергеевича, где этот вопрос, по-видимому, стоял, хоть и в завуалированной форме, Мария Маркович кидается в наступление: «Что вы видите насквозь? И отчего мне бояться этого? Когда у меня есть что, о чем я хочу сказать, я говорю, когда есть что, о чем не хочу сказать, не скажу — скажу ли, не скажу ли, не боюсь. Если я не люблю много рассказывать, то не люблю и возиться с тем, чтобы то или другое прятать как клад. Это все, если касается меня, а о других я говорю или молчу по их воле, если только могу». И завершается это «наставительное» письмо так: «Вы кот Мурлыка — не мурлыкайте тем людям, что вас любят»¹.

«Кот Мурлыка» — персонаж сказочный. В русских народных сказках это герой амбивалентный — сметливый и вороватый, его бьет хозяйка, но, побитый, он находит за печкой «горшок каши» или лакомится хозяйской сметаной. Назвав Тургенева «котом Мурлыкой», Мария Маркович по-хозяйски его одергивает, предупреждает и даже немножко «стыдит», что больше подходит к роли учителя, чем ученика... Смысл «отповеди» примерно такой: верьте тем, кто вас любит. Верила ли сама Мария своим клятвам? С высоты нашего сегодняшнего знания можно сказать, что Тургенев был прав, когда сомневался в истинности ее слов.

¹ Там же, с. 296.

Письма Маркович к Тургеневу 1862 года теряют свою прежнюю спонтанность, в них появляются принятые в переписке обороты, например, — обращение к адресату. Письма Тургенева к ней всегда начинались одинаковым образом: «Милая Мария Александровна!» Теперь и письма Марии Александровны к Тургеневу имеют в начале такую же формулу: «Милый Иван Сергеевич». Ученица усвоила урок. Если прежде она очень мало писала о своих взглядах на жизнь, предпочитала выслушивать «учителя», то теперь позволяет себе высказываться на философские темы: «А иногда так как-то грустно смотреть на людей. Похоже на то, что наряжаются на праздник какой-то, и праздник этот их не веселит, а только шумит им. Я как одна, так могу думать теперь, беспокоиться и печалиться, а как слышу разговоры, так только тяжело — все говорят о себе, а точно о ком ином — жизни не видать в речи, хоть и кричат и пылят¹. В продолжении письма, изъявляя Тургеневу свою любовь и желание его видеть и слышать, Мария одновременно указывает и на его неприятную ей черту: «Хочется иногда вас видеть и слышать. Вас зовут равнодушным ко всему человеком, и я вас так называла иногда сама и ко всему равнодушия не люблю, а с вами лучше, чем с другими»². Не уверена, что эти слова: «С вами лучше, чем

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, с. 297.

² Там же, с. 297.

с другими» очень обрадовали Тургенева. Любовь тем и хороша, что избирает одного, «других» для нее не существует.

Еще совсем недавно впитывавшая советы Тургенева по части чтения, сейчас Мария Маркович выходит на тот уровень, когда самой хочется поделиться своими читательскими находками. Вот что пишет она писателю в Спасское из Парижа в августе 1862 года: «У меня есть теперь что читать и такие есть вещи, что читаю и не начитаюсь. Несколько раз хотела кое-что вам (вам она так и не научилась писать с большой буквы, — *И.Ч.*) послать, чтобы и вы прочли»¹. И в следующем письме, в августе-сентябре того же, 1862 года, тоже в Спасское: «Я читаю попольски, да, но ничего нет такого, как у Мицкевича. Много и мыслей добрых и чувств добрых, да без поэзии. Я прочла персидского поэта Сади — не читали вы его? Совсем особенное от других — точно невиданные цветы, мне показалось — цветут иначе, другим цветом. Приедете, будем читать Мицкевича — я согласна. Как это мне не до вас? Мне до вас. У меня есть много хороших вещей, и я вам их берегу прочитывать. Что же вы читаете? Пишите мне»².

Ученица заимела свой голос и общается с мэтром на равных — притом, что он бесспорно эрудированнее, начитаннее, образованнее. Думаю, что причина этого в той степени близости к Тургеневу,

¹ Там же, с. 300.

² Там же, с. 301.

которую она ощущала. Свою к ней привязанность писатель неизменно подчеркивал. Вот и в июльском письме из Спасского за 1862 год читаем: «Я знаю, как Вы ко мне расположены, и Вы должны знать, что я к Вам привязан»¹.

В письмах 1862 года хорошо просматривается, как выросла и изменилась ученица. Тургенев, оказавшись в России, отдает ее рассказы Каткову в «Русский вестник», она пишет, что ее не устраивает цена; скорей всего, не устраивала и реакционная направленность издателя, она отказывается от уже посланных Катковым денег. Именно ей, Марии Маркович, поверяет Тургенев свои заветные мысли о дружбе юности — Бакунине в ответ на ее вопрос о нем после визита к ней Михаила Александровича: «Что за человек Бакунин, спрашиваете Вы? Я в Рудине представил довольно верный его портрет: теперь это Рудин НЕ убитый на баррикаде. Между нами — это развалина. Будет еще копошиться помаленьку и стараться поднимать славян, но из этого ничего не выйдет. Жаль его: тяжелая ноша — жизнь устарелого и выдохшегося агитатора. Вот мое откровенное мнение о нем — а Вы не болтайте»². Тургенев уверен в корреспондентке — не разнесет его характеристику друга по знакомым (самой от них достается!), не донесет самому Мишелю Бакунину.

¹ Переписка Тургенева в двух томах, т. 2, с. 204.

² Там же, с. 207.

А как обстоит дело с Марией Маркович? Так ли она верит оценкам и мнениям Тургенева, как в начале их знакомства? Нет, конечно, все изменилось. И мнения бывшей прилежной ученицы порой резко не совпадают с таковыми у Ивана Сергеевича. В Бакунина и его дело она верит. Позднее Маркович будет участвовать в составлении для него украинских «бунтарских» прокламаций¹. Летом 1862-го Тургенев находится не в Париже — в России, Марии легче с ним общаться на расстоянии, думать о том, какие книги они вместе будут читать. В то же время она ощущает, что в реальной жизни их отношения подходят к концу.

Разрыв

Последняя из сохранившихся записок Тургенева к Марии Маркович датируется октябрем-ноябрем 1862 года и отправлена из Парижа в Париж, по-видимому, через курьера: «Любезнейшая Марья Александровна, я нездоров и должен сидеть дома — зайдите ко мне вечером — Мицкевича почитаем. Ваш Иван Тургенев»².

Мицкевич здесь выступает в качестве лакомства, вкусной конфетки, с помощью которой Тургенев хочет приманить свою корреспондентку. Ей — как мы знаем — польский поэт очень нравился.

¹ Там же, с. 207, сноска 1.

² Там же, с. 207.

Будучи в России летом и осенью 1861-го и 1862-го, Тургенев заклинал Марию Маркович туда не ехать¹. Он, как мог, помогал ей в ее издательских делах с российскими журналами. Ни Добролюбов, ни Чернышевский уже не могли ей помочь — первый из-за смерти, второй будучи посажен в Петропавловскую крепость. Почему не следует ехать в Россию? Он, Тургенев, едет туда поневоле — разбираться с крестьянами после царского манифеста 19 февраля 1861 года. А Марии зачем туда соваться в такое опасное время? Несмотря на заклинания Тургенева, Мария в Россию поехала. Она находилась там несколько осенних и зимних месяцев 1862–1863 года. Жизнь в Париже с Пассеком требовала денег, Маркович надеялась получить у издателей невыплаченные гонорары. В Петербурге она встретила Некрасовым, заочно ее знавшим и печатавшим ее рассказы, в этот раз она передала ему статью Александра Пассека о французских колониях для малолетних преступников. Некрасов с Тургеневым в эту пору были уже врагами, и, хотя Тургенев считал, что поссорился с бывшим ближайшим другом по соображениям морали, объективно получалось, что разделили их общественно-политические взгляды.

¹ «Повторяю Вам еще раз на прощанье: не приезжайте в Россию!» В письме из Москвы 4/16 сент. 1862-го. Переписка Тургенева в двух томах, т. 2, с. 202. «...Вы остаетесь в Париже — и (я) радуюсь тому: Вы знаете мое мнение насчет Вашей поездки в Россию». В письме из Спасского от 10/22 июля 1862. Там же, с. 203.

В 1863–64 г.г. Тургенев потерял многих своих почитателей, вслед за Герценом решившим, что Тургенев «предал» друзей своей юности перед лицом Российского Сената, когда давал показания о своих «сношениях с лондонскими пропагандистами» — Герценом, Огаревым и Бакуниным¹. В 1864 году в Париже побывала Аполлинария Сулова. В своем Дневнике она пишет о своих парижских знакомых, в частности о графине Салиас (писательнице Евгении Тур), которая «разорвала знакомство с Тургеневым за то, что он написал письмо государю, в котором говорил, что разорвал из уважения к нему все связи с друзьями своей юности»².

Мнение это разделяли многие парижские друзья писателя. Тургенев отвергал это обвинение в письме Герцену от 21 марта/2 апреля 1864 года: «... я не только не оскорбил никого из друзей своих, но и не думал от них отречься: я бы почел это недостойным самого себя. ... Да, государь, который не знал меня вовсе — все-таки понял, что имеет дело с честным человеком — и за это моя благодарность к нему еще увеличилась; а старинные друзья, кото-

¹ Герцен поместил заметку в *Колоколе* о «седой Магдалине из мужчин, у которой от раскаяния выпали зубы и волосы» (Герцен. «Сплетник, копоть, нагар и пр.», 1863). См. «оправдательное» письмо И. С. Тургенева А. И. Герцену. Переписка И. С. Тургенева в двух томах, т. 1, с. 245.

² А. П. Сулова. Годы близости с Достоевским. Дневник — повесть — письма. Вступит. статья и примеч. А.С. Долинина. М., Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928, с. 83.

рые, кажется, могли хорошо меня знать, не усомнились приписать мне подлость и разгласить это печатно»¹. Тургенев пожертвовал деньги на нужды семей русских солдат, погибших при подавлении польского восстания — это был еще один повод подвергнуть его остракизму. Его переписка с Герценом прервалась и восстановилась только через три года, в 1867, когда произошло их «замирение»². Конечно же, все это не могло пройти и мимо Марии Маркович, с которой Тургенев, судя по воспоминаниям той же Аполлинии Суловой, тесно общался в год ее приезда в Париж (1864).

Последнее письмо, вернее, последняя записка Марии Маркович, адресованная Тургеневу, относится к маю/июню 1864 года и как раз связана с Суловой.

Приведу ее полностью:

«Извините меня, что я долго вам не отвечала — я то больна была, то было некогда. Я передала книгу, которую вы мне прислали, и ваши слова, которые вы писали мне, Аполлинии Прокофьевне Суловой. Она передает вам, что потому оставила книгу и ушла сама, что боялась вас беспокоить, что не поняв хорошо ваших слов и думала, что вы говорите книгу принести, а не самой ей прийти. Ее адрес те-

¹ Переписка И.С. Тургенева в двух томах, т. 1, с. 245.

² Там же, с. 245, письмо И. С. Тургенева А. И Герцену из Баден-Бадена от 25 мая 1867 г.

перь (адрес Сусловой в Париже, — *И.Ч.*). Она сказала, рада будет очень, если вы ей напишете. Прощайте. Будьте здоровы и благополучны.

Преданная вам М. Маркович

8-го июня 1864, Париж».

Это конец. Так пишут, когда рвут отношения. В письме нет обращения. В нем нет ничего «от себя» и «о себе». В ответ на письмо Тургенева (оно до нас не дошло) сначала следует молчание («то больна была, то было некогда»), потом явная отписка, несколько предложений, составленных в спешке (с грамматическим ляпом «не поняв... и думала») и касающихся посторонней женщины, приятельницы враждебного Тургеневу Достоевского.

Как отнесся Тургенев к этому посланию? Известно, что еще до его получения он просит некоего Н. В. Щербаня: «Если увидите М.А. Маркович, поклонитесь ей от меня и спросите, почему она не отвечала на мое письмо»¹. Через три недели, по видимому, уже получив записку от Маркович, писатель снова обращается к Щербаню: «Что делает М. А. Маркович?»

Тургеневу трудно себе представить, что «любезная Мария Александровна» от него отошла.

«Ты отошла — и я в пустыне», сказал поэт, живший на рубеже XIX–XX вв. Однако блоковская

¹ Письма к Тургеневу М.А. Маркович (Марко Вовчка) 1859–1864, с. 302, сноска 1.

ситуация очень схожа с тургеневской. Он не в пустыне. Вокруг люди, много людей, его французская любовь — Полина Виардо — к этому времени покинула сцену, поселилась с семьей в Баден-Бадене, рядом с домом певицы уже строится вилла Тургенева. Семья певицы ему дорога, а сын четы Виардо Поль, очень возможно, его сын¹. Но... Тургеневу, по-видимому, не хватало присутствия Марии Маркович в его жизни. Он привык, что она рядом, он был уверен, что она «предана ему навсегда».

Трудно, практически невозможно понять и мотивировку Марии, решившейся оборвать отношения так неожиданно и резко. С другой стороны, она выбрала для себя путь — находиться рядом с Александром Пассеком и продолжать «игру» с влюбленным в нее Тургеневым, по-видимому, не желала. Напомним, что Герцен обвинял Марию в «фальшивости», в «двойных любовях», «кокетстве» и «лжи». Нельзя отрицать, что обвинения били в цель. Марии Маркович волей-неволей приходилось фальшивить и, если не лгать, то говорить далеко не всю правду окружающим ее мужчинам. И вот она одним ударом разрушает этот гордиев узел, что так свойственно ее натуре, натуре, которая, по слову Тургенева, «непостоянна в общем ходе жизни».

В 1866 году, Александр Пассек умрет от чахотки на руках у своей возлюбленной. Почти одновремен-

¹ См. мою статью «Полина Виардо: возможность дискуссии». «Нева», № 11, 2012.

но с ним закончит свои дни Афанасий Маркович, муж Марии и отец ее сына Богдана.

Мария Маркович покинет Францию. Будет жить вначале в Петербурге, после несчастной кончины Дмитрия Писарева осенью 1867 года, довольно скоро переселится в провинцию, перестанет писать. В 1878 году она и ее молодой возлюбленный, ровесник ее сына, Михаил Лобач-Жученко оформят свой брак. Марии в это время 45 лет, но она начинает новый жизненный виток — отправляется с мужем, бывшим гардемаринном, ныне военно-морским инженером, на Северный Кавказ.

Видалась ли она с тех пор с Тургеневым? Внук утверждает, что могла видаться — во время своих посещений Парижа в 1870, 1873, 1874 и 1877-м годах. У меня есть по этому поводу сомнения, хотя я не исключаю, что какие-то встречи писателя с Марией Маркович могли иметь место. К тому времени оба перегорели, путь обоих определился...

Умрет Мария Маркович уже в новом веке, в 1907 году, под любимой грушей на хуторе Долинском под Нальчиком. Ее молодой муж переживет ее ненадолго.

А что Тургенев? Вспоминал ли он свою неуправляемую «ученицу»? Думаю, да. Когда сейчас я перечитываю «Новь» (1877), то обращаю внимание на то, как похожа его героиня, Марианна Си-

нецкая, на Марию Маркович. Похожа и внешне, и внутренне. Повторю это описание: «Лицо она имела круглое, нос большой, орлиный, серые, тоже большие и очень светлые глаза, тонкие брови, тонкие губы... от всего ее существа веяло чем-то сильным и смелым, чем-то стремительным и страстным». А вот о характере: «... жить в зависимости было ей тошно, она рвалась на волю всеми силами неподатливой души... нрав у нее был не робкий». Я полагаю, что Мария Маркович стала одним из реальных прообразов тургеневской Марианны¹. Добавлю к этому, что в ее троюродном брате и возлюбленном — Дмитрие Писареве — исследователи видят прототипа героя «Нови» Нежданова². В середине

¹ Обычно прототипом Марианны называют Анну Энгельгардт (1838–1903), жену профессора-народника, и Луизу Виардо, старшую дочь четы Виардо, которую Тургенев называл «нигилисткой». Мария Маркович, как кажется, по сути своей гораздо ближе к образу, получившемуся в романе. В черновиках Тургенева, расшифрованных Мазоном, о Марианне говорится: «Энергия, упорство, трудолюбие, сухость и резкость, бесповоротность — и способность увлекаться страстно» (Н. Ф. Буданова. Полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева в 30 т., М., Наука. Приложение. Источники текста романа «Новь», комментарий на с. 482). Все эти черты на удивление рельефно присутствуют в личности Марии Маркович.

² См. А. И. Батюто. Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева в 30 т. М., Наука. Приложение. Подготовит. материалы к роману «Новь», комментарий к с. 403, с. 566–567 (РВБ, электр. публикация, 2010–2014 гг.).

жизни Мария, по-видимому, встретила наконец человека, каким стал для героини Тургенева Соломин, — на него «можно было положиться, как на каменную стену». Да, морской инженер Михаил Лобач-Жученко был из той самой породы.

Ивану Сергеевичу Тургеневу предназначалась другая роль — он наблюдал этот женский характер, он направлял и развивал его в самом начале, когда писательница делала первые шаги, он по-своему любил эту женщину, был к ней привязан, пытался ее понять и разгадать, ему очень ее недоставало в последующие годы, когда они расстались. Он воплотил ее образ в своем творчестве. Правда, случилось это в ту пору, когда его жизненный «роман» с Марией Маркович остался далеко позади.

Дополнения

МАРКО ВОВЧОК

Червонный король

Как померла старая барыня, мы достались молодым господам. У покойницы две дочки были барышни.

Меньшая-то смиренная была. Сызмала постилась по понедельникам. Из себя уродилась невзрачная, и неловка, и неречиста, так маменька ей насоветывала и приказывала: «Ты уж, Анночка, — говаривала, — ты уж обрекись, голубчик, да постись хорошенько: авось, бог поможет милосердный, женишка какого себе и выпостишь: ты ведь ничем не взяла, бедняжечка».

Барышня слушалась и совестливо постилась. Ну, только женихов не бывало. Уезд-то наш небогатый, а из прочих редко кто попадает. Еще и вот что: хоть и попадет какой, норовит к старшей сестрице прильнуть.

Старшая красавица была. Любовью Михайловною звали. Глаза какие прекрасные, голубые, и беспечные, и лукавые; а брови черные, личико беленькое, румянец алый, а смеялась смехом звонким, что слушать любо. Да воструха такая, байчивая, бойкая; умела как и поклониться гостю, и попотчевать, и взглянуть! Маменька только, бывало, бога хвалит. «Эта в меня пошла!» — говорит.

А меньшая, войди чужой человек, совсем оробеет, растеряется и онемееет. Сначала маменька ее усовещивала, сердилась, да видит, что все это не от непослушания, видит, как сама она разливается в три ручья, — махнула рукой: «От природы уж такая!» И оставила ее. «Живи себе, как тебе хочется, как уже тебе бог даст!» И еще больше к старшей пристрастилась. «Утешение мое единственное», — так и называла ее.

Барышни и росли себе. Старшая хорошела, расцветала цветом; меньшая все робче становилась. Тут старая-то барыня и померла.

Похоронили, поплакали.

Старшая взялась хозяйничать:

— Ты уж, Анночка, не мешайся, — говорит меньшей сестрице, — что ты смыслишь!

— Хорошо, — та ответила ей покорно.

Была наша Любовь Михайловна хозяйка хотя молодая, да зоркая, распорядительная, расторопная. Она и в зеркало на себя насмотрится, и варенья наварит; знала, как лучше себе косички завить, и умела повара вороватого вывести на свежую воду. Основательная была барышня. Как маменьку хоронили, ведь как огорчена была, плакала как горько, а ложек серебряных не забыла. В горючих слезах нам говорит: «Смотрите за ложками! Кто их знает, всех этих поминальщиков!» А справляли обед похоронный, и много было чужих.

Как по маменьке прошла печаль, Любовь Михайловне жилось хорошо и привольно; что хотела себе, то

и делала. С кем-то в городе познакомилась, в город ездила, веселилась; где ярмарка — на ярмарку; жила, словом сказать, припеваючи.

Меньшая все дома, все в своей комнате. Не то чтоб ее старшая сестра не любила, нельзя сказать; нельзя сказать, чтоб и любила. Видно, что и она ее за дурочку считала, за недалекую. Бывало, лучше по комнатам ходит, да сама себе улыбается, чем сестре сказать слово советливое; не порадуется с нею, не запечалится, вспомнит о ней только за обедом.

Езжали к нам барыни, покойницы сестры двоюродные. Две их было, обе вдовы: Федосья Павловна и Марья Павловна. Федосья Павловна была барыня сухощавая, только огневая: живые глаза, скорые слова. А Марья Павловна поувалистее, и говорила больше нараспев, и еще любила она временем богорадную прикинуться. Не приведи ж, господи, какие обе они удались вздорные да сварливые; всегда меж собой в ссоре. Там одна только скажи, что: «Вот тучи собираются, дождю быть», — чего, кажись, безобиднее? — другая уж взъерошилася. Станут ли мириться — на миру своем еще хуже перессорятся. Кучер их рассказывал, что не раз богу вздыхал: «Оглуши ты меня, господи! Горы ли, доли ли, ведро ли, гроза-буря ли, все одно, — целую дорогу ссорятся». Добрый это человек был их кучер, Платоном звали, только курил он какой-то дурманный корешок, что свежего человека опьянял. Он, впрочем, и сам признавался, что пристрастился к тому корешку больше от горя своего и несчастья.

Приедут, бывало, тетеньки к нам и сядут по разным горницам. Чуть подойдет барыня к одной, другая уж летит в гнев: «Я тебе, сестрица, нужна ли? Я могу и отъехать домой». Кое-как ублажит ее барыня наша, глядь, другая отъезжать собирается, ту надо улещать. Советы у них семейные бывали все больше об меньшей барышне, об Анне Михайловне. Просит барыня:

— Сестрицы, посоветуйте, что тут делать да как быть; Анночка-то моя богом обойдена!

Так одна говорит:

— Оставь ее, живут же люди и без семьи. Какова семья!

А сама глядь на сестрицу. Та уж вспыхнула.

— Надо замуж Анночку! — кричит. — Можно ей смиренного какого выискать. Анночка не уморит мужа, как другие!..

— Кто ж уморил? — подхватит сестрица.

— А вы небось своего не спровадили на тот свет? Прямо в рай попал, мученик!

— А ваш-то с чего на смертной постели твердил: *несть зла пуца, яко жена зла?*

И пошло, и пошло. Крик такой тонкий да звонкий, — вчуже содрогаешься. Велит, бывало, барыня на весь дом закричать: «Пожар!» — или прикажет Никите-кучеру завывать нечеловеческим голосом; тем только и можно развести было.

Сама барыня покойница под конец попечение отложила об Анне Михайловне, а тетеньки все еще споривали про ее замужество.

Жили мы себе спокойно, день за день. Старшая барышня разъезжала; меньшая все хирела.

За старшую женихи сватались. Один сватался военный, не по нраву пришелся, и, правду сказать, неказист был; другой из суда уездного, и этот не полюбился. «Слова сказать не умеет и перо за ухом носит!» — не пошла.

«Чего спешить мне? Еще не последний!» Ей шел всего-то девятнадцатый год, а меньшей восемнадцатый.

На святой приехала к ним старушка Сергеевна от тетенок с поклоном. Старушка была уж старая-престарая и жила она у тетенок *на покое*. Как бы это вам растолковать-то хорошенько? Ну, значит, это не имей покою и на миг; за всем в доме смотри, все у нее на руках, все на ее ответе... У нас таких старушек доверенных еще и теперь встретишь. Берут их в горницу маленькими девочками, учат уму-разуму толчками. Вот вырастут, выучатся. Случится, что и полюбится кто, посватается, не отдадут: привыкли, мол. Идет время, стареются господа, стареется девушка, вот и старики. Молодые барышни маменькину девушку не трогают. Умрет маменька, они ей старые платья пожалуют, от работы освободят, чашку чаю ей положат. «Маменька тебя любила, живи на покое, бог с тобой, да гляди за всем. Ты маменьке служила верно, и мы тебе верим». Вот и живет такая старушка, и доживает век, вздыхаючи, как Сергеевна. Я, право слово, заметила, что все они вздыхают; словно что потеряли без возврата, так вздыхают.

Приехала эта Сергеевна к нам, прислали тетеньки племянниц проведать; того году была святая ранняя, в самую распутицу: мосты все снесло, овраги залило, опасно самим пускаться в дорогу. Приехала Сергеевна, и сейчас она увидела, что меньша-то барышня жалка очень. И все она около нее похаживала, все с нею заговаривала. Та, по своему обычаю: «да» да «нет».

— Что это меньшая-то у вас жалкая такая? — спрашивает у нас Сергеевна.

Мы ей рассказываем все, как знаем, и что ее за глупенькую почитают.

— Ох, вы-то разумницы у меня великие! — говорит, на нас головой качаючи.

А нам-то вправду казалось, что и сама Анна Михайловна виною: ведь и вольна, и все есть. Чего ей робеть? Откуда горе?

— Молоды еще, — говорит Сергеевна, — еще не знаете, что горе не всегда по причине бывает. Горю всегда дорога есть, и не в такие палаты горе пробирается.

Это правда. Точно пробирается. А все-таки настоящего-то горя у барышни не бывало.

Вечером, как все спать легли, Сергеевна к меньшей барышне пошла. А барышня богу молится; не видит, не слышит. Заметила — вздрогнула.

Сергеевна ей говорит:

— Что ж испугались, барышня? Это я.

— Чего тебе надо, Сергеевна?

— Да так, пришла к вам. Вот сяду да посижу около вас.

Села себе на скамеечке, а барышня села на своей кровати.

— Небось скучненько вам деревенское-то житье бывает? Деревня ваша глухая, соседства близкого нету.

— Сестрица в город ездит; там весело, — говорит.

— А вы-то отчего не поедете с нею?

— Зачем же мне ехать?

— Как зачем? Людей, посмотреть. Право бы, съездили, может, и покажется.

— Нет... Мне дома лучше.

— Хозяйничать охочи?

— Нет... Это сестрица.

— А вы что?

— Я... Я шью что-нибудь... погуляю пойду.

— Такое житье молодой голове не приходится. Ну, нечего делать, потерпим, переменится.

— Как переменится? Когда?

— А вот, сядем-ка, погадаем мы с вами: что и скоро ли. Благо, со мной и карты есть; вот мы и погадаем, что нам будет.

Придвинула столик поближе к кровати, вынула карты и стала гадать барышне.

— Ну, вот и перемена жизни выходит... смотрите-ка, вести радостные; и пиковое вам огорчение вышло, пиковая семерка замешалась, будь ей пусто! Ну, да без этого нельзя. Мы и перетерпим. А вот и отошла она, — туда ей дорога! А вот червонный король присоседился, мысли его около бубновой дамы, — вы ведь бубновая дама, — и лицом к ней обернулся. Все четыре туза вы-

шли: исполнение желания. Желание ваше исполнится, барышня!

— Желание? — промолвила барышня.

— Да, да. Чего вы себе желали, то сбудется!

— Чего ж я желала? — говорит. — Чего мне желать?

— Что ж вы, сердечная моя, неужели и не желали себе ничего?

Она не ответила, а горько заплакала.

— Полно плакать, — говорит Сергеевна, — нам еще надо погадать теперь об червонном короле, что он за птица. Оботрите глазки да поближе придвиньтесь.

Барышня слезы отерла, ближе к столику наклонилась. Слушает, не дохнет. А Сергеевна раскидывает карты да рассказывает:

— Трудно червонному королю. В печальных мыслях наш голубчик! А вот ему и трефовая дорога в трефовый дом: маменька-то ваша покойница трефовая была.

— Он собирается к нам? — вскрикнет барышня.

— Ах! Карты, было, смешали. И чего пугаетесь? Он еще во двор не въехал. Да и собираться-то как ему, коли еще не знает, есть ли вы на белом свете? А только тянет его куда-то, душа кого-то ищет, вот он и печален. Ему еще две дороги лежат, да помеха будет бубновая. И ехидно советует какой-то вдовец преклонный. Да все его ковы нипочем нашему! Его нам бог сохранит! Вот подвернулась еще смутьянка, пиковая дама! Понапрасну, матушка, бьешься!

Рассказывает Сергеевна по картам, а барышня только все бледнеет да краснеет. Долго гадали они. Уж заря стала заниматься, так вспомнила Сергеевна, что спать пора.

— Ложитесь, барышня, — говорит Сергеевна, — почивайте себе спокойно; будет и на нашей улице праздник.

— Завтра придешь ко мне? — спрашивает барышня, а сама глазами ее молит.

— Приду, приду; а теперь ложитесь. Ишь, сердчишко-то бьется, так и стучает.

Уложила ее Сергеевна, перекрестила и пошла.

Встала на другой день Анна Михайловна да вышла к нам — мы чуть не ахнули: румянец во всю щеку играет. Когда это бывало?

И сестрица старшая за обедом заметила. «Что это ты, Анночка, — говорит, — верно, все по солнцу бегаешь? Посмотри-ка на себя, на цыганку похожа». А сама глянула на себя в зеркальце напротив: беленькая, нежненькая, щечки алеют, — усмехнулась себе ласково.

Вечером опять Сергеевна пришла к Анне Михайловне; опять гадала. И сколько дней пробыла Сергеевна у нас, — а пробыла дня четыре, — то все по вечерам к Анне Михайловне хаживала, и все они гадали; а уходит Сергеевна, барышня просит карты у нее оставить да сама днем гадает запершися.

Раз Сергеевна ее застала, что сидит она, держит червонного короля, глядит на него, вглядывается и задумалась глубоко.

Сергеевна ей и говорит:

— Думаете вы да печалитесь. А ведь знаю о чем.
— Печалюсь-то?.. Да я не печалюсь, я думаю...
— Ну, о чем?.. Чего ж запинаться? Грех таиться от меня.

— Я думала, — шепчет, — какой он живой будет?
— Да не такой бородач, как тут, и без копыя придет... Будет из себя красен! Глаза хорошие, глядит приветливо, голос душевный, говорит ласково, а темные кудри хмелем выются.

— Да, да! — ей барышня. — Да! Такой! Он, он!
Сама так румянцем и зарделася.

Отъезжая, подарила Сергеевна свои карты барышне. Старые это карты были; стал от времени и бубновый король черномазый такой, что издали его не отличишь от пикового, — а барышня взрадовалася, и благодарна как была! На шею бросилась Сергеевне.

Утром прощается Сергеевна, а барышня слезами заливается, ее провожаячи. А старшая сестрица смотрят из окна, удивляются.

— Анночка! Анночка! — кличут.

Барышня не слышит, стоит в одном платьице, рыдает. У крыльца тележка загрязненная, с бурою загнуною лошадкою; усаживается Сергеевна в тележку, вожжи подбирает и оглядывается на барышню как-то надежливо, дескать: горе пронесется, радость будет! А сама старшей говорит:

— Доеду благополучно: глаза-то у меня еще зорки. Вечером, хоть поздненько, а, бог даст, домой доберусь. Тучки разошлись, день разгулялся, может,

и солнышко проглянет, веселей будет ехать... Прощайте, барышни!

— Прощай, Сергеевна, — из окна отвечает старшая, — кланяйся от нас тетенькам. Очень видеться желаем, — скажи это, не забудь.

Говорит это, понимаете, только для хорошего обычая, по родству; а по правде, досаждали ей всегда крепко тетеньки приездом своим.

Покатилась тележка. Барышня вслед глядит, слезы льет. Сестрица крикнула на нее погромче:

— Иди же сюда, я зову!

Вошла тогда в хоромы.

— Что это такое, Анночка, — спрашивает сестрица, — о чем расплакалась? Неужели об Сергеевне?

— Об Сергеевне.

— Об ней? Ну, признаюсь! Как же можно об Сергеевне плакать?

Барышня опять заплакала.

— Послушай, да ты пойми... Тебя, впрочем, трудно вразумить-то! Ну, подумай... Если бы мы с тобой к какой-нибудь графине, к какой-нибудь губернаторше приехали на три дня, а потом и уехали, стала бы губернаторша об нас плакать, — как полагаешь?

— Не знаю.

— Что тут не знать! Конечно, не заплачет. Что мы ей? Ничего. Мы ей не ровня. А Сергеевна как ниже еще! Понимаешь ли ты, или нет?

— Нет, сестрица.

— Ну, тебе не втолкуешь! Однако же, по-пустому не плачь; ты меня слушаться должна. Я старшая сестра, я тебе теперь вместо матери... Что за слезливость вдруг проявилась такая? С чего? Разве умер у нас кто? Слава богу, все хорошо, все благополучно: нечего плакать, грех даже. Сейчас перестань!

Барышня отерла слезы и пошла в свою горенку, а сестрица ее до дверей проводила. Так во всем правые люди виноватых людей провожают, — с видом таким. А потом воротилась, прошла мимо зеркалов; напевать стала, что «во всей деревне Катенька красавицей слыла», и хоть пела-то она про Катеньку, да знаю, что себя тут разумела, и весело-превесело пела.

Живем мы себе да поживаем, дни проходящие отсчитываем. А меньшая барышня и шитье, и вышиванье — все побросала. Только гадает, да гадает, и ночей за тем гаданьем недосыпает. Подкрадья и посмотри на ее лицо: и вспыхивает, и туманится, и тревожное, и веселое, словно и вправду она перед собой живых людей, живую радость и горе видит. И какими иногда счастливыми глазами на тебя глянет!

Видишь, бывало, проскользнет в сад: точно она сокровища какие несет прятать! И одна себе ходит, думает, жизнью живет. Случалось, как не пошлет сестрица искать к обеду, то и целый день не придет. Ищешь, ищешь, аукаешь, аукаешь: она и выйдет из какого-нибудь заглушья. Сад у нас старый, заросший: и терновники, и вишенники, и шиповники — все спутано, все перевито хмелем цепким. Прoberется туда затропочком, да и блаженствует там.

А сестрице и во сне не снится, с чего Анночка блаженствует, — ну, а по зоркости своей уж заметила, что та учащать стала в сад.

Тогда земляника поспевала. Сейчас она по хозяйскому уму сообразила и говорит:

— Ты, Анночка, смотри, не оборви землянику, — не из чего будет варенья варить.

Та на нее глядит: «Какая земляника?»

— Будто не понимаешь, о чем говорю? Я говорю не шутя, земляники не трогай. И так уродило немного, и у меня все ягодки сочтены и замечены... Слышишь, Анночка?

— Слышу, сестрица; я не трогала и трогать не буду.

— Ну, я тебе верю. Да меня и не обманешь. Без шуток, я каждую ягодку там знаю,

Стала сама сестрица в сад хаживать каждый день; кисеей частою закроеется, зонтик распушит от загару и идет в сад туда, где земляника спеет. Посмотрит и воротится.

Хоть знала она Анночку за покорную, да все судила, что лучше не плошать. Всяк, видите, по своей мерочке меряет, — а она еще малолеткою говаривала: «Кто ж себе враг?» Бывало, маменька их покойница от неудачи какой по хозяйству закручинится, тужить станет: «Что, если я умру, вас не пристроивши? Что будет с вами?..» И учить станет: «Так и так делай; не выпускай добра из рук, коли попадается». А она: «Кто ж себе враг?» — ответит. Только, кажись, два слова, а покойница вздохнет и сейчас успокоится, бывало, об ее участи.

Первый снежок запорошил, приказала Любовь Михайловна сани осмотреть, в город собирается; а тут тетеньки во двор. Досаду затаила, отвечает с веселыми глазами, ручки целует. А у тетенок, видно, сердца кипят. И вот что замечаем: бывало, приедут, сейчас по разным горницам разбегутся. «Отдохнуть! Отдохнуть!» — вопят. А теперь, видим, не отстает Марья Павловна от Федосьи Павловны. Куда Федосья Павловна ни ступит, Марья Павловна следом за нею.

— Пойду-ка я с тобою, Любочка, в кладовую: что нахозяйничала ты, погляжу.

— И я, Любочка, пойду, — подхватила Марья Павловна.

И себе идет.

— Анночка! — зовет Федосья Павловна меньшую. — Поведи меня в свою комнату. У тебя тихо — я отдохну.

Пошли, и Марья Павловна за ними. Пропало терпенье у Федосьи Павловны.

— Вы чего привязались ко мне? — кричит. — Чего следите?

— Да вы-то чего раскричались, как на подданную свою? Я к Анночке пришла; кажется, право имею к своей племяннице прийти!

— Что-то с вашими господами творится чудное! — Платону их говорим.

— Федосья-то Павловна, — рассказывает Платон, — тайком ведь хотела укатить от сестрицы, да поймалась. Только я под крыльцо, Федосья Павловна выбежала, а сестра ее за полу: «Вы не смеете одни ез-

дить, половина повозки моя, и на своей паре я вас ездить не допущу...» И пошли, и пошли. Слушал я, слушал да побрел себе в избу погреться. И возблагодарил создателя за свою Авдотью Ивановну: та хоть накажет, да по крайности покой временный да отдых даст!

Авдотьей Ивановной Платонову жену звали. Тоже Змей Горыныч порядочный, сказывали.

Целый день вместе сидели господа. Чуем, гроза собирается. Ну, ввечеру и разразилась.

Стала Федосья Павловна посеред горницы и возговорила.

— Я, — говорит, — с божьей помощью Анночке жениха нашла. На той неделе пришет его тетка ко мне, а я за Анночкой пришла.

— А ты, Любочка, приезжай ко мне, — приказывает Марья Павловна старшей.

— Нет, Любочка, ты не смей приезжать и во двор к нам, пока жених будет: ты еще тетенькиного ехидства не знаешь, а я знаю и запрещаю тебе!

— Так вам вольно к себе звать, а я не могу? — закричала Марья Павловна.

— Если бы божеская искра в вас была, не стали бы вы Анночкину счастьем мешать! Уж и на сирот, матушка, напускаться стали! Экое зверство ваше какое!

— Вас-то небось сироты озаботили? Вы из того бьетесь, чтобы мне насолить!

— Я еще вам не так насолю! Я на себя руки наложу, да и напишу к губернатору, что от вас жить не могла!

— Эка, думаете, напугали! Всякая дворянка сама себе губернатор!

— Добро-добро! Тогда увидим... Да я вас ни одной ночи в покое не оставлю: я с того света каждую вас полночь проведаю... Полночь — я и тут!

— Попрошу батюшку осиновый вам кол в голову забить: перестанете являться!

Марья Павловна хоть отвечала смело, а задумалась: таки труслива была. А знала, что сестрица ее и смерти не боится, и если уж наперекор пошло, то, пожалуй, что и руки на себя наложит.

А бедная барышня Анна Михайловна и плачет, и дрожит, и крестится в уголку.

Старшая тоже между двух огней: одна тетенька зовет, а другая тетенька — «Не смей!» Так она и притворилась, что испугалась очень, и молчит перед ними, будто со страху.

Ну, уж когда пообещала Федосья Павловна, что руки на себя наложит, — Марья Павловна смирилась.

— Чтоб вас бог покарал! — говорит сестрице. — И то вам, и то, и то...

Всеми бедами черными наделила, заплакала и ушла.

Федосья Павловна видит, что покорила, и тотчас всем распорядилась: и когда придет за Анной Михайловной, и не медлить ей приказала, осмотрела ее платица, выбрала, какие с нею отпустить. И Любовь Михайловне поручила, чтобы свою сестрицу эти дни огуречным рассолом умывать. «И кланяться ее выучи да внуши, чтобы голову не каурила, чтобы букой не смотрела».

— Хорошо-с, тетенька, — Любовь Михайловна отвечает, — я постараюсь, и все исполню, как вы приказываете.

— Ты подумай, Люба, что и тебе будут руки развязаны, — тетенька ей доводит, — если Анночку построим. Ведь меньшая сестра у старшей на ответе.

— Как же, тетенька, я знаю.

На другой день тетеньки уехали. Федосья Павловна весела, добра, а Марья Павловна этакая горемычная сидит в повозке. Укуталась вся платками. «Доеду ли живая до дому?» — сомневалась.

Ну, это она только жалобное слово сказала, и никто ей не поверил.

Почала старшая сестра учить Анну Михайловну приемам приманчивым. А Анна Михайловна у ней просится:

— Не надо, сестрица, я не перейму.

— Ты уж не рассуждай, Анночка, а делай, что говорят. Ну, гляди прямо, — отчего не можешь прямо глядеть, как я? И веселее гляди. Ну, сядь. И сесть-то не умеешь! Ну, и облокотись правою рукой, — очень хорошо может это выйти, — смотри, как я.

И точно, облокотится она, — хорошо у нее выйдет, а барышня никак себе не переймет. Что больше учится, то еще, кажись, хуже выходит.

— Ах, Анночка! — крикнет сестрица. — Это наказание божие с тобой... Ведь ты не малолетняя! Сообрази, что для твоей пользы! Как это всегда ты живешь спустя рукава! Так жить нельзя!

— Сестрица! Что ж мне делать, когда понять не могу?

— Помилуй! Как же не понять того, что нам надо! Постарайся. Что хныкаешь-то только?

— Отпустите меня, сестрица! — просится барышня.

— Нет, — говорит, — учись!

И не отпускает, учит. Та покоряется, глотаючи слезы, а придет в свою горенку, так рыдает, что сердце надрывается. То бросится на колени молиться, то кинется гадать. Не раскинувши гаданья, опять упадет перед образами; не сказавши молитвы, опять за гаданье. Тосковала она, уповала, боялась, ждала... Сердце сжатое из тесноты своей простору искало.

В четверг ввечеру приехала Сергеевна за нею. Праздничная такая вошла.

— В легкий денек приехала за вами!

А барышня ее трепетно встретила и на все слова молчит.

Пятницу переждали: тяжелый день и нехороший; что в пятницу ни начни, во всем будет неудача. Сергеевна все барышню ободряла.

— Чего бояться? — уговаривала. — Вы не бойтесь. И горю, и радости надо прямо в глаза смотреть.

А та ни словечка в ответ. И не гадали даже в тот день.

С вечера в пятницу мы собрались в дорогу. Анна Михайловна ночь целую напролет не сомкнула глаз и одна в своей комнатке пробыла.

Сергеевна хотела к ней, да, подумавши, не пошла. Только к дверям послушать Подходила: что с нею?

Рано, чуть еще брезжится, Анна Михайловна вышла и прямо к сестрице. Сестрица еще сладким сном почивала.

— Что ты, Анночка, будишь меня, — разве уж едешь?

— Сестрица, поедемте вместе!

— Вместе? С ума ты сходишь, Анночка!

— Сестрица! Поедемте!

Сестрица удивлена, на нее глядит.

— Сестрица! Если вы любите... если вам жалко меня...

— Анночка! Опомнись! Все может дело пропасть, если я с тобою поеду, и он увидит меня... а ты про-сишь!

— Поедемте вместе, — молит; слезами так и зали-вается, руки ей целует, постель целует.

— Полно, полно, Анночка! Что это на тебя нашло? Поди, вели запрягать лошадей, поди!

Пошла от нее Анна Михайловна, — чуть на ногах держится.

— О чем убиваетесь, барышня? — тихо ее Сергеев-на голубит.

Она, бедняжка, услышала, как кинется к ней на шею:

— Сестрица со мной ехать не хочет, — не хочет ему показаться... Все за меня боятся... Ах, зачем они боятся?

— Вы лучше спросите: чего бояться-то?.. Так-то на людей туман находит. Не по-хорошу ведь мил, а по-

милу хорош; сказалось бы сердце сердцу, душа душе. И еще: кто кому судился. Против судьбы все ухищрения не помогут!

Утешает ее, а она приподняла голову: так радостно, так благодарно на нее посмотрела.

Успела успокоить ее Сергеевна. Плакать она перестала: утихла в уповании каком-то.

Подали лошадей.

— Прощай, Анночка! — прощается старшая барышня. — Пожалуйста, будь ты посообразительнее! Я положила с тобою свой платочек розовенький; не забудь, надень его и береги: это мой любимый... не испортить. Прощай!

И мне приказывала:

— Гашка! Смотри ж ты за всем; не потеряй, не забудь ничего!

Сели мы и поехали.

Морозный был день. Дорога проселочная — не торная. Безлюдно и бело кругом. Солнышко играло в небе синем и по широким полям. Барышня тихо себе сидела и думала. Разрумянилась так, и всему улыбалась она: на небо глянет, от солнца зажмурится, улыбнется; глянет вокруг, глянет на Сергеевну — улыбнется. И Сергеевна ей в ответ тоже улыбнется, а говорить — не говорят. Безмолвно едем все. Только разве Платон вздохнет этак, будто гору поднял.

Уже вечереет; запылала заря вечерняя, и по всему разлилась — по небу и по земле. Морознее еще стало. Догорает и заря; вот и потухла. Засверкали над нами звезды; выкатился месяц золотой. А мы все едем да едем, словно во сне заколдованном.

Вдруг огоньки впереди забегали на горе и чей-то свист послышался. Насвистывали это песню «Не одна во поле дороженька пролежала». Будто очнулись мы все.

— Приехали, — говорит Сергеевна.

И барышня промолвила: «Приехали», — дрожал у нее голосок.

По улице залились лаем собаки вдогонку за нами; на крыльце сама тетенька Федосья Павловна барышню встретила.

— Насилу-то дождалась тебя!

Мельком поцеловала ее, взяла за руку и повела в хоромы.

А тетенька Марья Павловна и не встречает, и не показывается.

— Где тетенька Марья Павловна? Здоровы ли? — спрашивает барышня.

Федосья Павловна порохом вспыхнула.

— Злодейка твоя первая, и ты об ее здоровье сокрушаешься! Я порошок курительный приготовила; думаю, приедет он, войдет, а пахнет приятно. Что же-с? Забудь я, положи этот порошок, исчез со стола! Так вот злоба до чего доводит! Красть даже начала! Дворянка родовая, — ведь сразу-то не вымолвишь, — а крадет: в самые рабские обычаи вошла! А теперь-то лежит от хворости. — Ковы строит! А ты иди ложись сейчас! — барышне приказывает.

— Сергеевна! — кличет. — Отведи Анночку и спать положи. Да умой ее сывороткой и накорми хорошенько! Хоть бы завтра-то она поцветней встала! Чего, ма-

тушка, глядишь? Точно с креста снята! — опять к Анне Михайловне. — Засни скорей, Христа ради! А ты, Сергеевна, прикажи ставни у нее не открывать завтра: пусть спит. Иди, иди, Анночка, усни! Спи!

Велела Сергеевна девушкам утром ставней не открывать в барышниной комнате и повела ее туда. Сыворотку я тоже понесла за ними и кушанья разные.

Только барышня не умывалась и до кушаньев не дотронулась. И Сергеевна хоть бы словом одним ее поневолила. И помину у них об этом не было.

— Посидеть с вами? — спрашивает Сергеевна.

— Посидите! — просит барышня.

— Что-то завтра? — сказала Сергеевна.

— Завтра! — промолвила себе барышня.

— Увидим! Что бог даст! Все, барышня, быть может, все... Может, он и по душе не придется, не тот.

— Не тот? — жалко так воскликнула.

— Бывает. Сердце скажет вам. Сердце вмиг почует своего. Что ж вдруг затосковали? Я ведь на всякий случай говорю это; вам все ж нечего крушиться; ждать его будем, а он-таки в свое время явится, а, может, и завтра.

— Может! — повторяет барышня.

— Ну-ка, сядем погадаем.

И сели гадать. Все препятствия: то трефовая неудача, то перекоры бубновые выходят. Сергеевна головою кручинно покачивает.

— Не велика беда, — приговаривает, — мы еще подождем.

Прощаясь, Сергеевна ей в утешение говорит опять:

— Не горюйте: все еще впереди.

— Да, — говорит, — я ждать буду.

А тетьки тоже за полночь не почивали, перессорились через стену. И комнаты-то у них смежные, и стенки тонкие — все им в удовольствие.

На другой День смятение такое в доме... Чем свет поднялась Федосья Павловна, чем свет и Марья Павловна застонала. Все впопыхах, в приготовлениях; а повар так заплакал даже. Приказание ему за приказанием, и вдруг все отменяют, придумают другое, а человек-то основательный, обидно ему стало: сложил этак руки на груди и заплакал.

Барышню разодели, разрядили и вывели в гостиную, посадили. Пылало у нее лицо, и смущена она, тревожна была.

— Слава тебе, господи! — говорит Федосья Павловна. — Румянец в лице есть. Только чего в землю-то глядишь? Ведь может человек и нивесть что о тебе помыслить!

Уж и полдень на дворе. Ждем не дождемся.

Вдруг верховой под крыльцо.

— Откуда? Что такое?

— С письмом к Федосье Павловне от Ластиковой барыни.

Престарелая была эта барыня Ластикова, хворающая и одинокая, и до страсти она любила свадьбы улаживать; только этим и душу свою отводила. Даже окружные священники боялись ее: «Наживем мы себе

беду с этою Ластиковой: того и гляди перевенчаешь или кумовьев, или родственников». В страсти ничего не соображала она, лишь бы перевенчать, — бедных с богатыми, старых с молодыми, ей все равно было. Давненько это она без дела была, а тут к ней приехал племянник из своей вотчинки. Федосья Павловна аукнула, она откликнулась, да и давай свадьбу ладить.

Схватила письмо вне себя Федосья Павловна, взорвала, прочла, обомлела и стоит... Потом опомнилась, пошла, написала ответ, отдала и отправила верхового.

— Анночка! — говорит барышне. — Разденысь; он не может быть сегодня.

А Марья Павловна уж проведала, уж выздоровела.

— А что ваш гость? — посмеивается. — Или не будет?

— Вы ко мне не приставайте, — отвечает Федосья Павловна, — я и так сердита!

— Сердитесь не сердитесь, не приедет!

— А вы это куда расправили крылья хищные?

Видит, собралась куда-то, и лошади поданы.

— А я еду к отцу Петру; попрошу молебен отслужить.

— А! Так вот что!.. Так это вы мне намолили радость такую?..

И пошли! Отвели душу. Та уехала, а Федосья Павловна поуспокоилась немножко.

— Анночка! — говорит. — Завтра ты рано домой отъезжай. Он к вам будет; я написала, чтоб он к вам прямо приехал. Не проговорись ты... Ну, глупа-глупа, да все пойми свою пользу... И сестре твоей я через Сергеевну прикажу, чтоб она не выходила к нему. Он дня через четыре приедет, как своего дядю проводит. Тетка его пишет, что дядя к ним теперь приехал, — принесла его нелегкая вовремя! А после дядиной смерти он наследник, надо уважать: ты понимаешь ли это? Пойми ж хоть что-нибудь!.. Не огорчайся, однако, посмелей будь. Да не говори ничего и Сергеевне покуда... Все ведь люди предатели!..

Ну, а барышня первое времечко улучила и все Сергеевне пересказала. Пошептались, друг дружке улыбнулись.

На другой день, еще темь, а нас Федосья Павловна выпроводила домой.

Старшей сестрицы мы дома не нашли: уехала в город. Сергеевне был приказ дожждаться его приезда, так она и осталась ждать. Гадают с барышней да ждут-дожидают.

На третий день видим, во двор сани катят; в санях барин какой-то молодой.

Я к барышне; вхожу, она, смятенная такая, сидит подле Сергеевны, карты разложены на столике.

— Барышня, — говорю, — пожалуйста в гостиную, чей-то барин приехал.

— Я знаю, — отвечает, — я иду.

Ждали его на завтра. Видеть ей тоже нельзя было, — окна не на двор, а в сад у нее — по картам они знали.

— Одеваться будете? — спрашиваю. — Какое платье прикажете?

Она поглядела на меня, словно не поняла. Лица живого на ней не было. Перекрестилась и пошла к нему в гостиную, как была — в домашнем платице.

А в гостиной у окна спокойный какой-то красавец стоит.

Спокойно себе обернулся, спокойно барышню оглянул и поклонился ей ловко.

А она, бедняжечка, стала на пороге, дрожит вся.

Он немножко, этак про себя, усмехнулся.

— Анну ли Михайловну счастье имею видеть? — спросил чистым голосом да ровным.

А у Анны Михайловны в ответ ему — слезы в три ручья.

Маленечко его покорило, — ну, тотчас нашелся.

— Не угодно ли сесть вам? — говорит и стул ей придвинул.

Она переступила к столу и села Он подле нее постоял; видит, что не попросит, — сам сел.

— Жалел я как, — говорит, — что не мог быть у вашей тетеньки в воскресенье! Дядя мой посетил нас; старый человек... почитать его надо.

Она все молчит.

— И тетенька моя как хотела вас видеть! Не могла она приехать сама! Она уж десять лет из дому никуда...

Она все молчит.

— Я сам поспешил к вам, почтение свое засвидетельствовать поскорее, днем раньше... Не впору, может? Вы не ждали...

— Я все ждала, — проговорила.

Он на нее глянул этак: не ослышался ли, мол, я?

— Что изволите сказать?

— Я ждала.

— Кого-с?

Она со слезами на него посмотрела. Он понял, что ждала его, и удивился... Заговорил о святках, спросил, что работает, какое рукоделье. Не знаю, впопад ли отвечала она ему, а он говорил складно и обо всем по порядку.

Обеденная пора пришла. Велела Сергеевна стол им накрыть и позвала их обедать. А обед, какой был, такой и подали. Как полюбится, так и в скудости, и вчерне полюбится, говорила Сергеевна, а барышня и не заметила, что на столе. Он, почитай, один и ото-бедал, один и разговор вел.

После обеда скоро откланиваться начал, прощаться; этак все: «Буду счастье иметь» — да: «Величайшее удовольствие». А она просто и прямо от души своей: «Когда вас опять увижу?»

Обещался ей скоро быть и уехал.

А барышня, как провела его, все вслед глядит.

Подошла Сергеевна, уж ни о чем не спрашивает. Взяла ее за руку, от дверей отвела.

И чудное с барышней было: как-то она словно переродилась. Лицо стало такое... вот как у очень маленьких детей, у младенцев бывает: ясное да безмятежное, а глаза все слезами наполняются.

И уложила ее спать Сергеевна в тот вечер, как ребенка. И тотчас она глаза сомкнула; спит, кажись, и вдруг очнется: хлынут такие-то веселые у ней слезы, и опять забудется.

Приехала старшая сестрица, узнала: «Слава богу! Если б он на тебе женился, Анночка! Только не гляди так странно... или ты, душа моя, рехнулась с радостей?»

Сергеевна на другой день поехала, тетенок уведомила. Обе прибыли встречать его. Приезжает и он; всем показался.

Федосье Павловне торжество, от его тетки письмо пришло к ней, что племяннику невеста по нраву. А на Марью Павловну хворость сейчас напала.

Вышла познакомиться и сестрица старшая. Смирницей такой вышла, глазки опустивши; ну, а глянет, будто говорит: «Могу я вас заполонить, могу; только по доброте своей не хочу обижать никого... а могу!»

Вывели и Анну Михайловну. Она и поклониться ему не сумела. Стала, стоит, будто за приказом каким вошла. Да уж как-то Федосья Павловна изловчилась, посадила ее рядышком с ним.

Обедать его опять просили, и ночевать оставили. Вышла и Марья Павловна со стонами, этакою сиротою казанскою; познакомилась.

И все она старшую сестрицу прикликает то за тем, то за другим: желает, чтоб ею полюбовался. Да Федосья Павловна старшей близко не допускает, шлет по хозяйству ее, высылает.

Вот и повадился он ездить к нам. Раз и два в неделю приедет. Ждет-то барышня его, бывало, ждет-то как! Душа ее навстречу ему. А он?.. Неторопливый себе человек уродился. Он был барин нраву спокойного. Любил за чаем сидеть-прохлаждаться; любил в гости съездить; соловьев любил послушать; все в свою меру.

Случалось, что и умилится, бывало, немножечко: склонит голову на правую сторону и поглядит барышне в глаза. Она земли под собой не чувствует: прибежит в свою горенку, на коленах перед образами в слезах, в счастье, целые ночи изливается... А он отойдет, почнет насвистывать «Тройку удалую», и тоже ему приятно.

У нас, в нашем звании, такие в огородники больше идут, а то и в мещане выпишутся; находчивые и спокойные люди: им и привольно, и хорошо, и удача. Всегда он ловко, бывало, на крылечко вспрыгнет, мерно в хоромы войдет. Где ж такому торопиться! Такие резвы — вот если разве припустить за ними собаку с цепи.

Взойдет, бывало, а она уже в дверях.

— Здравствуйте, Анна Михайловна.

И к ее ручке приложится слегка, и отдохнуть сядет; о сестрице спросит, — тоже не забудет. Ну, а она счастлива.

И господи! Иной раз можно себе взлелеять такое счастье необъятное, что сам в нем тонешь, а на деле-то ничего не бывало. Человек — великий бреда!

Так все это длилось до весны. А у тетеньки Марьи Павловны в сердце нож острый. Уж как она ни билась, как ни юлила, чтобы к старшей переманить, ничего не берет.

Кроме того, что Федосья Павловна огораживает и защищает его, что коршун детеныша, он и сам себе рассудил: старшая хорошенькая барышня и сметливая, а эта добрее, уживчивее будет, а приданое одинаково у них. Ну, и видел, что старшая больше красой своей потешаться желает, а эта душу всю свою на него положила.

А старшая-то начинала уж досадовать на него: подстрекала всячески ее тетенька Марья Павловна и мутила.

— Что же это, Любочка, или Анночка-то лучше тебя?.. Любочка, а ведь Анночка, скажу не лестно, Анночка хорошеет!

Любовь Михайловна знала свою тетеньку, знала, что к чему говорится. А все ей досадно было. Не то чтоб она хотела у меньшей сестры жениха отбить, но только ей обидно было, что он ни крошечки ею не пленился и не пожалел. Обидно ей это было, и даже

хозяйничать она стала не с прежней охотой. И она, и тетеньки за это время исхудали от всяких и тревог, и страхов, и надежд, и досад.

Только меньшая расцветала: право, даже из себя по-лучшала. Робкою была, робкою и осталась, еще робче, да нежность у ней в лице такая разлилась. Ходит, бывало, и смотрит, вот точно у ней дитя дорогое на руках усыплено — что и боится разбудить, и хочет, чтоб проснулось, и чует его при себе.

Приедет Андрей Андреич — жениха Андрей Андреич звали — она прямо идет к нему и приютится около.

Старшая сестрица сколько раз ей выговаривала:

— Что это, Анночка, не отходишь от него шагу, словно пришитая! Он, верно, подумает, что ты уж и без ума от него!

— А что ж? — спросит.

— Ах, боже ты мой! — ахнет сестрица. — Вот уж, кто нового не видал, тот и ветоши рад!

И по хозяйству после всем недовольна.

А Сергеевна утешалась.

— Живи, живи, дитячко! — приговаривала. — Живи, коли живется! Будет чем жизнь помянуть!

Все, думали, слажено. Ждали только, что вот он посватается или в петровки, или после Петрова дня. И уж Федосья Павловна порешила, чтобы свадьбу не откладывать — сыграть поскорей, и все уж к свадьбе готовили. Обе тетеньки уж у нас это время живмя жили.

Вот и петровки пришли. Приехал он к нам, обедал и ночевать остался.

Только ранним утром шум, крик, вопль. Господи! Света преставление!..

Выскочила Федосья Павловна неумойкой, в одной кацавейке, кричит:

— Лошадей, лошадей ему запрягать! Лошадей ему подавать!

А сама прямо к Андрею Андреевичу в комнату стучит. Он приотворил дверь да из двери:

— Несчастье? Пожар? — спрашивает. А она ему в ответ плечом в дверь: так его и откинула...

— Извольте-ка, батюшка, восвояси убираться по-добру-поздорову!

Он еще не прибрался совсем: с гребешочком в руках перед нею стоит, удивляется:

— Да что же такое!

— Чтобы вы не были и не показывались в этом доме! Попробуйте-ка наведаться: ног, батюшка, не унесете!

Вспыхнул он маленько... да сейчас рассудил: чего горячиться? Как бы там ни было, пускай беснуются, а я не стану!

Вышел, сел и уехал со двора.

Весь дом внедомеке, все переполошились. На старшую сестрицу Федосья Павловна грозою; Марья Павловна заступается... Кричат-то, кричат обе!.. Старшая, кажись, тоже ничего не понимает.

В тревоге, в испуге вбежала Анна Михайловна.

— Благодарю родную сестрицу, поддобрехотила она тебе! И тетеньке поклонись! — толкает ее Федосья Павловна. — Обeim поклонись.

Тут и объясняется, что Андрей-то Андреевич за старшую барышню посватался.

Как уверили в том, вразумили Анну Михайловну, она так и грянулась об пол. Без памяти вынесли.

Содом какой у нас поднялся! Не доведи господи никому попасть! Вздохнули мы повольней, как тетеньки уехали, а то уж невмочь приходилоя. Даже барышня старшая раз плакала.

А Анна Михайловна лежит в своей горенке. Не больна, да хуже всякой больной: как-то словно разбилась она вся.

Покуда Сергеевна у нас была, то поплачет, бывало, над ней; только уж она и с Сергеевной ни слова об нем, ни слова. Просили мы Сергеевну:

— Утешьте вы Анну Михайловну, успокойте!

— Живое горе бередить не надо, — ответила. Сама старушка крепко затужила.

— От судьбы своей не уйдешь, — приговаривала, — в чистом ли поле, в темном ли лесе — найдет свое. И живи, бедный человек, и терпи, а там и в могилку: и отдохнешь, заснешь. А что кручиною возьмешь? Что слезами поможешь? Плачь и сокрушайся себе в утеху, а судьба судьбой...

Говорила это старушка и плакала сама.

Крепко ей от нас уезжать не хотелось. А отъезжая, наказывала:

— Не тревожьте вы ее ничем: не подходите, не спрашивайте.

Знала она, что тяжело, видно, ей всякое слово.

Через сколько уж время, старшая сестрица, между прочими речами, говорит Анне Михайловне:

— Я и до сих пор ничего тут не понимаю... Он мне самой ничего не сказал.

Так она жалко застонала, что Любовь Михайловна хоть плечиками пожала на нее, а сейчас смолкла.

А Андрей Андреич ни сном ни духом виноват не был. Все обман. Все дело рук Марьи Павловны.

Как женился он, — а женился он той же осенью, — мы настоящее дело-то все тогда и узнали; сама Марья Павловна захотела похвалиться.

— Я, — говорит, — уж совсем не знала, что тогда делать. Хожу по саду ввечеру, отчаянная... Все конечно, всему конец: за Анночку он посватается... И вдруг, будто божеское осенение на меня: «Обману я, скажу-ка, что он за Любочку сватается! Федосья-то Павловна и ярости своей всему поверит...» И точно, все, как нельзя лучше, вышло!

Как услышала это Федосья Павловна, голос от гневу потеряла. Хочет вскрикнуть — голосу нету! Так с той поры и пропал голос, а какой звонкий был. И разные с ней обмороки тут, и всякие обмирания. Сама Марья Павловна оторопела, ускользнула и заперлась в своей комнате.

— Напой, Любочка, напой ее липовым цветом! — говорит Любовь Михайловне.

Любовь Михайловна эту вестью и сама что-то была словно уколота.

А у горькой Анны Михайловны только губки побелели крошечку, как услышала.

Тут нашей старшей барышне замужество. Пришел полк в наш город. Стала она ездить туда чаще да чаще. Там, глядим, к нам полковник пожаловал. Этак дородный, пучеглазый, лет уж за сорок человек, что, кажись, ему бы только на именинах пировать, да за здоровье пить, а не по летам зазнобчив был. Уж такой зазнобчивый, что боже упаси! И все он барышне признавался: «Я, — говорит, — я для любви рожден!»

Она этак улыбнется ему; дескать, очень хорошо это.

«Я, — признается все, — человек теперь горемычный; сию иногда в нежных мыслях и что вижу перед собой? Усач какой-нибудь оцетинится, стоит с докладом». Честил это, видно, своих капитанов разных и майоров.

Этак все рассказывал, рассказывал, да раз на колени перед ней со всех ног: «Ваше имя Любовь, как могу я устоять? Осчастливьте! А то, — заверяет, — я погибну! Не хочу ни чинов, ни почестей добиваться; так и умру полковником!»

Ну, она: «Боже мой! Зачем умирать?» Я, мол, вас осчастливлю. И тут же они кольцами обменялись. А приданое у ней уже давно было заготовлено, — так через две недели и свадьбу сыграли.

Обед задали пышный. Весь полк накормили и напоили.

И всех зазнобила молодая хозяйка. Веселая да ловкая — хороша была! Сам полковник-то словно в уме тронулся от счастья своего: вынет это платок из кармана, встряхнет и опять спрячет; или ни с того, ни с сего возьмет полный стакан воды и за окошко выльет. Даже генерал, важный человек, суровый, все будто наказать кого собирается, и тот загляделся на молодую.

— Ваше превосходительство! — кто-то его окликнул.

— Что мое превосходительство! — говорит и рукой махнул: так позавидовал!

Переехала полковница молодая в город на житье. Отпала охота у тетенок нас проводить. Одна в доме осталась Анна Михайловна.

Сергеевна скоро померла. Да и Анна Михайловна пожила недолгий век: с того дня так и не поправлялась.

Об Андрее Андреевиче не поминала она никогда, а в душе повсегда его имела. Знала, что уж женат, и все об нем гадала. Напоследок вся гаданьям тем и предалася, жила ими. И гадает о нем, бывало, — выйдет ли ему бубновая радость, веселая дорога, она задумывается: какая ему радость? Куда ему дорога веселая? Выйдет ему пиковый удар, она пуще еще тревожится: какой это удар ему?

А ему ни пиковых, ни каких ударов. Завел, слышали, вороных лошадей да усы отпустил. Жил он себе припеваючи, а она всю ему душу свою расточала до капли самой последней.

Так и до смерти дожила. Уж слабыми руками, бессильными, все карты раскладывала, все еще гадала. Может, часа за два только до смерти она о нем гадала, и думала-размышляла, что хорошо ему вышло.

— Ни одной печальной карточки, — говорила про себя, — все около него веселые легли; ему хорошо, ему весело...

С вечера этак говорила, гадала, а в ночь и скончалась.

1860

Лемеривна

Сказка

Молодой богатый козак Шкандыбенко стоял над рекою и смотрел в воду. Река глубока и широка, вода синя и чиста и катится с сверканием и гулом. Под ногами у козака отражался свежий, низкий, зеленый пустой берег, где он стоял; в середине реки видно ясное небо с играющим, искрящимся солнцем, а около супротивного берега в воде опрокинулась деревня. Да, целая деревня, со всеми своими садами, огородами, улицами и хатами, колодезными шестами и с высокою церковью. Верно, от того, что деревня при реке близко, так все свежо, зелено и ярко, так все быстро и пышно растет и расцветает, цветет и зреет. Стоит только на три дня повздорить соседке с соседкой, уж дорожка от хаты до хаты и заросла, будто ее и не было; стоит только дать волю калине под окошком, так калина и в окошко заберется, да не одной веточкой, а так-таки, как обрадованная, ворвется десятью... Боже мой! Нигде не росла такая пышная калина, как там! Да нигде таких пышных пахучих розанов не цвело, ни такого шиповника. Тоже нигде не было такой бузины, ни такой сирени роскошной. Тоже нигде не виданы, думаю, такие разноцветные маки, чернобривцы, алые гвоздики, стокроты, любистки, лилеи, повняки, душистый горошек, пионы — да где ж то все перечеть! А

что за кудрявые яблони! Что за раскидистые груши! Если липа, то тениста так, что в какой угодно зной под ней прохлада; если стоит явор, то так ветвист, что любо поглядеть; если береза, то уж такая веселая береза, что на нее усмехнешься; если тополь, что за вышина, что за листва, что за прямизна! О вербах и говорить нечего; вербы разрослись, раскинулись на удивленье; иные распустили ветки по самой земле и стлались, другие подняли ветки вверх и в вышину унеслись. Ни в одном саду сухого сучка не видать, ни в одном огороде вялой травки. Улица свежа и мягка, точно зеленый бархат. Даже на новых соломенных крышах ни с того, ни с сего, откуда ни возьмется, травка вдруг вырастает, и не по дням, а по часам начнет разрастаться-разрастаться, словно на своем настоящем месте, а что старые крыши, так те сплошь стоят зелены, на них не только травы растут, на них цветы цветут. Вон у козака Гайворона такой раз будяк алый в хате расцвел, что просто чудо! Да что говорить! На езжаной дороге разросся куст крыжовника не в свою голову, да еще и того ему мало, еще топорщится во все стороны, еще места хочет. Что проезжающие возы колесами его мнут и давят, и ломают, это ему с полгоря; он с каждым годом, с каждым летом все большеет, да большеет.

Так эта деревня опрокидывалась с одного берега, а над другим берегом стоял молодой и богатый козак Шкандыбенко и глядел в воду. Но козак глядел в воду не на деревню — у него своя деревня хороша, стоит над той же рекою; и там у него хата славная, усадьба богатая; у него есть урожайные поля, есть чудесная степь, есть и лес зеленый; у него денег много и всякой

роскоши с излишком; козак сам молодец и красен, — но, зная, всего этого козаку мало. Чего это опустил он так голову и глядит в воду, нахмутивши черные брови? Какие мысли его одолевают? Козак не подымает головы, не взглядывает, но из синей чистой воды смотрят его черные глаза, мрачные, грозные и печальные, и колыхается задумчивое, беспокойное, измученное лицо с крепко сжатыми устами.

Козак был гневен и печален, сердце козацкое было возмущено и растерзано. И все это от того, что козак любил девушку и думал о ней. Он думал о ней ежечасно, ежеминутно, с того времени, как приехал беспечно к товарищу в гости и увидел ее впервой на улице. Впервой дрогнуло сердце, и он спросил товарища, чья она. «Вдовина дочь, небогатая девушка, — тебе неровня, — ответил ему товарищ. — Зовут ее Лемеривна». Много еще товарищ после разных разностей рассказывал, и день тот угас своим чередом, но козаку уж все рассказы проходили мимо ушей, и день только ясен был в памяти до той поры, пока девушка из глаз не скрылась. Воротился козак домой — вся жизнь его перевернулась, точно все мысли переменились. Ни к чему охоты нет, ничто прежнее радости не дает: девушка только на уме, она только сердцу болит. Бывалая гордость, старая надменность, где все это девалось! Молодой чванный богач дрожа поджидал, спрятавшись за вербою, когда выйдет бедная девушка по воду одна, а дождавшись, весь замирая, спросил: «Пойдешь ли ты за меня, Лемеривна?» — «Нет, — ответила ему Лемеривна, — я за тебя не пойду, козак!» Как уязвила и удивила козака первая горькая неудача!

Он кинулся прочь, дальше от девушки, от места, где она живет; он решил больше взгляда на нее не кинуть, мысли ей больше не дать. Да вышло так, что для нее только и взгляды его, о ней только и мысли его. Он и с товарищами гулял, он и на многолюдные ярмарки ездил, и по пустым полям и степям бродил, и на других девушек смотрел, и с хвалеными красавицами знакомился, — но одному ли, с другими ли, в тиши ли, в шуме ли и многолюдстве — везде была одна девушка — одна эта стройная, бедная, спокойная девушка. Днем и ночью, в будни, в праздник он видел, как она проходила мимо, и в ушах у него звенели ее ответы, — ответы такие холодные и милые, спокойные и ясные, что резали ему сердце, как острым ножом, и сжимали, как железными тисками.

И вот козак в другой раз поджидает девушку, полон страха и томления, и в другой раз спрашивает: «Не пойдешь ли за меня? Без тебя мне жизнь не в жизнь!»

И в другой раз девушка ему отказала.

И пуще еще невоготу стало козаку — он в третий раз спросил ее, и молил, и умилоствлял, и все обиды прежние, отказы прежние почитал уже благом, и только думал, какими услугами, какою покорностью угодить, как склонить, чем ублажить и умилоствить — тени не осталось прежнего козака молодца: удаль вся и молодечество пропали. Отягощенный печалью и думами, это теперь какой-то невольник покорный. Да! теперь уж для него нет обид, у него нет возмущенья против господства. В третий раз девушка сказала ему: «Я не пойду за тебя, козак!» Если бы она

взяла и задушила его своими белыми руками, ему бы легче было, чем после того жить на свете. Что за жизнь, когда нет ни сна, ни покоя, когда сердце кипит и тело болит? Ходил козак несчастный, сам не свой. Девушка была ему милей души и горче беды.

Раз случился пир в деревне, свадьба была, и пришел на эту свадьбу Шкандыбенко. Не веселиться пришел он на свадьбу, а поглядеть на Лемеривну.

Лемеривна сидела между другими девушками и вместе с ними пела свадебные песни звучным и свежим голосом, сама свежа и спокойна; и уста улыбались, и лицо разрумянилось, и хорошие очи ясно глядели на всех. А у козака в очах то темнело, то светлело, сердце то замирало, то оживало. Среди веселых гостей, среди шума и пенья он стоял, богач и молодец, словно беспомощный, бесприютный сирота, молча у стенки, не сводя взгляда с своей чаровницы.

Все это заметила Лемеривнина мать.

У Лемеривны мать была жадная старуха. Она только о том и думала, и сокрушалась, как бы да как бы разжиться да разбогатеть; и во сне, и наяву ей все мерещилось золото да серебро. Алчные, жесткие ее глаза впивались во все кругом пронзительно и быстро, словно жаждали и искали себе всюду добычи; сухие руки дрожали, словно торопились схватить и заgrabить, и боялись упустить; лицо пожелтело желтей самого золота, а губы казались мертвенней серебра. Заботная, недовольная, тревожная, завистливая была ее жизнь. Никогда душа ее сыта не бывала. Сокровищ, сокровищ алкалось ей денно и ночью. Тесна ей тихая хата за тенистыми липами, горек скромный достаток и

единственная дорогая дочь не в утеху. Годы проходили, старость все пуще пришибала, ничтожное сокровище скудно копилось и медленно, по крошке... И вдруг алчные, беспокойные взгляды упали на молодого козака, и в миг она все поняла и угадала. Незаметно очутилась она возле него, заговорила с ним хитро, приласкала; не сделавши прямо вопроса, выведала от отверженного юноши все, что ей надо знать было; не говоря ничего, она его утешила и обнадежила так сильно, что он ободрился и повеселел, и, бог весть откуда и как, явилась у него новая мысль, что не совсем еще беда, если девушка три раза отказала, и, святой знает, как и откуда, явилось у него новое намеренье, уж не спросившись девушки, послать сватов к ее матери, и, как и откуда, явилась надежда, что мать примет и все уладит. Быстрей забилося у козака сердце; громче вдруг раздались кругом пенье и говор; веселей и живей пир зашумел. Лемеривна не взглянула на него приветливей, лишнего слова не промолвила, но он со свадьбы воротился домой, охваченный новыми надеждами, намереньями, замыслами, нетерпеньем...

— Давно тебя любит Шкандыбенко? — спросила старая Лемериха у дочери, как только они вышли со свадебного пира и отделились от прочих гостей. — Давно?

— С тех пор, как мы знакомы, — отвечала Лемеривна.

— Он за тебя посватается! — проговорила старуха. — Он посватается!

— Я не пойду за него, мама, — сказала Лемеривна.

— Не пойдешь! — вскрикнула старуха и засмеялась. — Не пойдешь! — повторила она еще и опять засмеялась.

Это повторение одного слова, этот смех звучали так, словно ее потешало безвредное детское безумье, не могущее стать помехою ни в чем. Она погрузилась в мысли и так быстро шла, что дочь только поспевала за ней следом. Скоро они домой пришли. Вошедши в хату, старуха точно очнулась и опять спросила дочь:

— Так он давно тебя любит?

— Я не пойду за него, мама! — проговорила дочь.

— Безумная! — со смехом ответила старуха.

— Я не пойду, мама, — говорила девушка. — Я его не люблю!..

— Безумная! — вскрикнула старуха. — Что говоришь мне? Да я связанную тебя за него отдам! О, я прокляла бы тебя, если бы... Ты знаешь ли, какие его богатства? У него одного поля... а степь... что лесу!.. Его усадьба... его казна... казна большая!

— Мне не надо ничего! — сказала дочь.

— Я помню еще его отца покойника, — продолжала старуха, предаваясь своим воспоминаниям, — как он вдруг разбогател, будто клад нашел. Счастье ему во всем было страшное! Я помню, будто теперь гляжу, как он раз привез домой целые пригоршни червонцев — как гляжу, помню! Что за коралловое ожерелье было у его матери! Что за дукачи — как жар, горели на шее! И с каждым годом все богатели они, все богатели! Много сыну оставили, много!

Старуха умолкла, словно поглотили ее заманчивые думы, словно увлекли пленяющие образы. Очень поздно уснула она беспокойным, горячечным сном; несвязные слова у ней вырывались, то вздох тяжелый, то смех.

Всю ночь просидела Лемеривна у окошка. Ночь была месячная и тихая — тихо и ясно освещалось молодое задумчивое лицо.

Козак Шкандыбенко не спал, не ел и не пил, пока не послал сватов к Лемеривне. Сваты были приняты хлебом-солью, и была обещана Лемеривна Шкандыбенку, Но сваты воротились оттуда не такие, как туда пошли, — сваты воротились призадумавшись, без веселья, без шуток и без прибауток, все поглядывали исподлобья да покашливали, словно им что-то попало в горло, чем бы следовало Шкандыбенку озаботиться да спросить. Да радостен был Шкандыбенко и ни о чем не спрашивал, как увидел обменный хлеб у них в руках.

Выходя, старший сват сказал на прощанье:

— Смотри, Шкандыбенко, не своею волею идет за тебя Лемеривна, а хотят отдать ее силою. Смотри, Шкандыбенко, чтобы не накликать ты себе беды да лиха в хату!

— Правда, правда, — добавил другой сват, — невеста слова не промолвила, не глянула; такая стояла, что краше в гроб кладут!

Ухватило больно за сердце Шкандыбенка, когда он все это услышал.

Он ничего не ответил и, проводивши сватов, долго стоял на пороге, как самый бесталанный человек,

что только успел выйти на простор, едва дух перевел, как лицом к лицу встретился с знакомым горем и опасностью. «Да я все-таки возьму ее за себя!» — промолвил он вдруг, и глаза у него опять заблестели, и даже он усмехнулся.

Начал Шкандыбенко готовиться к свадьбе, купил себе хутор, словно пан, особо от других людей; много денег рассыпал на всякие уборы и приборы; возил невесте дорогие подарки.

Невестина мать его принимала, ждала, ласкала, ублажала, а невеста... Хоть бы одно слово, кроме того, что «я не люблю тебя, козак, — оставь меня, я тебя не люблю!» Ни материнская просьба, ни грозьба, ни его мученья, ни угодливость, ни покорность, ни страсть, — ничто-ничто, ничто ее не трогало!

Оттого стоял козак над рекою и глядел в воду, что он все ночи не спал от тоски, а каждое утро ехал к ней и все-таки думал: «Сегодня! Сегодня! Что-то сегодня?» И сердце у него, растерзанное, разгневанное сердце, замирало снова и разнеживалось. Так поехал он и в то утро, спешил, надеялся... Приехал. Встретила его с приветом старая Лемериха, и назвала сыном, и расспрашивала о хозяйстве, и толковала ему о будущем житье-бытье.

Ничего у него не спросила, ни о чем не сказала ему, ни разу не взглянула на него молодая Лемеривна. Он долго сидел, слушая старухины речи и не слыша их, — он все чего-то ждал да надеялся и смотрел на любимое лицо, — такое неприветное для него лицо! Старуха в беспокойстве все вела свои льстивые речи, беспокойными взглядами выпытывала, не оби-

жается ли богатый жених дочернею холодностью; украдкой, с угрозой и гневом, бросала взгляды на дочь.

— Не наглядимся мы на твой подарок, — сказала старуха козаку. — И где это ты выискал такую чудесную парчу, мой родной? Где ты покупал парчу?

Козак вспомнил, что он привез с собой другой подарок, и подал его — это было дорогое монисто. Старуха схватила, вскрикнула, благодарила. Не дотронулась молодая Лемеривна и, сложа руки, сидела бледная и холодная, — только вздрогнула, когда мать стала примеривать новый подарок, точно прикоснулись к белой шее ледяные змеи.

И козак вздрогнул, словно меткая стрела впиалась ему в сердце.

— Не нравится мой подарок, девушка? — спросил он и горько усмехнулся, и глядел — ждал ответа.

— Мне ничего не надо, — ответила девушка.

— Не слушай ее, — вскрикнула старуха в тревоге, — не слушай, мой сокол! Она не смыслит ничего...

Хотел козак что-то говорить, да дух у него заняло, в голове помутилось, забило сердце до разрыву — он ушел. И шел, сам не зная куда, пока не очутился над рекою. На него пахнуло свежестью от сверкающих волн, и он остановился бессознательно.

И долго стоял тут козак, глядя в воду, и думал, и крушился, и все любил! И гневался, и тосковал, и все любил! И оскорблялся, и жалел, и все любил! Сильней гнева, тоски, оскорбления была любовь! Наперекор всему страстная нежность одолевала его, — так что же мудреного, что он, решившись разорвать мучительные отношения, передумавши, перестрадавши, набрался

силы и решимости и... и воротился к ней. И ворочаясь, спешил, как на праздник, и когда, подошедши к хате, услышал ее голос, невыразимо сладко ему было его слышать. Он стал и слушал, точно очарованный. Он слушал не для того, чтобы узнать, о чем речь, — он просто желал голос ее слышать. Редко слышал он этот голос любимый. Он боялся, чтобы, увидавши его, не замолкла она, и прятался. Вечер был темный — только звезды мерцали на прозрачном небе, и такой теплый, тихий вечер, что даже деревья кругом хаты не шелестели и не мешали ему слушать своим шелестом.

Пока не укротилось биенье его сердца, он ясно ничего не мог ни разобрать, ни понять, а там понемногу и разобрал, и понял. Явственно дребезжали в ушах у него все укоры и угрозы матери за суровость к нему, жениху, за непослушанье, и как до души доходили ответы тихие и неизменные: «Я не люблю его; я не хочу идти за него!» Ох, хоть бы что-нибудь иное сказала она! Хоть бы что-нибудь вымолвила, пожалуй, такое ж нелюбовное, пожалуй, хуже, да иначе! Эти слова и без того день и ночь перед ним, как живые, носятся и жгут, как огонь, и холодят, как лед!

Мать все сердитей становилась; пугает дочь проклятьем; грозит, что отдаст ее силою, перевенчает неволею.

— Вы меня перевенчаете неволею, да душа моя и сердце вольны будут, — промолвила Лемеживна и стала просить: — Не отдавайте меня силою! Не губите меня и его!

Так она просила, что весь задрожал козак и думал, что нельзя не послушать такой просьбы. Но мать

не послушалась и осыпала новыми укорами и угрозами непокорную дочь. Козак вошел в хату, и старуха умолкла,

— Что так ушел? Где был, мой голубчик? — спросила она козака. — А мы тебя ждали. Садись, мой сокол, садись, мой желанный!

— Когда же мы будем свадьбу играть? — промолвил козак.

— Да как положили, так и сыграем, — ответила старуха торопливо. — Как положили, так и будет, мой коханный!

— Не слишком ли долгий срок мы положили? Не долго ли чересчур дожидать? — промолвил козак.

— Можно и поспешить, родной мой! — ответила угодливая старуха. — У нас все готово, — можно поспешить!

— Поспешите, будьте ласковы! — промолвил козак.

— Хорошо, хорошо, мой голубчик, — поспешим, — отвечала старуха и сейчас же начала рассчитывать и высчитывать дни и время, расходы и угощения.

В хате все темнело да темнело; в открытые окошечки врвался запах пышно цветущих цветов в огороде, сильный и смешанный: и свежее благоуханье роз и сирени, и резкий запах любистка и черемухи, и бесчисленно других ароматов слабей и слабей, и в одиночку почти не слышных. И едва можно было отличить при мерцанье звезд цвет свежей розы от золотистого черноривца и цвет алого мака от цвета розового

пиона, и едва мог отличить Шкандыбенко белые сложенные руки от широких белых рукавов и бледное любимое лицо от шелковых, гладких, пышных волос. Не сказала ни слова молодая Лемеривна, пока козак говорил с матерью, не шелохнулась, не ворохнулась. И при прощанье только, когда козак промолвил ей: «Добрая ночь!» — она встала, поклонилась и вымолвила: «Добрая ночь!» — ему в ответ.

Простился козак, поехал домой на хутор.

Добрая ночь! Ах, нет для него добрых ночей давно, давно!

С тех пор, как он ее узнал, нет для него добрых ночей! И будут ли когда! Будут ли?

С свадьбой поспешили, и свадьба назначена через неделю. И все ждут. Старая Лемериха и радуется, и тревожится; у ней в ушах и резкий, веселый звук золота, и тихие дочернины просьбы; сердце играет от жадной радости и сжимается от близкой разлуки с дочерью. Она с нею сурова и немилостива, скрепя сердце, и ждет не дождется, когда все покончится и будут они богаты, — богаты и благополучны. И хлопочет старуха, и суетится, и прибирается, готовится к свадьбе, и гостей сзывает.

Ждет, ждет жених назначенного дня, воскресенья. Он так торопил слуг своих, что слуги его сидят теперь сложа руки — нет уж никакого дела — и ведут речь об его будущем житье-бытье между собой. В хуторе все готово. Домик белеет ярко между зелеными тополями и блестят светлые окошки. На муравчатом дворе дорога гладка и чисто прометена — катись к решетчатому низенькому крылечку с навесом. Сад кру-

гом весь в плодах, цветы в саду все в цветах. На полях, что видны далеко и широко вдаль, наливаются и спеет рожь, золотится пшеница. Степь зеленеет травой и пестреет цветом. Лес шумит, разлившись всеми своими листьями Вдали-вдали полоса синей воды сверкает. И все дышит, кажись, каким-то страшным нетерпением: и сверкающая вода, и шумящий лес, и волнующиеся поля, и разбегающаяся степь, и прибранный двор, и сад, и зреющие в саду плоды, и расцветшие цветы, и готовый домик с светлыми окошечками, — все, все, все... А пуще всего молодой козак: нетерпенье обвило его, как пламя, и, как пламя, его жжет. Несносно, невыносимо ему ждать.

Все готово. И оттого, что все готово, кажется ждать еще несносней, еще невыносимей. Ночью и днем он ходит и бродит, кидается туда и сюда, там и сям останавливается, быстро спешит в одну сторону и еще быстрее ворочается в другую.

И молодая Лемеривна ждет. Она ни за что не принимается, ни до чего не дотрагивается; она ни о чем не заботится и не хлопочет, ничего не говорит и не спрашивает, — сидит, сложены белые руки, ни на какие сборы и приготовления не глядят хорошие глаза; сомкнуты свежие уста и безмолвны, но она ждет. Рано-рано, до восхода солнечного, она уже сидит под окошком и встречает солнечный восход, — встречает без слов и без слез, только лицо иногда вспыхнет алою легкою краскою и глаза засияют, — но это не часто и не надолго, скоро пропадает сиянье в глазах и лицо опять белеет. Поздно, поздно вечером она сидит под тем же окошечком; тогда не видать ее лица в ве-

черней мгле, а если и месяц выглянет и осветит, кажется, будто белей да белей оно, но все то же спокойное, тихое лицо.

И дождались все субботы. Приехал жених к невесте и застал полную хату разряженных девушек в ярких лентах, в свежих цветах. И сама она сидела разряженная, и в свежих цветах. Она не ворохнулась, не шевельнулась, когда он вошел, и пристально, пристально на него посмотрела. Что сказали ему эти хорошие и спокойные глаза?

Он был сам не свой, в какой-то дразнящей радости и в каком-то подавляющем ужасе, — словно он захватил счастье, которое никогда никто не может у него отнять и за которое он все-таки трепещет, и боится, и замирает.

Он ничего ясно не видал и не слышал в этот день.

Пенье и величание девушек, говор гостей, музыка, заходящее тихо и ясно солнце, она с ним вместе, посаженная рядом, и запах свежих цветов, и блеск ее шелковистых кос, дорога домой и частые, рассыпчатые звезды, и светящий месяц — все перемешалось, перепуталось, сплелось и слилось. И все одно он только чувствовал: дразнящую, обхватывающую радость и подавляющий, непроходящий ужас. На другой день с шумом, с говором, с пожеланьями всяких благ их повезли в церковь и перевенчали.

Во сне или наяву молодой козак? Наяву! Он везет к себе молодую жену свою, их провожает богатый поезд, их встречают дома гости и слуги, — все поздравляют, желают и сулят долгие лета и счастливую долю.

Теперь полон радостью беленький домик с светлыми окошечками... полон радостью, да, но что-то и страшно в нем, и жутко.

Вот все гости разъехались, весь шум утих, и молодые остались одни.

— Сердце мое! Душа моя! Мое горе! Мое счастье! Что мне делать! Скажи мне, как полюбиться тебе! — говорил козак своей молодой жене, охваченный все той же радостью и тем же ужасом.

— Мне ничего от тебя не надо! — отвечала ему молодая жена. — Я не люблю тебя.

— Ах, полюби, полюби меня!

— Я не люблю тебя!

Как раненый, выбежал он из светлицы, как обезумевший, и бросился в темноту куда глаза глядят.

Осталась Лемеривна одна в светлице. Оглянулась она кругом, — вечер тихий и роскошный, — светились белые стены в светлице. Лемеривна долго стояла, думала и прислушивалась. Вдруг подняла она вверх белые руки, будто пробуя, не связаны ли они, и, легче птички всякой, быстрее стрелы, выпорхнула из светлицы, вылетела из дому и побежала. Она бежала, бежала, не чуя под собой земли, не зная и не разбирая, куда и зачем, лишь бы дальше, дальше и дальше.

Смутно мелькнула перед ее глазами росистая степь, тихие поля, темный лес, когда она их перебежала и чутко ловила каждый звук и веянье в тишине.

Куда она бежала? Она не знала куда, но знала, что убегала, вырывалась из плена. Что дальше будет? Она не рассчитывала, но чуяла, что хуже всего неволя.

Дальше, дальше, дальше из этого плену! Скорей, скорей из неволи!

Вдруг она слышит вдали за собою голос, и крик, и конский топот — слышит все ближе, все явственней. Выбежала она на какую-то узкую дорогу между колючими терновниками и побежала по ней. Ярко светил месяц, глубоко и больно впивались острые иглы в белые ноги, и крепко цепляли сучья за длинные шелковые волосы и рвали их. Она все бежала, все не останавливалась, а за ней топот конский все ближе и слышней, и быстро, быстро близится и явственней, резче, отчетливей отдается. Уж тень от мчащегося коня и всадника падает перед ее глазами, и знакомый, немилый голос с горьким смехом кричит — спрашивает:

— Зачем ты, Лемеривна, пешком бежишь, — или у меня нет для тебя резвых коней?

И не оглядываясь, не останавливаясь, отвечает Лемеривна:

— Хоть есть у тебя всякие богатства, они твои и мне не надобны, — ты мне не по мысли, ты мне не по сердцу сам!

— Остановись, Лемеривна, остановись! — кричит козак и видит, что Лемеривна падает без сил и почти без дыханья на дороге. Вмиг соскочил он с коня, и был около нее, и не знал, что ей сказать, и не ведал, что ему делать.

— Дай мне нож, который у тебя за поясом! — говорит ему Лемеривна, протягивая руку к нему. — Дай мне нож, — я повинимаю из ног острые иглы!

Козак подал ей нож поспешно. Впервой протянулась к нему эта белая рука, и вся его душа от вида этой протянутой к нему руки содрогнулась и замерла.

Вдруг он страшно вскрикнул: попала ножом Лемеривна себе в самое сердце. Козак схватил ее за руку, вырвал нож — горячая кровь хлынула на него.

— Пусть лучше кипит мое сердце на ноже, нежели у тебя, нелюбимого, в дворе, — промолвила Лемеривна.

Козак с отнятым ножом в руках склонился над нею, как пораженный и потерянный, не сводя глаз, не говоря слова.

— Вот теперь, Шкандыбенко, я твоя! Бери меня, мое сердце, да веди домой! — промолвила Лемеривна.

С этими словами закрылись глаза, сомкнулись уста и жизнь отлетела. Взял ее козак на руки, сел на коня и поехал с нею, обнявши ее, глядя то в ее лицо мертвое, то кругом на низкие терновники, освещенные месяцем, на длинную дорогу, выющуюся впереди, то унимая льющуюся кровь из ее груди, то поправляя мягкие рассыпавшиеся волосы. Тихо он ехал и поздно ночью приехал к старой Лемерихе, миновавши свой хутор. Он подъехал к Лемерихиной хате и стал ее вызывать. Перепугалась Лемериха до смерти, услышавши его голос, и, выбежавши на порог, закричала:

— Где моя дочь?

Тогда увидела она, при месячном свете, на руках у козака, дочь мертвую и облитую кровью. Козак подал ей безжизненное тело и сам отъехал. Еще громче

вскрикнула Лемериха, схватила дочь на руки, прижала ее к себе и вместе с ней упала у хатнего порога, под липою, и больше уж не поднялась, никогда больше очей не открыла на свет божий. Вместе похоронили мать с дочерью за селом, при дороге.

А козак Шкандыбенко как отъехал, так и не вернулся. Никто его больше не встречал, не видал, никто о нем больше ничего не слышал.

1860

Путешествие во внутрь страны Amicus Plato, sed magis amica veritas¹

I

От Петербурга до Москвы

День жаркий, ветреный, удушливый. Повсюду пыль столбом. В вокзале Николаевской железной дороги шум и суета. По платформе бегают, словно на пожаре, роняют дорожные мешки, зонтики, пледы, перчатки, рассыпают запасенную в дорогу провизию. Два кренделька и печеное яйцо катятся к лаковым блестящим ботинкам какого-то пожилого щеголеватого господина, который отпрядывает от них, как от ядовитого змеиного жала. У иногородних путешественников, забравшихся сюда спозаранку и уже успевших сделать десятка два верст взад и вперед по заданию, на лицах ясно написано угрюмое неудовольствие; движения их порывисты, речь раздражительная. Некоторые (холерики) еще все ходят взад и вперед, хотя уже через силу, но большая часть уже окончательно умаялась, присели по скамейкам и бесе-

¹ Платон мне друг, но истина дороже всего — латинская поговорка.

дуют. Они успели перезнакомиться друг с другом и ведут разные разговоры, пересыпая их едкими замечаниями о Петербурге.

— Ну уж Петербург, признаюсь! — говорит довольно округлый дворянин другому, сидящему с ним рядом на скамейке, менее округлому дворянину, который в ответ язвительно кривит рот и пожимает плечами.

— Ведь это, знаете... ведь это просто... Позвольте спросить, как имя и отчество?

— Владимир Ильич.

— Ведь это просто, Владимир Ильич... просто какое-то бесчеловечие! Лед-с, лед! Везде лед! Я к этому не привык, и я поражен! Никто тебя не замечает! Ведь решительно не замечает! Словно тебя нет.

— Меркантильный дух! Здесь важны туго набитые карманы, а не человек! — с прежней язвительностью замечает Владимир Ильич.

Третий дворянин, в мрачном расположении духа сидящий на соседней скамейке, перегибается в сторону разговаривающих и вмешивается в разговор:

— Люди, можно сказать, мельчают, вырождаются в таких центрах, как Петербург. Постоянно поглощенные мелкими заботами, они не имеют досуга углубиться внутрь себя, обозреть свой внутренний мир и сосредоточиться на задаче жизни.

Он говорит это плавно, протяжно, выдержанно, останавливаясь на запятых и точках, и тем благосклонным, но не допускающим возражений тоном,

каким часто говорят привыкшие к почтительным слушателям магнаты-помещики. Он не говорит, а, так сказать, «глаголет».

Дворяне, к которым он обратился, по его манере глаголать тотчас же догадываются, что он немалая птица, и несколько торопливым хором бормочут:

— Да, да!.. мельчают... вырождаются...

Наступает молчание и длится несколько минут.

Вбегают три иногородние путешественницы. Они одеты по последней петербургской моде, но, с непривычки, все на них топырится. Они беспрестанно обдергиваются. Шляпки у них несколько на сторону, глаза округлились до последней невозможности, дыхание прерывается. Они то мечутся из стороны в сторону, то толкуются на одном месте.

— Ах! — вскрикивает вдруг, точно уколотая иголкой, одна из них. — Где мой палевый платочек? Куда я его заложила? Ах! я его, верно, забыла там, на окне в гостинице! Поль, Поль, Поль! ты не видал его там?

— Кого? Кого? — тревожно спрашивает подбежавший с узлами Поль.

— Варя, ты не видала? Лиза, ты не видала? Ах! надо поглядеть, нет ли где... Ах, боже мой!

И все три путешественницы торопливо отпирают мешки и принимаются судорожно в них ворочаться, пока восклицание «вот он!» не кладет конца этому мучительному занятию.

Поль отходит несколько в сторону и тоже начинает проверять свой дорожный мешок и сумку.

Две другие иногородние путешественницы, давно уходившиеся от волнений и в изнеможении почти лежащие на балюстраде, отделяющей платформу от вагонов, услышав, что соседи что-то потеряли, тоже принимаются отмыкать мешки, тоже лихорадочно в них роются, затем тревожно ощупывают свои карманы, пересчитывают деньги.

— Люба! пятидесяти не хватает! — с ужасом шепчет одна.

— Что ты! что ты! Пересчитай получше! — отвечает вспыхнувшая тревогой Люба. — Нет ли в кармане? Встряхни платок!

Встряхивают платок и снова пересчитывают деньги.

Скоро восклицание удовольствия показывает, что тревога фальшивая.

Из вокзала на платформу выбегает новый расстроенный отряд иногородних обоего пола, чрезвычайно живо напоминая «толпу взволнованных граждан», которая высыпает из-за кулис на сцену при драматических представлениях. Воспоминание о сценических «взволнованных гражданах» еще делается живее, когда раздаются хоровые восклицания, то резкие, крикливые, то сдержанные, шипящие.

— Опоздали! Опоздали! — хотя жалобно, но с достаточной яростью восклицает коренастая, черноглазая, по всем ухваткам властительная мать семейства, бесцеремонно поддавая в окружающие ее посторонние бока мощными локтями и стремительно порываясь вперед. — Я так и знала! Я так и знала!

— Я нарочно поставил по пушке! — доносится справа чье-то уверение. — Ей-богу, по пушке!

— Ах-ах-ах!

— Не толкайтесь!

— Невежа!

— Господи! наказание какое!

— Да еще час целый до отхода!

— Ах, извините!

— Боже мой!

— Понятно, что все стала забывать, — шипит зlostный мужской голос, — наслушалась «женского вопроса»!

— Любинька! Любинька! — пронзительно, как свист в ключ, проносится материнский клич. — *Où êtes vous? Où êtes vous?* [*Где ты? Где ты? — фр.*]

Остается всего полчаса до отхода поезда. На платформе давка и смятение так увеличиваются, что издали представляются только расколыхавшиеся волны разноцветных шляп, фуражек, шляпок, шапок и ярких вуалей.

Эти кипящие волны все чаще и чаще начинают перерезываться спокойными, хотя и быстрыми течениями петербуржцев и петербуржанок.

Истые петербургские жители спокойны, хладнокровны; все у них в порядке: и одежды, и физиономия. Они являются как раз вовремя, ловко, не спеша занимают лучшие места в вагонах, насколько возможно комфортабельнее усаживаются и смотрят из окон на мятущуюся по платформе толпу.

— Где наши вещи? — раздаётся в разных концах. — Билеты! билеты! Через двадцать минут отходит!

Толпа словно отливает к багажной. В багажных дверях начинается давка.

Очень молодой человек, отлично одетый, после тщетных усилий протиснуться сквозь стену прижимающих локтей и плеч вырывается, наконец, весь измятый, обратно на платформу, где очень раздражительно встречен тоже отлично одетой молодой дамой.

— Наконец-то! — говорит молодая дама. — Пойдем, уж, верно, все порядочные места заняты!

— Да я не мог билета на вещи получить!

— Как не мог получить? Как не мог... Это уж из рук вон! Это...

— Да что ж я буду делать? Меня чуть не задавили... Говорят: ждите очереди!

— Говорят: ждите очереди! — передразнила дама язвительно. — Вот наградил бог толком и умом! *Donnez lui quelque chose! [Дай ему что-нибудь! — фр.]*

— Mais... [Но... — фр.]

— Quoi «mais»? *Donnez lui quelque chose, je vous dis! [Что «но»? Дай ему что нибудь, говорю тебе! — фр.]*

— Je n'ose... [Я не смею... — фр.] здесь не берут!

— Скажите пожалуйста! Это ты, верно, у своих Карасевых набрался таких идей?

Невозможно выразить на бумаге той глубины презрения, какую молодая дама влагает в «Карасевых».

Очень молодой человек вспыхивает, как зарево.

— Я пойду... — говорит он, — я пойду еще попробую... может, уж очередь...

Но молодая дама безжалостна.

— Конечно, — говорит она, — никто не мешает следовать по стопам Ка-а-а-рра-ссее-вых!.. Ха-ха-ха! К-а-р-а-с-е-в-вы!

У злополучного последователя Карасевых даже уши пунцовеют. Со слезами на глазах он бормочет:

— Я не понимаю... я не понимаю, к чему тут вмешивать людей... людей... которые... которые...

— Конечно, никто не мешает! — продолжает молодая дама, не удостоивая заметить кроткого и смущенного представления. — Но, мне кажется, следовало бы *немного* помнить, чем кому обязан. Если живешь в чьем доме, так, мне кажется, можно, не говорю из благодарности, а хоть из приличия, время от времени пожертвовать карасевскими идеями! Наконец, можно хоть не вмешиваться! Кто просил отсылать человека? Он бы все мне сделал! Но, по милости карасевских идей, я теперь опоздаю на поезд! Опоздаю к 17-му! Надо будет возвращаться опять к тетеньке, и за чаем она опять будет подсмеиваться, как провинциалы опаздывают! По милости карасевских идей...

— Помилуй, кузина...

— Карасевы приказали *трудиться!* Ах, прелестно! Как почетно таскать самому чемоданы! *C'est très gentil!* [*Это очень мило! — фр.*] Ах, да! они все занимаются переноской чемоданов!

— Я не понимаю... к чему... к чему тут... тут чемоданы? — бормотал кузен.

Он задыхается.

— И дамы тоже? — презрительно щурясь, произносит кузина. — *C'est charmant!* [*Это очаровательно! — фр.*] Нет ли их карточки с чемоданом на плечах? Они не дарят таких видов своим поклонникам?

Она, не замечая того, все более и более возвышает голос.

— Кузина!..

— *Madames* Карасевы...

— Они хорошие люди! — чуть не с рыданием шепчет кузен. — Они хорошие люди...

Его всего трясет, но кузина заливается язвительным хохотом.

— Ка-ра-се-вы... — начинает она, с каждым словом делая все более и более презрительное ударение.

— Лучше пошлых гвардейцев! — почти вскрикивает потерявший над собою власть кузен, кидается в толпу, отчаянно пробивает ее и исчезает в багажной.

На несколько мгновений кузина немеет от изумления и остается неподвижна, как бы окаменев от неожиданного удара. Затем она начинает приходить в себя, и, по мере того, как она в себя приходит, ее лицо

начинает искажаться злостью. «Как он смел! Как *он* смел *мне* так говорить! А! хорошо! Увидим!» — так и читается в каждой черте.

Вдруг к ней приближается молодой человек, плохо одетый, дурно причесанный, без перчаток. Руки у него загорелые, походка твердая и осанка решительная.

Он останавливается перед гонительницей Карасевых и пристально на нее глядит. Она окидывает его с головы до ног беглым взором и небрежно отвертывается: он, видимо, произвел на нее впечатление невыгодное и причислен ею к классу *«Ничто»*.

Но приблизившийся Ничто отнюдь не смущается и, наклоняясь к ней, спокойно говорит:

— Вы, прекрасная дама, сейчас высказывали свое мнение о Карасевых. Я желаю высказать свое мнение о вас.

На лице прекрасной дамы изумление быстро сменяется страшным испугом.

«Карасев!» — думает она, оглядывается во все стороны умоляющими о выручке глазами и несвязно бормочет:

— Я не высказывала... я только так... Это кузен... он всегда меня... всегда вводит в... в заблуждение... Я не знаю Карасевых... — Теперь уже в Карасевых не влагается презрение, а, напротив, некоторая почтительность, — я даже их не видала!

— Я тоже их не знаю и не видал, — отвечает молодой человек с решительной осанкой, — но это нисколько не помешает мне выразить моего мнения о вас, прекрасная дама.

Прекрасная дама трепещет, как лист, и ждет чего-то ужасного.

— По-моему мнению, вы дура, прекрасная дама! — говорит молодой человек.

Она, правда, ожидала чего-то ужасного, но все же не этого. Она смотрит на него дикими глазами.

— Вы дура, прекрасная дама, — повторяет молодой человек тоном глубокого убеждения и отходит.

Она тем же диким взором провожает его.

Влетевший из багажной кузен, очевидно, успевший уловить последнюю фразу, замирает на месте.

Стоящие и сидящие поблизости переглядываются, перешептываются, хихикают.

Вдруг прекрасная дама оглядывается кругом, приходит в себя, соображает и, если можно так выразиться, в бешеном изнеможении снова опускается на скамейку.

Картина.

Но ее поглощает нахлынувшая струя немецкого элемента.

Немки, даже петербургские, отличаются суетливостью (исключая баронесс и графинь, которые представляют поистине изумительную деревянность), но суетливость у них особенная, так сказать, аккуратная.

Вот бежит по платформе соотечественница, обремененная всего шестью-семью узелками, и она уж теряется, роняет то то, то другое, устремляет на вас дикие взоры, как будто соображая, не потерянная ли вы ее дорожная принадлежность, тоскливо охает, зовет носильщиков — вообще, видимо, не сумеет без счаст-

ливой случайности выйти из беспомощного положения и, прежде чем доберется до своего места, испортит себе бог весть какое количество крови и уходится до полусмерти.

Вот бежит немка, навьюченная не семью, а двадцатью семью мешочками, узелками, сверточками и пакетиками. Бежит она как ни в чем не бывало; все эти мешочки, узелки, сверточки и пакетики так солидно держатся, словно растут на ней; разнообразный выюк не стесняет ее, а только заставляет преуспевать в юркости и зоркости.

Lieber Albrecht или lieber Wilhelm [*Милый Альбрехт или милый Вильгельм — нем.*], с своей стороны, тоже отличается по этой части и посматривает на какого-нибудь торопливого расстроенного «русса», как наставник на безнадежного ученика.

Багажная мало-помалу прочищается: смятение переходит в вагоны, где всякий старается уместиться в ущерб соседу.

Платформа почти опустела, и потому теперь может, кто хочет, свободно любоваться оставшимися на ней живописными личностями.

На первом плане молодой человек в светлокоричневом бархатном костюме, с наглыми голубыми глазами навывкате, с сигарой в почерневших зубах, очевидно, явившийся сюда зрителем; около молодого человека кучка приятелей в светлых панталонах и ярких галстуках, с вычурными тросточками в руках. Весь этот кружок вертится, хохочет и невероятно глупо себя держит.

Какая-то молодая женщина, покрытая темным платком, плачет, прислонившись к стене.

Небольшой отрядец дам, и во главе их две очень молоденькие, перебегает от одной дверки за барьер к другой, но повсюду оттиснуты раздраженными блюстителями порядка, которые яростно вскрикивают, заграждая проход грудью:

— Не извольте лезть! Не дозволяется!

— Да нам на секундочку! — убедительным тоном вскрикивает отрядец.

— Не дозволяется! Не извольте лезть! — вторят друг другу блюстители порядка.

— На секундочку!

— Не извольте ле...

Внезапное появление какой-то особы, развалистой и самоуверенной, вдруг заставляет отпрянуть блюстителей порядка и настежь распахнуть дверку, только что защищаемую грудью.

— Ведь вот пропускаете же, — укорительно раздаётся женский хор.

И отрядец снова пытается прорваться.

Но блюстители порядка, пропустив особу, снова уже сомкнулись и стоят непреклоннее, чем когда-либо.

— Ведь пропустили же сейчас, — раздается хор, поднимаясь на целую ноту выше. — Одних пропускаете, других нет! Это ни на что не похоже! Не все ли равно...

Пропущенная особа приостанавливается, оглядывается, окидывает бунтующий отрядец равнодушно-изумленным взором, как бы говоря: «Скажите, пожалуйста! Есть еще на свете простодушные люди, которые могут себе вообразить, что «все равно»!»

— Пустили его, пускайте и нас! — покрывает хор чей-то звонкий свежий голос.

Особе так это кажется забавно, что она даже слегка улыбается и, поправив серую шляпу, закулив сигару, облакачивается на балюстраду, с улыбкою поглядывая на мятущихся притязательниц на равенство.

Приближается господин, сдержанный, учтивый и «покорнейше» просит дам не тесниться, ибо правилами железной дороги выход за барьер воспрещается.

— Но ведь отчего ж пропустили вот того господина в серой шляпе? — возражает ему взволнованный голос.

Сдержанный господин даже не бросает взгляда по указанному направлению, но с прежним невозмутимым спокойствием отвечает:

— Вероятно, были особые уважительные причины. Права публики...

— Да у нас тоже уважительные прич...

— Не угодно ли пропустить пассажиров? Прошу вас... Будьте столь обязательны, сударыни, посторонитесь... позвольте...

— Нет, это ужасно! Это просто ужасно! — раздаются хоровые восклицания.

Однако бунтующий отрядец отступает.

Блюстители порядка оттирают капли пота с лица и вздыхают полной грудью.

Особа в серой шляпе удаляется в вагоны.

— Одних пускают, других нет! — раздаются, но уже на конце платформы, хоровые восклицания. — Это ужасно! Нет, это просто ужасно!

Двое каких-то испитых рабочих стоят и пересмеиваются.

— Сегодняшний день, видно, барыни на свет народились, — замечает один, — не благоизвестны еще, что одних пускают, а других нет!

— Должно полагать, что сегодня народились! — отвечает другой. — Одна невинность!

Ливрейный лакей носит белую шелковистую болонку с голубым ошейником взад и вперед по платформе, приговаривая:

— Сейчас, сейчас поедешь!

Трое военных молодецки рассыпаются перед бойкой и, судя по ухваткам, тоже военной дамой.

— Вы нас забудете! — говорит ей томно и вместе ухарски один офицер, причем пощелкивает шпорами и весь извивается, как змей.

— Разрешаю и вам меня забыть, — отвечает бойкая дама, обнимая одним молниеносным взглядом всю свою компанию.

— О, забыть! — восклицает другой офицер.

И, покручивая усики, цитирует, пренебрегая мерю, слова лермонтовского демона:

Забыть! Забвенья ему не дал бог,

Да он бы и не взял забвенья.

Усталые чернорабочие гуськом проходят к вагонам.

Раздается звонок.

— Прощайте! прощайте! — гудет со всех сторон. — Ну, прощай! Смотри же, не забудь! Помни! Пиши из Москвы!

— Adieu! adieu! [*Прощайте! прощайте!* — фр.] — раздается на французский и немецкий лад.

Паровик свистит, поезд трогается.

— Пиши! — кричит чей-то молодой взволнованный голос, и взволнованное лицо высовывается из окна вагона.

— Варвар! Варвар! — кричит другой, несомненно немецкий голос. — Не забыть получить за ламп! За ламп от Анн Петровн! За голубуй ламп!

— Что? — долетает голос, уже замешавшийся в расходящуюся толпу, — голос Варвар. — Что получить?

— За ламп! За ламп! За голубуй ламп! С серебряным висюлечкам... Карл Иванач знает... Голубуй ламп с висюлечкам...

При этом из окна вагона высовываются немецкие жирные пальцы и быстро движутся, очевидно, стараясь наглядно изобразить «висюлечк».

— Прощай! Пиши! — слышится опять русский голос. — Так через месяц?

— С висюлечкам! Голубуй ламп! Варвар! не забыть, ни за что в свет не забыть! Варвар! Варвар! Где ж ты, Варвар! Ah lieber Gott! [Ах, милый боже! — нем.] Какие это люди! Варвар! Варвар!

— Так через месяц?

— Напиши же!

— Да, да!

— Варвар! Варвар! Du, lieber Gott! [Ах ты, боже мой! — нем.] Варвар!..

Поезд двигается быстрее. Пассажиры уселись.

Струя свежего, хотя нельзя сказать чтобы животорного воздуха пашет в лицо. По обеим сторонам дороги мелькают бледно-зеленые нероскошные поля.

— Вы в Москву? — обращается с приветливой улыбкой пожилой, белый, раскормленный дворянин к своей соседке.

Во взгляде, в голосе, в каждой складке сытого лица видна особая какая-то ласковость — так называемая московская барская ласковость, за которую провидятся и разные московские барские добродетели: например, ни с того ни с сего закормить и запотить до полусмерти всякого, ничуть не голодного встречного, который (тоже ни с того ни с сего) приглянулся, добродушно оплакивать судьбу «братьев чехов» или «братьев сербов» и сдирать на пожертвования «для славянского единства» с «этого славного, доброго, честного русского народа», с первого слова пускаться в «задушевные речи» и проч. тому подобное.

— Нет, — кратко отвечает соседка.

— В губернию?

— В губернию.

— Но в Москве, конечно, остановитесь, поживете?

— Нет.

— Как же это? Неужто не почествуете нашу старушку белокаменную? Вы давно у нас не бывали? Много, много перемен.

Он вздыхает как-то особенно, — тоже по-московски, — с легким шипением сквозь зубы, и прибавляет с чувством:

— А и теперь еще хорошо!

Он снова вздыхает, прищуривается, задумчиво глядит в пространство, потом, как бы вдруг опомнясь, так же ласково продолжает начатую беседу.

— Вы живали в Москве?

— Нет.

— Неужто? И совсем ее не знаете?

— Случалось бывать только проездом.

— Проездом! Да как же это вы не остановились-то, а? — спрашивает он с грустно-снисходительным упреком. — И не грех? Ведь сердце земли русской! Позвольте спросить, вы разве из коренных петербургских?

— Нет.

— Я это сейчас же угадал! У вас настоящий русский тип... Наш тип, славянский... тип древних русских цариц... Скажите, вы где родились?

— В Малороссии.

— Ну, да! Так и есть! Родное, свое! Малороссия — ведь это меньшая сестра России... Скажите, как же можете вы существовать в Петербурге после ваших роскошных цветущих степей? Как вы, дитя пышной Украйны, не увяли в этом гнилом петербургском болоте?

«Дитя пышной Украйны» несколько сухо отвечает, что чувствует себя в Петербурге очень хорошо.

— Не верю! Не верю! — восклицает он, улыбаясь и помавая белой пухлой рукою. — Не верю! Существо, взросшее под животворными лучами нашей русской Италии... Украйна — это наша Италия. Не верю! Нет, не верю, не верю! Я, мужчина, не могу выносить петербургских миазмов! Я, мужчина, там дышать не могу! Я приехал туда по необходимости, но не вынес: прожил две недели и дальше не мог! Я бросил дела, я бежал из этого вертепа холодного разврата! Ни привета, ни теплого взгляда, ни задушевного слова — везде расчет, везде грязь...

«Дитя пышной Украйны» взглядывает на него и как будто хочет сказать: «За что же это осыпать вас «теплыми взглядами», «приветами» и «задушевыми речами?»»

Но ничего не говорит и обращает глаза в окно.

— Грязь, грязь и грязь! — продолжает он с благородным отвращением. — Я не могу...

— Москва тоже особой чистотой не отличается, — перебивает его звучный женский голос из противоположного угла вагона.

Звучный голос принадлежит черноглазой, бойкой на вид девушке.

— Вы изволите обращаться ко мне? — спрашивает он, повертываясь и стараясь каждым мускулом лица выразить верх язвительного изумления.

Но черноглазая девушка не обращает на это никакого внимания и, вместо ответа на язвительный вопрос, обзывает Москву «помойной ямой».

— Я нахожу излишним *вам* возражать, — говорит он после нескольких секунд немой ярости, говорит с наисильнейшим ударением над словом «вам», но очень сдержанным тоном, — я позволю себе только заметить, что, говоря о грязи, я подразумевал грязь *нравственную*... нравственную-с...

— И нравственной матушке Москве не занимать-стать, и всякой другой-прочей: полным-полнехонько! — отвечает черноглазая девица.

Он смотрит на нее с минуту, как вы бы поглядели на безвозвратно обесчестившего и погубившего себя человека, как-то особенно драматично содрогается и, словно все еще не желая верить своим ушам, с усилением произносит:

— Как-с вы сказали?

— Я сказала, что в грязи уличной и «нравственной» матушка Москва белокаменная никому первенства не уступит.

— Позвольте мне заметить, что вы, вероятно, знаете Москву по *петербургским* слухам?

— Нет, не по слухам. Я сама там чуть не задохлась.

— Чуть не задохлись? Позвольте спросить, какие же условия необходимы для того, чтобы вы могли свободно дышать?

— Такие, какие необходимы для всякой разумной твари!

— То есть коммуны-с?

— Вы пошляк, и с вами не стоит говорить.

Тут он действительно изумляется и содрогается непритворно. Все масло вдруг словно испаряется из его глаз, мясистые щеки бледнеют, и он уж не говорит, а шипит:

— Сударыня! Я *москвич*! Я *москвич* и не позволю себе забытья...

Наступает молчание. Все присутствующие встрепенулись и наострают уши. Черноглазая девица смело и беззаботно перелистывает какую-то книгу.

Москвич старается как можно презрительнее улыбаться.

Непозволительно напмаженный розовой помадой купчик, с русой клинообразной бородкой и алыми щеками, который до того времени все слушал, улыбался и обдергивал свою синюю новую чуйку, кашляет в руку и обращается к черноглазой девице не без некоторой колкости, но любезно:

— Вы уже очень конфузите Москву-с. Нам, москвичам, это огорчительно-с!

— Что ж делать? Я говорю правду.

— Это конечно-с, конечно-с... Только вы-с, по красоте своей и по молодости своей, неправильно ви-

дите-с... Москва тоже свое образование имеет-с, будьте спокойны-с! И у нас подвиги-то тоже случаются не хуже питерских! И улицы тоже хорошие имеются-с... Вот-с Тверской бульвар хоть бы взять или хоть Мясницкую... Уж Москва не так простоволоса, как вы заключаете-с. Подвиги-то не то что-с... не хуже питерских, а бывают и почище-с!

Черноглазая девица смеется и спрашивает:

— Какие же это такие подвиги? Расскажите!

— Разные-с! — отвечает купчик, то поглаживая, то покручивая свою клинообразную бородку. — Разные-с! Вот, к примеру сказать, первобытно заключали, что Петербург всегда может обойти Москву, а теперь уже нет — шалишь! Мы сами-с с усами-с!

«Москвич» наклоняется к своей соседке, «дитяти пышной Украйны», причем глаза его снова умамливаются, и говорит ей:

— Люблю русского московского человека! Как он умеет резать матушку правду! Какой у него глубокий смысл!

«Дитя роскошной Украйны» ему не отвечает, восхищения «глубоким смыслом русского московского человека» не выказывает, закутывается в шаль и отодвигается как можно подальше.

— В первобытное время-с, — продолжает купчик все с тою же улыбкою, — заключали так, чтобы Москве учиться у Петербурга большим спекуляциям, а теперь уж, пожалуй, что и Москве-с можно Петербургу уроки и наставления давать-с... Москву теперь

не проведешь — шабаш! Вот еще недавно было дело важнейшее-с! Угодно, я вам расскажу весь анекдотец?

— Расскажите, очень обяжете, — отвечает черноглазая девица.

— Извольте слушать-с. Есть у нас в Москве богатейший купец, первый торговец по бакалейной части-с. Жил он всегда благополучно, и все его душевно почитали-с. Дела, разумеется, он вел большие-с, и кредит ему был полнейший. Вот он задает обед всем своим побратимам-с. Все с удовольствием едут-с. Обед пышнейший: вина там этикие заморские, торты и блимаже [*Искаженное франц. б л а н м а н ж е — десертное блюдо*] разные — словом сказать, все, как надлежит богачу-с.

Москвич опять наклоняется к «дитяти пышной Украины» и шепчет ей:

— Слышите, как говорит? Ведь это своего рода Гомер!

«Дитя пышной Украины» опять ничего не отвечает, но отодвинуться ей уже некуда.

— Ну-с, обедают все в полном удовольствии-с и пьют за здоровье-с. И вдруг хозяин встает-с и говорит гостям-с:

«Слушайте, гости мои: я каяться буду! Судите меня!»

Все этак усмеваются-с, ожидают, что ему угодно потешить их, побалагурствовать. Кто побойчее, тоже шутки подводят.

«Кайтесь, — говорят ему, — кайтесь, батюшка! Мы суд над вами сию минуту нарядим!»

А он вдруг это в слезы-с! И закрывается этак рукавом-с, и рыдает-с... Все так и помертвели-с, слов не находят, только на него в беспамятстве глядят-с... А он только слезами, знай, заливаается да время от времени себя этак рукой в грудь-с...

Наконец, приходят в чувство-с...

«Что такое? Что такое?»

«Я, — говорит с рыданиями-с, — я банкрот! Сажайте меня в темную темницу! Простите меня, — взмаливается-с, — простите окаянного грешника: я всех вас подвел!»

И становится это на колени-с... И руки к ним простирает-с... И весь дрожит-с...

А кредит у него, как я вам уже докладывал-с, полнейший был, и всем он им задолжал, кому десять, кому пять, кому пятьдесят, может, тысяч...

Ну, все, постигаете-с, и поражены, и разнежены, потому были подвыпивши к этому факту-с. Все его поднимать с колен берутся, обнадеживают...

А он показывает на стены и на шкафы — дом у него, доложу вам, как есть чертог-с! — и рыдает этак жалостно-с:

«Все это уж не мое! Все уж продал! Думал, вывернусь!»

Ну, и так он это плакал и скорбел-с, что всех их прошиб. Кто если и поворчал, так только так, для торгового порядка-с...

«Москвич» снова обращается к «дитяти пышной Украины» и шепчет ей с волнением:

— Да! Вот наши купцы, которых так обвиняют в неразвитости, выставляют в смешном виде нынешние остроумники! Нет! сердце у них, как у народа русского, православного, золотое! Эта патриархальность, которая так смешит бессодержательных модников и модниц, скрывает под собой глубокую струю братской — святой братской любви!

Купчик оглядывается на него, прислушивается, видимо, не вполне разбирает смысл его монолога, улыбается как-то двойственно — и москвичу одним концом губ, и своей собеседнице другим — и продолжает:

— Одначе своего добра всякому жаль-с. И все по этому случаю огорчены-с и думают: неужли никакого способу спасенья нет?

Он это понимает-с и говорит им:

«Други мои, — говорит, — и благодетели! Вы меня, обманщика и разбойника, милостями обсыпали. Какая я ни на есть тварь, а забыть я этого не могу: я возьму посошок нищенский и пойду в Киев, к святым местам. Я отрекаюсь от мира. Людским подаванием буду питаться. Омочу слезами моими черствую корочку и поживлю тем свою грешную душу!»

Долго он это еще вавилоны водил-с и, наконец, объяснил им, что есть еще у него малая толика в спрятном местечке и что желает он ее им разделить полюбовно, по-братски.

«Не знаю, — говорит, — сколько придется на брата, — мало, очень мало!»

И начинает высчитывать им, кому он должен. И просто страсть выходит-с! И тому, и другому-с, и пятому, и десятому, и сотому-с. Просто, значит, придется на брата по копейке по медной-с. Выходит, не уплата-с, не процент-с, а один только смех-с...

Ну, они, разумеется, недовольны-с. Начинают ему пенять-с, что нас, дескать, равняешь со всеми прочими, а мы, дескать, и любили тебя больше, и одолжили больше.

Ну, а он берет себя этак за голову-с и начинает безумствовать-с. И безумствует-с.

«Я, — кричит, — погиб! Я грабитель! У меня голова стеклянная, я ее разобью!» И ну биться головой-с. И все это так досконально, словно на лучшем театре-с.

Они его за руки-с, они его водой поить и брызгать. Тогда он еще пуще рыдать принимается-с, и опять на колени пред ними падает-с, и кричит-с:

«Я ваш раб! Приказывайте! Что прикажете, то и исполню!»

Они и приказывают ему, что, дескать, плати ты нам одним, раздели крохи между нами.

«А те-то? — он их спрашивает. — А прочие-то несчастливцы? Ведь я их погубил! Ведь за них меня бог накажет!»

Ну, споры по этому обстоятельству были-с и разные морали-с. И долго он все не соглашался-с, даже до поту лица их довел-с... И тогда уж, как увидел их в этом положении, склонился, и вместе все

разочли и распределили-с, и получили они все по десяти копеек за рубль-с... Покончили, значит, любовно-с и разошлись по домам.

И все в той надежде, что вот он это с посошком в Киев пойдет-с, а прочие кредиторы волосы будут на себе рвать-с.

А он через недельку после этого коленца новый магазинчик открыл-с и новый домик купил-с!

Так Москва-то, извольте заключить, тоже-с подвиги может совершать-с! Вы нашу старушку понапрасну, значит, конфузите-с!

— Это выдумки! — резко вскрикивает «москвич», переходя неожиданно от умиления к раздражению. — Я не понимаю, к чему вы вздумали рассказывать здесь подобные бессмысленные не-кдоты?

— Прошу прощенья-с, анекдот самый верный-с, — отвечает несколько оторопевший, но неподатливый купчик. — И коли вы заподлинно из Москвы-с житель, так вы сами можете заключить-с...

— Вот «струя братской любви» так струя! — замечает черноглазая девица и заливается таким веселым хохотом, что даже господин в золотых очках, все время читавший газету и по бесстрастности и неподвижности скорее походивший на произведение искусства, чем на живую тварь господню, и тот переводит глаза с газеты на нее и улыбается.

Из «москвича» вся маслянистость снова испаряется, он слегка багровеет и говорит неровным голосом:

— Во всяком случае... во всяком случае, язвы родины врачуются слезами, а не смехом! Положим даже, что анекдот господина шутника, нашего спутника, справедлив, положим...

— Извольте положить-с, не сомневайтесь, — перебивает купчик. — Вся Москва знает-с, все радуются-с!

— Радуются? — вскрикивает черноглазая девица. — Радуются?

Затем снова заливается хохотом, который окончательно отрывает от газеты господина в золотых очках.

— Язвы родины... — начинает «москвич».

— Чему ж они радуются-то? — перебивает черноглазая девица.

— А как же-с не радоваться! — отвечает ей купчик. — Ведь свое-с, родное-с! И не то чтобы там от каких англичан или немцов научился, а сам, своим умом дошел-с.

— Да ведь он...

— Так что же такое-с? Хотя там от него и претерпели-с убыток, а все нельзя не почувствовать, что он молодец-с, политик-с... Голова, что называется, не сеном набита-с! Ну, и лестно-с, что и нас, дескать, бог не совсем своим промыслом обошел-с!

— Не обошел! Не обошел! — хохочет черноглазая девица.

— Язвы родины... — снова начинает «москвич».

Но черноглазая девица его снова перебивает:

— Расскажите еще про московские подвиги!

— Занятно показалось? — спрашивает купчик с самодовольной усмешечкой.

— Очень занятно! И вы отлично рассказываете: так все и видишь перед собою.

— Помилуйте-с! Это один комплимент-с!

— Ей-богу, не комплимент!

— Как можно-с! Мы понимаем-с, что это один комплимент-с...

— Ну, хорошо, как хотите... Скажите, правда это, что в Москве разводят гуано?

— Что-с?

— Гуано.

— Такого не слышал-с, не знаю-с. Давно-с?

— Недавно.

— От кого изволили слышать-с?

— От одного знакомого.

— Кто такой на прозванье-с?

— На что вам его прозванье? Дело не в прозванье, а в том, что у вас в Москве разводят гуано!

Купчик делается серьезен и, видимо, начинает подозревать, что девица намерена над ним поглотиться.

— Неужели не знаете? У вас в воспитательном доме, на чердаке...

— А! Это голубей-то-с приваживали?

— Да, да! Ведь тоже молодец!

— Хозяин-с!

— Так это правда?

— Правда истинная-с. Обидели его, обидели-с! «Москвич» яростно обращается к купчику и, шипя, спрашивает:

— Вы от кого эти сведения получаете?

— Слухом земля полнится-с, — отвечает купчик.

— Хорошо-с.

Это «хорошо-с» произнесено столь зловещим тоном, что купчик несколько смущается, но показывать смущения не желает и потому улыбается по-прежнему, пощипывая и поглаживая свою бородку.

— Ну, расскажите! — говорит ему черноглазая девица.

— Что ж рассказывать, — отвечает купчик, — сами знаете-с!

— Да я только кое-что слышала, я хотела бы по-подробнее узнать! Пожалуйста, расскажите!

Купчик только улыбается.

— Да что вы, боитесь, что ли, кого?

— Чего ж бояться мне-с? Я, слава богу, человек не подневольный-с. Слава богу, господ над собой не имею-с!

— Так как же это он приваживал голубей, а?

— Так и приваживал-с.

Там у них пространнейший чердак-с, и вот там все и происходило-с. И дошло, наконец, до того, что уж не только чердаки-с, а и верхний этаж predetermined был голубям-с, вместе с младенцами-с... Ха-ха-ха! Подлинно, как есть, хозяин-с.

— Безумная, злобная клевета! — восклицает «москвич», не обращаясь ни к кому, а так, в пространство.

— Не клевета, а глубокая «струя братской любви»! — отвечает черноглазая девица с горьким уже смехом. — Известно, по крайней мере, сколько детей поморено за это время? — обращается она к купчику.

— Мор был большой-с, а в точности неизвестно-с, — отвечает купчик, поглаживая бородку.

«Москвич», с которым чуть не сделался удар, когда черноглазая девица упомянула о «глубокой струе», несколько оправился и обращается, шипя, как кипящий сироп, к купчику:

— Любезнейший! Ты сам из Москвы?

— Московские-с, — отвечает самодовольно купчик.

— А звать тебя?

— Андрей Иванов.

Андрей Иванов вглядывается в круглое, багровое от злости дворянское лицо, смекает, что вел себя неосторожно, смущается этим, но, сохраняя вид спокойствия и даже некоторого удалства, отвечает с прежнею улыбкою:

— На что ж это вам мое прозвание понадобилось-с? Аль вы ревизские сказки списываете-с?

Для негодования «москвича» нет выражений. Он задыхается, дрожит, слюна у него брызжет, — едва возможно разобрать, как он, захлебываясь, шепчет:

— Я ревизских сказок не списываю... но... я знаком ли-ч-н-о с градоначальником и... и одолжу его... если... если... уведомя о твоих... гнусных... гнусных...

— Извольте уведомить-с, извольте... Что ж! Извольте! — отвечает заметно изменившийся в лице, но все еще старающийся бодриться Андрей Иванов. — Что ж такое? Извольте-с... извольте-с...

— Ваше прозвище!

— Не говорите! — вскрикивает черноглазая девица. — Никто не смеет вас допрашивать!

— Всякий честный человек *имеет право* требовать отчета в гнусной клевете! Да, имеет право! — шипит «москвич». — Каждый, горячо любящий родину свою...

— Должен, по-моему, кротко смотреть на некоторые ее... ее уклонения, — раздается позади «москвича» внушительный голос.

«Москвич» быстро повертывается и окидывает нового собеседника грозно-испытующим взглядом.

Новый собеседник высовывает из-за спинки вагонного дивана кудрявую, несколько косматую темно-русую голову и, вопреки молодости и искрометным темным глазам, вид имеет не только постный, но даже вместе с тем величавый. Подозрительный осмотр он выдерживает как ни в чем не бывало и затем еще более подозрительно сам начинает в упор разглядывать обернувшуюся к нему раскормленную физиономию.

— То есть, как же это? — говорит несколько сдержаннее, но все еще захлебываясь, «москвич». — Если гнусная клевета, пуская свое ядовитое жало в самые священные...

— Жало клеветы сломается о твердь правды, сказано в пророках, но это в сторону. У вас недостает смирения...

— Уж это точно-с, недостает-с! — замечает в сторону снова оживающий Андрей Иванов. — А между тем-с при таких страстях в полнокровии угрожает *кондрашка-с*.

— Смирения перед явлениями русской жизни недостает! — продолжает новый собеседник, не спуская глаз с «москвича». — Что вас оскорбило в анекдоте Андрея Иванова, — слегка кланяется при этих словах Андрею Иванову, который вскакивает и отдает ему наилюбезнейший ответный поклон, — о море и голубях?

— Клевета... — захлебывается «москвич», — клевета...

— Никакой клеветы-с! — вставляет Андрей Иванов. — Одно ваше воображение-с!

Черноглазая девица глядит на нового собеседника нельзя сказать чтобы ласково или почтительно.

— Клевета! Оскорбление благородной личности! — выговаривает «москвич». — Это теперь в моде! Я лично не знаю этого оклеветанного, но я бескорыстно, как честный человек, считаю своей обязанностью везде провозглашать, что вся эта история... вся искажена самым непозволительным образом! Из мухи сделали слона с постыдной целью...

— Позвольте просить вас познакомить нас с мухой.

— Увольте меня от этого! Чем скорее предадим мы забвению эту грязную выдумку, тем лучше!

Затем, обращаясь к «дитяти пышной Украины», вполголоса грустно говорит:

— Тяжело! Я *живой* еще человек и не могу...

Но «дитя пышной Украины», не внимая ему, обращается к сидящему в другом углу господину и просит его сделать ей одолжение, перемениться с ней местом.

Угловой господин соглашается, но, видимо, без всякой охоты. Он осторожно, словно по тонкому льду, пробирается в соседство «москвича», подбирая полы серенького пальто, опустив впалые глаза и сжав бутончиком губы; на его сером чиновничьем лице как нельзя яснее выражается: «Не надо ни с кем из них связываться! Не надо... Еще беду наживешь!»

«Москвич», цепенея, провожает глазами «дитя пышной Украины». Ему сильно угрожает «кондрашка» в эту минуту.

— Не угодно ли, я вас познакомлю с «мухой»? — спрашивает господин в золотых очках, обращаясь к кудрявой голове.

— Сделайте одолжение! — отвечает голова.

— Пожалуйста! — вскрикивает черноглазая девица.

«Москвич» обращает испуганные взоры на золотые очки, но золотые очки, поправляемые белой

рукой, очевидно, более привыкшей подписывать резолюции, чем представлять к подписи, без слов очень красноречиво отвечают: «Мой друг, со мной вам не тягаться! Я не выезжаю на любви к Москве, потому что выезжать на этом не стоит, ибо не приводит ни к чему положительному, но я имею другой полет — известный у вас в Москве под названием гуманно-административного. У нас считается полезным выводить промахи и уклонения известной категории... и я вывожу их спокойно, с полным сознанием своего долга».

Невзирая на бешенство, обуревающее «москвича», сей немой язык, очевидно, отлично им понят, потому что он мгновенно съеживается, как губка, из которой вдруг вытянули влагу, и обращает глаза в окно вагона, стараясь прикрыть видом внезапно налетевшего раздумья бушующие в груди чувства.

Золотые очки, обращая свои лучи на черноглазую девицу, с легкой улыбкой начинают:

— Я это дело знаю очень близко, потому что оно передано мне очевидцем, достойным полного доверия, занимающим довольно важный пост. Гм-гм!

Золотые очки невыразимо откашливаются, этим откашливанием упомянутый как бы вскользь «пост» вдруг выделяется, как комета на ночном небе, что заставляет «москвича» несколько раз быстро сморгнуть, хотя он головы и не повертывает.

— Что ж, как это было? — перебивает черноглазая девица с несколько резким нетерпением.

Золотые очки несколько саркастически, но чрезвычайно благосклонно улыбаются на это нетер-

пение и слегка наклоняют голову, как бы желая выразить: «Такая живость, разумеется, в порядочном обществе не принята, но я ее допускаю в такой очаровательной дикарке».

Затем продолжает:

— Начальник заведения точно был человек почтенный, если глядеть на него с точки его отношений к семье и приятелям и принимать во внимание степень его развития. Он даже, можно сказать, не скрывал своего... своего, — саркастический, но еще благосклоннейший взгляд на черноглазую девицу, — своего образа действий. Не могу вам наверно поручиться, что впервые навело его на мысль обратить вверенное ему заведение в голубятню, но предполагают, что виною этому была статья, помещенная в одном из наших журналов.

— Это в каком же? Это как же? — вскрикивает черноглазая девица, изображая всем своим существом самый ярый протест.

Золотые очки видимо любят ее, как какой-нибудь картинкой, которую, хотя ни за что не показывают ни жене, ни дочери, но тем не менее сами, в силу привилегий мужского пола, смотрят с удовольствием.

Косматая голова по-прежнему остается на спинке вагонного дивана неподвижно-внимательно. «Москвич» встрепетывается и за неимением около себя «дитяти пышной Украйны», бросив на помянутое дитя яростный взор, обращается к серому чиновнику:

— Да! Статьи нынешнего направления...

Серый чиновник покрывается краской испуга и начинает притворяться, что его душит припадок кашля.

Золотые очки продолжают:

— Я статью не осуждаю, — статья могла быть прекрасная, но беда в том, что даже прекрасное, падая на необработанную почву, производит нечто безобразное.

— Ну! — восклицает черноглазая девица.

— Многие факты это, к сожалению, неопровержимо доказывают, — отвечают, слегка наклоняя голову, золотые очки. — Я продолжаю. Статья была, если не ошибаюсь, о гуано как о превосходнейшем средстве удобрения бесплодных полей. Глава же заведения, о котором идет у нас речь, не получал с подмосковного своего имения никаких доходов именно потому, что земля там бесплодная. И вот его озаряет мысль, нельзя ли устроить в Москве гуано. Если мы еще к этому предположим, что он читал эту статью у открытого окна и увидел густую стаю голубей, опускающуюся на крышу казенного заведения, то объяснится совершенно просто, как он пришел к решению, имевшему впоследствии столь для него неприятный исход.

Он с спокойною совестью занялся производством. К концу года все чердаки преисполнены уже были голубями, и весной он имел утешение отправить несколько подвод голубиного гуано на свои подмосковные нивы.

На следующий год производство, как и следовало ожидать, пошло еще успешнее. Голуби, привлекаемые обильным кормом, заняли не только чердаки, но и верхний этаж заведения. Естественно, это несколько стеснило помещение младенцев и произвело между ними большую смертность.

Золотые очки с улыбкой умолкают. Общее безмолвие по разным причинам. Черноглазая девица задыхается от негодования; серый чиновник до того придавлен ожиданием бед от подобных разговоров, как будто сам был сильно замешан по делу о гуано; косматая голова, щурясь, всех обзирает, словно все не люди, а какие-нибудь пирожки или иллюстрации, которые ей вовсе не по вкусу, но которыми, тем не менее, приходится довольствоваться в данную минуту. Купчик Андрей Иванов как-то особенно пожимается, одним глазом взглядывает не без сарказма на «москвича», а другим, не без почтения, на золотые очки.

Золотые очки, помолчав, продолжают, обращаясь к черноглазой девице:

— Самое главное — это недостаток образования. Молодые силы России велики.

При этом золотые очки избочаются, как молодые юнкера, подносящие на гулянье розу красавице и дающие понять этой виновнице их восторгов и страданий, что она и самые розы превосходит прелестью. Нет сомнения, что они также жалают дать понять черноглазой девице, что она — пленительная представительница великих сил молодой России.

— Силы эти...

Пронзительный свисток прерывает многообещающую тираду.

Начинается суета, возня, давка. Со всех сторон жужжит: «Буфет! Буфет!», раздаются хлопанье дверей, проносятся струи кухонного запаха, женский наставнический голос пищит с нижегородским акцентом: «Ne couvrez pas, George» [*Не беги, Жорж! — фр.*].

— Чайку изопью! — вдруг все покрывает какой-то бас.

Золотые очки раскланиваются преимущественно с черноглазой девицей и удаляются с улыбкой.

Серый чиновник поспешно, спотыкаясь, выскакивает на платформу, видно, как перебегает от вагона к вагону, отыскивая более безопасного для себя места, наконец, вероятно, найдя желаемое, исчезает.

Андрей Иванов, ласково улыбаясь, словно продавая что-то неподатливому покупщику, уходит тоже в буфет.

Черноглазая девица сначала зевает, потом задумывается. Украинка, кажется, спит, потому что закрыла глаза; косматая голова остается в прежнем положении на спинке дивана; «москвич» имеет до того расстроенный вид, словно последнее его родовое имя, населенное «дорогими детскими воспоминаниями», как обыкновенно москвичи в этих случаях выражаются, описано и продается с аукциона.

Общее безмолвие.

Наконец, раздается звонок, и пассажиры беспорядочно валят к вагонам.

Андрей Иванов возвращается с кренделем и яблоком и той же улыбкой на цветущем лице.

— Не угодно ли-с? — говорит он черноглазой девице, представляя ей на трех перстах апельсин.

— Нет, не хочу, — отвечает черноглазая девица.

— Просим-с умиленно! Будьте столько милостивы, не откажите-с! — пристаёт Андрей Иванов, сбочив безбожно напомаженную голову. — Осчастливите-с человека.

— Говорят вам, не хочу! — отвечает с неудовольствием черноглазая девица. — И с какой стати вы вздумали потчевать меня апельсином? Вы бы лучше на эти деньги какой-нибудь голодной хлеба купили!

Андрей Иванов до того изумлен этими словами, что даже улыбочка его на мгновение ступшевывается и апельсин чуть не слетает с трех перстов, на которых так грациозно представлялся девице.

— Что-с? — спрашивает он, несколько оправившись.

— Лучше бы вы хлеба какой-нибудь голодной купили, чем угощать встречных апельсинами! Что ж вы на меня глядите во все глаза? Разве я по-китайски вам говорю?

— Хлеба голодной-с? — спрашивает Андрей Иванов. — Какой же это голодной-с? У меня, слава богу, голодных не имеется-с!.. Мы не какие-нибудь-с!.. Вы это напрасно-с!..

При последних словах лицо его омрачается, тон из умильного переходит в обиженный, и он, видимо, начинает подозревать черноглазую девицу в желании унижить и оскорбить его.

— Я не знаю, как это уразумевать-с! — прибавляет он.

И, взяв отвергнутый апельсин в кулак, садится.

— Вам не понятно, что лучше дать голодному кусок хлеба, чем угостить сытого апельсином? — спрашивает запальчиво черноглазая девица.

Андрею Иванову это, очевидно, непонятно. Он подозрительно смотрит на черноглазую девицу, как бы стараясь отыскать какой-то скрытый, оскорбительный для его чести смысл в этих словах.

— Вы не понимаете, что апельсин нейдет в горло, когда у других хлеба нет? — вскрикивает черноглазая девица.

— Не понимаю-с. Отчего ему нейти-с?

«Москвич» оборачивается и, глядя на черноглазую девицу, язвительно улыбается, как бы желая выразить: «Вот они, модные-то идеи!»

Косматая голова тоже смотрит на черноглазую девицу, но смотрит не без удовольствия.

И в самом деле, черноглазая девица в эту минуту хороша, — хороша не как обладательница искрометных глаз и алого румянца только, а как человек, в котором, может быть, и угловато, и не в пору, но заиграли те человеческие чувства, которыми он отличается от скотов.

— Вы не понимаете, что позорно есть апельсины, когда вон та старуха, глядите, глядите, — вон идет она!

И черноглазая девица толкает его к окну.

Он выглядывает из окна и говорит:

— Вижу-с, вижу-с!
— Когда та старуха едва тащится!
— Как-с? Позорно-с?
— Да, позорно! Понимаете, стыдно, совестно!
— Нет-с, не стыдно и не совестно-с. Даже нис-
колько-с.

— Нисколько?!
— Нисколько-с. Потому я в этой старухе не ви-
новат-с.

— Все мы виноваты!
— Может, вы-с, а я не виноват-с!
— Говорю вам, все, все виноваты! Понимаете
вы — *все!*

Андрей Иванов улыбается и, поглаживая бород-
ку, возражает:

— Не могу этому верить-с. Вдруг какая-нибудь
бродяга-с, и вдруг все виноваты! Не могу верить-с!

— Да поймите же, наконец...
— Сударыня! — вдруг отзывается косматая голо-
ва. — Вы рассыпали бисер!

Черноглазая девица обертывается и с удивлени-
ем резко спрашивает:

— Какой бисер? Где бисер?
— Вы рассыпали бисер, — повторяет косматая
голова, выразительно глядя ей в лицо. — Я сам ви-
дел, как покатались бисеринки вот к их ногам.

И косматая голова кивает на Андрея Иванова.

Андрей Иванов нагибается, некоторое время
шарит по полу, затем поднимается, встряхивает во-

лосами, с которых брызгает помада, подозрительно взглядывает на косматую голову и усаживается на месте.

Черноглазая девица улыбается и говорит:

— Ах, и в самом деле я просыпала!

Затем погружается в невеселые думы, что можно видеть по ее живому, выразительно говорящему лицу.

Раздается последний звонок. На опустелой платформе видны золотые очки под руку с каким-то гладко выбритым, словно выскобленным, розовым подбородком благородных размеров и пухлости.

Золотые очки перебегают по окнам вагонов, очевидно, отыскивая что-то интересное.

Подбородок говорит:

— Где ж она? Нет? Ну, пойдете, — может быть, она где-нибудь там в третьем... бог с ней! Вы знаете, у нас Аline с мужем. Как похорошела! Персик! Пойдете!

— Погодите! Погодите! Я вам говорю, прелесть! Вот она!

И золотые очки указывают на черноглазую девицу.

Подбородок остается доволен.

— Да! — говорит он. — Да! Вы разговорились с ней?

— Некогда было! Ведь это своего рода скала.

— А говорили, что все нигилистки уроды! — замечает подбородок, приподнимаясь на цыпочки для полнейшего обозрения обсуждаемого предмета.

— Нет правила без исключения! — отвечают золотые очки.

— И, кажется, довольно чистенькая, а?

— Ничего. Жаль, что я дал слово Катерине Ивановне. Я бы поехал с ней до Москвы!

— Энтузиаст! — смеется подбородок.

— Вами любуются-с! — уведомляет Андрей Иванов черноглазую девицу.

— Что? — спрашивает она, поднимая голову.

— В восторги от вас приходят-с. Извольте взглянуть-с!

Она взглядывает, потом с омерзением отворачивается.

— Барышни всегда притворщицы-с! — с хихиканьем говорит Андрей Иванов, намекая на выказанное ею презрение к приходящим в восторги.

— Перестаньте говорить глупости! — замечает черноглазая девица.

— Помилуйте-с, какие ж глупости-с...

Третий звонок. Поезд шипит, свистит и двигается.

Скоро исчезает из глаз пассажиров и платформа, и золотые очки под руку с подбородком, и переставные лавочки с прогорклыми, сухими, пыльными снедами, и сама станция с претензией на архитектуру.

Опять поля. Несколько ярче и гуще зелень, но все-таки очень плоха. Мелькают по сторонам более или менее чахлые кусты; то там, то сям поднимаются вдали крупные коршуны и описывают широкие медленные круги в воздухе. Еще дальше на тропинках, ведущих куда-то в деревни, время от времени чернеется, как муравей, какой-нибудь прохожий мужик или прохожая баба.

Жар усиливается, пыль все больше и больше набивается в вагоны. Небо неприятного голубовато-серого цвета, как оно изображается на вышитых гарусом подушках над головой турка в чалме или охотника в узорчатом патронташе.

— Ма-а-туш-шки! Вот жаротва-то приперла! — слышится из вагона.

Андрей Иванов, отирая пот с лоснящегося лба, заводит разговор.

— Тепло-с! — начинает он, обращаясь к черноглазой девице.

Черноглазая девица, невзирая на его умильную улыбку, не дает никакого ответа на его справедливое заявление о теплоте.

— Напрасно вы изволите на меня обижаться-с, — продолжает он. — Мне это прискорбно-с! Я...

— Оставьте меня в покое, — прерывает его черноглазая девица.

Она берет книгу, отыскивает страницу и принимается за чтение.

Андрей Иванов краснеет и обидчиво возражает:

— Не постигаю-с! Не могу даже постигнуть-с!

Косматая голова переходит на свободное место против «москвича», который только скашивает на нее глаза, но прямо не взглядывает.

Андрей Иванов, желая, вероятно, показать, что его пренебрежение черноглазой девицы мало трогает, обращается к косматой голове:

— Далеко изволите ехать-с?

— В деревню.

— По найму-с?

— Нет, без найма.

— А! В гости, стало быть. К помещикам-с?

— К родителям.

— А! Вы в Питере каким это делом занимаетесь?

— Живу у дяди.

— А дядя-то в каком положении-с?

— Служит.

— Гм! И хорошо-с?

— Ничего.

— Много получает-с?

— Тысяч четыреста в год.

— Что-о-о-с? Да он кто ж такой-с?

— Он...

Тут косматая голова выговаривает такую важную и известную фамилию, что Андрей Иванов изменяется в лице. «Москвич» заметно вздрагивает, и даже черноглазая девица переводит глаза с книги на него.

Только не шевелится украинка, которая все остается с закрытыми глазами.

— Шутите-с? — произносит, именно не говорит, а произносит Андрей Иванов.

«Москвич» внимательно оглядывает косматую голову с ног до маковки.

Этот осмотр его, по-видимому, успокаивает.

— Что за шутки! — отвечает косматая голова.

— Родной дяденька-с?

— Самый родной. Родней и не бывает.

«Москвич» не произносит ни слова возражения, но глаза его неподвижно устремляются на грудь косматой головы, на те именно места, где остаются признаки отсутствующих пуговиц на потертом пиджаке.

— Да, — говорит косматая голова, — да! Провинился я перед дядюшкой! Вообразите, картежничал семь суток! Проиграл пятьдесят тысяч, лошадей, часы — все!

— Ах, несчастье-с какое примерное! — вскрикивает Андрей Иванов.

Это его восклицание совершенно не похоже на все предыдущие. В нем слышится что-то похожее на заискивающий визг маленькой шавки, очутившейся перед большим, хотя и облитым из кухни горячей водою, водолазом или другим каким большим псом.

«Москвич» пока ничего не выражает словесно, но глаза его умащаются и он, подобно гелиотропу, обращающемуся невольно к солнцу, оборачивается к племяннику «дяди».

Черноглазая девица опять принимается за чтение.

Впрочем, время от времени она поглядывает на косматую голову и на подвижном лице ее ясно тогда читается: как однако же можно ошибиться!

Духота невыносимая. Андрею Иванову хочется до смерти почать апельсин, который чуть не испекся в его мясистой руке, но он считает недозволительным делать это при племяннике важного лица и поэтому только вертит этим плодом.

— Фу, какая жара! — говорит косматая голова.

— Мучительная, — отвечает с чувством «москвич». — Жажда мучит...

— Да, скверно!

— Нельзя ли у кондуктора воды достать, как вы думаете?

«Москвич» в этих простых, казалось бы, словах искусно выражает что-то особое, — «симпатию душ», как говорится еще в Москве.

— Не угодно ли? — робко спрашивает Андрей Иванов, снова воздвигая свой апельсин на три перста и представляя его «племяннику».

— Спасибо, — отвечает благосклонно тот, берет апельсин, чистит, первый кусочек кладет себе в рот, второй протягивает черноглазой девице, кивком приглашая ее принять участие в пиршестве.

Рука его, вытянувшись во всю длину, обнаруживает распоротый шов рукава.

Но это уже не шокирует ни «москвича», ни Андрея Иванова, потому что ведь шов распоролся не от нужды и горя, а от размаха широкой русской природы,

той природы, которая особенно хорошо развивается на «собственных» полях нашей обширной родины.

Черноглазая девица взглядывает и резко говорит:

— Не хочу!

— Напрасно! — замечает косматая голова. — Напрасно.

Только что он успевает съесть апельсин, «москвич» предлагает ему тонкую сигару.

И сколько симпатии он при этом выражает одним склонением своего грузного, но гибкого туловища!

— Кажется, недурна, — говорит он задушевым голосом,

— А вот увидим! — отвечает косматая голова. — Очень обязан.

— Огню!

— Очень признателен!

Оба начинают курить.

— У вас настоящая русская размашистая натура! — говорит как-то из груди «москвич». — Одна из тех натур, что как степь необозримая...

Поезд останавливается. Опять суета, давка, шум и крик.

Косматая голова встает, направляется к выходу, приостанавливается на пороге и, не выпуская сигары изо рта, говорит:

— А ведь *** мне не родной дядя!

Андрей Иванов поднимает вверх клинообразную бородку, «москвич» покрывается тенью.

— И даже совсем не дядя, — прибавляет жестокая косматая голова, — я не картежник, я только нахвостал, и имя мне не степь необозримая, а — ничто.

И он скрывается.

Андрей Иванов, придя в себя, раздражается потоком оскорбительных прозвищ. «Москвич» до того взбешен, что язык у него как бы отнимается.

Зато как торжествует черноглазая девица!

Даже украинка просыпается.

В вагон входит дама в дорогом шиньоне и изящном летнем туалете, с книжкой в руках, так сказать, дама безличная, хотя и обладает она довольно некрасивым лицом.

За дамой входит еще коренастый молодой человек в каком-то, по всем признакам, модном сюртучке: лацканы в виде распяленных крыльев летучей мыши, сердцеобразный вырез на груди являет тонкую, накрахмаленную колом рубашку с буфами; на руках светло-лиловые перчатки, на голове шотландская шапочка, галстук яркий полосатый, вид, хотя дикий, но вместе с тем довольно самоуверенный, глазки узенькие, подбородок тупой.

Если бы молодые вепри одевались в модные костюмы и ездили по Николаевской железной дороге, они имели бы совершенно то же выражение морды.

Рассаживаются по местам. Дама открывает книгу, судя по формату, французский роман; молодой человек вынимает из кармана надушенный платок и нюхает.

Даму книга, однако, мало занимает; она высывается из окна и начинает следить за снующими по платформе фигурами.

Поезд трогается.

«Москвич», несколько успокоившись, оглядывает новоприбывших подозрительно.

Вдруг лицо его просветлевает. Он вскрикивает:

— Помпей Петрович! Вы ли это?

И протягивает обе руки к господину с лацканами наподобие крыльев летучей мыши.

— Ах! — отвечает Помпей Петрович. — Ах, Павел Иларионович! Как приятно!

— Куда бог несет?

— В Москву.

— Очень рад, очень рад. Прямо ко мне обедать. Слышите? Прямо!

— Благодарю вас. Непременно. Я долгом почту, и это такой приятный долг...

— Спасибо, спасибо, милейший! Как счастлив ваш батюшка, что вы не похожи на нынешнюю молодежь!

При словах «нынешняя молодежь» Помпея Петровича всего передергивает, и глазки его вдруг начинают наливаться кровью.

— Да, счастлив он, счастлив! — повторяет «москвич» с глубоким вздохом, изгоняющим целую струю пыли из вагона. — Помните: на вас одних, непричастных царствующему теперь нравственному разврату, покоятся судьбы отечества и все святые предания старины, завещанные нам могучими нашими дедами! Ужасно, что теперь у нас совершается!

— Да, ужасно! — отвечает Помпей Петрович. — Мужики развращены так, что ничего нельзя устроить. Я хотел сделать улучшения... улучшения... Ничего невозможно устроить!

— Бедный народ! Он не виноват! Он ведь как чистый младенец: злодей завертывает его в свою порочную мантию, а он ясно улыбается и не провидит растлевающего прикосновения нечистых рук!

— Вы смотрите на народ так... так... Вы представляете себе его таким... таким добрым, потому что вы не живете в деревне! — возражает Помпей Петрович, свирепея и по мере этой одолевающей свирепости как бы прихрюкивая. — Поживите вы с народом, так скажете другое! Такого мошенничества нигде больше не сыщете! Вор на воре, разбойник на разбойнике! Ничего нельзя устроить у себя в собственном имении!..

— Нет, друг мой! Нет! Народ не испорчен, — он соблазнен, — и, повторяю, соблазнен, как чистый младенец! Я верю, придут лучшие времена, когда вся скверна спадет с него, как чешуя с очей апостола Павла, и он поклонится правде и добру!

— Это потому, что вы не живете в деревне! — возражает еще с большей свирепостью и с сильнейшим прихрюкиванием Помпей Петрович. — Ведь ничего нельзя устроить, как хочешь! В своем собственном имении!

— Да, — вмешивается дама в дорогом шиньоне, — даже женщины теперь ужасно развращены нравами! Вот у меня в деревне тоже такие все непри-

ятности. Я веду просто страдальческую жизнь. Знаете, даже боюсь жить одна. Я очень кроткого характера, — мне неприятно всякое буйство. Я взяла гувернантку больше потому, чтобы не жить одной. Дети в ней не нуждаются, — они еще малы.

— Позвольте спросить, откуда вы взяли гувернантку? — спрашивает «москвич», наклоняя туловище вперед каким-то тоже «задушевым» манером.

— Из Петербурга.

— Позвольте вы мне сделать маленькое замечание?

— Ах, пожалуйста!

— Все, что из Петербурга, нравственно подточено.

— Как?

— Я хочу сказать, что все петербургские проникнуты порчею — так называемыми современными идеями.

— Не все! — с упованием восклицает дама.

— Все-с. Мне грустно сказать это, грустно выводить вас из отрадного заблуждения, но правда выше всего! Петербургские женщины...

Тут Помпей Петрович так вскрикивает, как будто петербургские женщины отодвинули от него крыто самого дорогого месива:

— Там все женский вопрос!

— У нас тоже говорили об этом женском вопросе, — вздыхает дама. — Но это так. Потом все прошло.

— Это какой же-с женский вопрос? — вмешивается Андрей Иванов, с умильной улыбочкой обращаясь к даме.

— Университеты... Я, право, хорошенько не знаю сама, — отвечает дама, вздыхая.

— А! Это, видно, насчет обучения наук-с! У нас тоже по Москве ходят такие эпидемии-с... Даже между купечеством появляются-с.

— Неужели?

— Истиино-с.

«Москвич» высокомерно на него взглядывает, как бы желая сказать: «Опять? Ты опять? Предупреждаю, даром не пройдет!»

Андрей Иванов понимает этот язык взоров и, переводя умильную улыбку к «москвичу», замечает:

— Я тоже люблю Москву-с. Также моя родина-с. Вы напрасно только сомневаться изволили!

«Москвич» не поддается, однако, этому выражению симпатии и ответом, ниже улыбкой не удостоивает.

Андрей Иванов продолжает:

— Да-с, ходит даже между купечеством. Только ведь тут не лафа-с: живо обрабатывают-с. Вот, к примеру говорить, у меня сосед, купец, богатый человек-с, и у него дочь, прекрасная девица. И все сначала шло в благополучном порядке-с, — даже за офицеров замуж не хотела-с, — и вдруг-с обезумела: «Учиться буду! Учиться хочу!» И никакого сладу с ней нету, — все одно что одержимая-с. Родители испугались до смерти-с, повезли ее сейчас в Троицкую

лавру-с, служили молебен-с, поили ее святой водой, прикрывали митрополитскими ризами-с, — все не действует! Там, было, и поунялась, а приехали домой — снова безумствует-с. Отец думал-думал, а потом разложил ее и посека-с. И как помогло-с! Просто как рукой сняло-с!

— Мерзавец! — раздается вдруг звучный взволнованный голос.

Дама «очень кроткого характера», которой «неприятно всякое буйство», с испугом обращает бесцветные глаза в ту сторону.

Но черноглазая девица овладевает собою. Только легкое дрожание руки, перевертывающей листы книги, обличает ее волнение.

— Не удивляйтесь! — говорит с грустной улыбкой «москвич» даме. — Не удивляйтесь!

— Не извольте обращать внимания-с! — говорит Андрей Иванов. — Когда-нибудь посекут-с и тоже поможет-с...

И он заливается умильным, дробным смехом.

«Москвич» сдается и дарит улыбкой одобрения. Помпей Петрович издает хрюк ликования.

Дама показывает зубы, напоминающие обгорелый забор.

Между тем уж свечерело. Кондуктор зажигает огни; большая часть пассажиров умащивается и тотчас же засыпает.

Среди наступившего безмолвия раздаются отрывки речей.

— Без бедных свет даже не может стоять-с, потому спасенье души в этом для всех-с: бедные спасаются терпением-с, а богатые милосердием к неимущим-с. Круговая порука-с. Ты сподобляешься царства небесного за то, что претрадал, а я за то, что к твоим нищетам сожаление имел, — и в писании сказано-с: «Носите тяготу друг дружки», сказано-с...

— Ничего нельзя устроить в своем собственном имени!

— Я верую в светлое будущее!

— Неужели!

Пролетела ночь. Сияет яркое, жаркое утро.

«Москвич» мычит во сне. Андрей Иванов похрапывает, Помпей Петрович ежится на диване в тревожной дремоте, как оторванный от привычного логова. Дама очень кроткого характера, не представлявшая и с вечера прелести, теперь, когда дорогой шиньон ее сбился на сторону и рот разинулся, решительно никуда не годна.

Черноглазая девушка крепко спит. Во сне она положила голову на плечо соседки, поименованной «москвичом» «дитятей пышной Украйны».

Соседка уже проснулась. Она бережно приподнимает склонившуюся на ее плечо голову, кладет ее себе на колени и долго смотрит на это спящее лицо.

Какое честное, смелое, прекрасное лицо! Видно, что эти губы не раскрываются для лжи.

Она взглядывает на свесившуюся руку. Какая сильная, рабочая рука! Все не сахарные пальчики!

Она смеется от удовольствия и тихонько целует в лоб спящую.

Кажется, она думает: «Нет ничего на свете лучше честного человека!»

Вслед за этим приятным чувством является не-веселое раздумье: «Кто ты такая? Что с тобой будет? У какой пристани очутишься?»

— Москва! Москва! — вдруг вскрикивают со всех концов. — Москва видна!

1871

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие автора</i>	5
Мария Маркович и Иван Тургенев: история отношений	14
Мария Александровна Вилинская-Маркович	16
Знакомство и первые шаги	26
Учитель и ученица	37
Встреча.....	48
Небольшое отступление — о Пассеках.....	54
В поисках решения.	64
Миссия Тургенева	68
Бунт ученицы	77
Рефлексия Тургенева: как понять все то, что было?	81
Противоречия. Национальный вопрос. Добролюбов.....	86
Учитель и ученица меняются местами	94
Разрыв.....	100

Дополнения

Марко Вовчок

Червонный король	111
Лемеривна	148
Путешествие во внутрь страны.....	167

Ирина Чайковская

**МАРИЯ МАРКОВИЧ
И ИВАН ТУРГЕНЕВ**

Директор издательства *Т. Ретивов*
Дизайн обложки *С. Пионтковский*
Оригинал-макет *Б. Марковский*

ИД№ 5016 от 24.11.2015 г.
Издательство «ФОП Тетяна Ретівов»
01001, г. Киев,
ул. Малая Житомирская 8, оф. 3
Тел. (+38) 096-53-85-115

Отдел продаж
Kayala@ukr.net

Формат 70x100 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 9,6. Подписано в печать 11.09.2016
Печать офсетная. Заказ № 193

В книге Ирины Чайковской говорится о двух «классиках» — Марии Маркович (1833–1907), в 25 лет ставшей известной украинской писательницей и взявшей себе литературный псевдоним Марко Вовчок, и Иване Тургеневе (1818–1883), корифее русской литературы. Не все знают, что Тургенев переводил «Народные украинские рассказы» Марко Вовчка и в течение пяти лет, с 1859 по 1864, их связывали непростые творческие и личные отношения. Об этих сложных отношениях, неожиданно и резко оборвавшихся по воле Марии, рассказывается на основе их переписки, а также писем, дневников и свидетельств современников. В книгу включены произведения Марко Вовчка, написанные как в период интенсивного общения с Тургеневым, так и после.

СОВРЕМЕННЫЕ
ЧУВСТВА